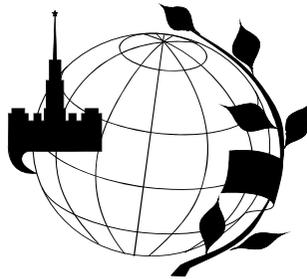

M. V. Lomonosov Moscow State University
INSTITUTE OF ASIAN AND AFRICAN STUDIES
Student Union of Moscow State University
Student Scientific Society
of the Institute of Asian and African Studies

«ЛОМОНОСОВ»

«LOMONOSOV»

Proceedings
of the 14th International Scientific Conference
for Undergraduated and Graduated Students
and Young Scientists
«LOMONOSOV – 2007»
(11 – 14 April 2007)

ORIENTAL AND AFRICAN STUDIES

Moscow
Humanitary
2007

Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова

ИНСТИТУТ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ

Студенческий союз МГУ

Научное студенческое общество
Института стран Азии и Африки МГУ

УДК 94(6)(063)
ББК 63.3(0)31я431(0)
М34

Материалы докладов XIV Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2007». Секция «Востоковедение, африканистика» = Proceedings of the 14th International Scientific Conference for Undergraduated and Graduated Students and Young Scientists «Lomonosov – 2007» (11 – 14 April 2007). Oriental and African Studies // [ред. совет сб.: Л. В. Гевелинг (пред.) и др.; отв. ред.-сост. П. В. Шлыков]. - Москва : Акад. Гуманитарных исслед., 2007. – 212 с. – В надзаг.: Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки, Студенческий союз МГУ, Научное студенческое общество Ин-та стран Азии и Африки МГУ. – Парал. титул. англ.

- ISBN 5-98499-056-3

И. Шлыков, П.В., ред.

Агентство СІР РГБ

Редакционный совет сборника:

Л. В. Гевелинг (председатель), А. Л. Сафронова, В. Б. Иванов,
В. А. Мельянцева, А. А. Вигасин, М. Ю. Ульянов,
А. Е. Кириченко, П. В. Шлыков

Ответственный редактор-составитель:

П. В. Шлыков

В настоящий сборник вошли тезисы докладов, представленных на заседаниях секции «Востоковедение и африканистика» Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2007» (11 – 14 апреля 2007 года).

ББК 63.3(0)31я431(0)

Материалы докладов
XIV Международной научной конференции
студентов, аспирантов и молодых ученых
«Ломоносов-2007»
(11 – 14 апреля 2007 г.)
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И АФРИКАНИСТИКА

Москва
Гуманитарий
2007

ISBN 5-98499-056-3

© НСО ИСАА при
МГУ им. М.В. Ломоносова, 2007
© Коллектив авторов, 2007
© Академия гуманитарных исследований, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

НАПРАВЛЕНИЕ «ИСТОРИЯ» 10

АКУЛЕНКО ВАДИМ СЕРГЕЕВИЧ <i>Попытка объяснить «тульсирующую» миграцию неолитического человека из Манчжурии на Корейский полуостров.....</i>	10
БАШКЕЕВ ВИКТОР ВИКТОРОВИЧ <i>Изменения денежной системы в государстве Западная Хань (206 г. до н. э. – 8 г. н. э.): по материалам главы 24 Ханьшу («Истории [государства Западная Хань]»)</i>	11
БУГРОВА МАРИЯ СЕРГЕЕВНА <i>Британские экспедиции в Китай и соседние районы в 70-90-х гг. XIX в.</i>	15
ВАСИЛЬЕВА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА <i>Политика «самоусиления» (1860-90-е годы): историография вопроса</i>	17
ВИТЯЗЕВА ОЛЬГА ГЕННАДЬЕВНА <i>Старость в сознании японской аристократии периода Хэйан</i>	20
ГАБУЕВ АЛЕКСАНДР ТАМЕРЛАНОВИЧ <i>Понятие «государство» и его древнекитайские эквиваленты в тексте «Шуцзина» (на примере документов гао в версии цзиньвэнь)</i>	22
ГАБУЕВ АЛЕКСАНДР ТАМЕРЛАНОВИЧ, ДРЕЙЗИС ЮЛИЯ АЛЕКСАНДРОВНА <i>Чай или суп: чайная церемония в эпоху Тан (618-907) по материалам «Канона чая»</i>	23
ДВОРНИКОВА АНАСТАСИЯ СЕРГЕЕВНА <i>Этапы проникновения ислама в Эфиопию. Её отношения с мусульманскими государствами Северо-Восточной Африки на основании материалов Эфиопских хроник</i>	26
ДЕМИЧЕВ КИРИЛЛ АНДРЕЕВИЧ <i>Проблема «открытия» Инда в контексте развития англо-сикхских отношений 30-40-х гг. XIX в.</i>	27
ЛАШКАРИЕВ АМРИШО ЗОХИРБЕКОВИЧ <i>Обряд «зажигание священной лампы» у исмаилитов Западного Памира (поминальный цикл)</i>	30
ЛЕЩЕНКО КСЕНИЯ АНДРЕЕВНА <i>К проблеме общественной безопасности в японской столице до и после Реставрации Мэйдзи 1867-1868 гг. (по материалам дневника Ротерфорда Олькока и путевых заметок В. В. Крестовского)</i>	32
ЛОБОВ ИЛЬЯ ВЛАДИМИРОВИЧ <i>Проблемы размежевания российско-китайских границ</i>	35

МАНАХОВА ЮЛИЯ ВИКТОРОВНА <i>Группы «Путь предков» («Ата жолы») в Казахстане как проявление ретрадиционализации или архаизации</i>	37
МАРЧЕНКО ЕВГЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА <i>Роль монархии в политической борьбе в Камбодже в 40-50-е гг. XX в.</i>	39
РАЙХЕЛЬ ОЛЬГА ВИКТОРОВНА <i>Жизнь как путь самосовершенствования (на основе священного текста буддизма махаяны «Лотосовая сутра»)</i>	42
СЕМЕНИСТ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ <i>Внешняя политика Японии в 90-е гг. XX ст.: проблемы переходного периода</i>	44
СОМКИНА НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА <i>Некоторые аспекты зооморфной символики власти в Китае</i>	47
СТУРЕЙКО СТЕПАН АНДРЕЕВИЧ <i>Проблемы репатриации афганских беженцев в Пакистане</i>	50
ФИЛИМОНОВА АЛИНА ЛЕВОНОВНА <i>Идея создания Пакистана в трактовке региональных филиалов Мусульманской Лиги (Северо-западные районы Британской Индии)</i>	53
ФИЛИППОВ АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ <i>Механизм смены власти в раннебахритский период (1250-1261)</i>	56
ХАБИЕВ ЕРБОЛ УРАЗГАЛИЕВИЧ <i>Контрасты во взаимоотношениях между Китаем и Японией</i>	59
ХАЛИЗОВА АННА АЛЕКСАНДРОВНА <i>«Мяко Мэйсё дзуэ» как исторический источник</i>	62
ШЕСТАКОВ НИКОЛАЙ РОБЕРТОВИЧ <i>Причины и последствия «возрожденного процесса» в Болгарии</i>	64
ШЛЫКОВ ПАВЕЛ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ <i>Социально-политическое измерение системы исламской благотворительности (вакфов) в современной Турции</i>	71
ЩЕЛКОНОГОВА ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА <i>Основные тенденции восприятия КНР жителями Японии в середине 80-х гг. XX в. – начале XXI в.</i>	78
ЯКИМОВА АНАСТАСИЯ ЮРЬЕВНА <i>Особенности дзэн-буддизма как религиозной системы</i>	81
ЯКОВЛЕВА ЕКАТЕРИНА ЯКОВЛЕВНА <i>«Соляная» сатьяграха Махатмы Ганди 75 лет спустя</i>	83
GAUTAM SHAKRABARTI <i>Āsamudrahimācalam: Cānaka's Supposed Construction of a Cultural Weltanschauung for Hindutva</i>	86

НАПРАВЛЕНИЕ «ФИЛОЛОГИЯ» 88

- АЛЕКСЕЕВА МАРИЯ ЕВГЕНЬЕВНА
Проблема языка и национальная идентичность в современном Израиле..... 88
- АНИСИМОВ РУСЛАН НИКОЛАЕВИЧ
Сравнительно-сопоставительный анализ ФЕ с компонентом göz /kharakh – «глаз» в турецком и якутском языках..... 90
- БАЛЫГИНА ЕКАТЕРИНА ДМИТРИЕВНА
Глаголы движения как тематический класс (на материале турецкого языка)..... 93
- БЛАГОВЕЩЕНСКАЯ ОЛЬГА ВЯЧЕСЛАВОВНА
О роли азбуки катакана в письменном языке японской молодёжи..... 96
- БУГАЕВ ДЕНИС СЕРГЕЕВИЧ
Суфийские мотивы в произведениях Пелевина 98
- ВОЛОДИНА ЕЛЕНА ГЕННАДЬЕВНА
Английские лексические элементы в современном турецком языке (сфера культуры) 99
- ВОСКАНЯНЦ ДАРЬЯ ЕВГЕНЬЕВНА
Общие тюркско-монгольские лексические элементы..... 103
- ВЯЗИГИНА КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА
Исследование частотности употребления прилагательного קָוֶה («сильный») в израильской прессе..... 106
- ДОРОХИНА МАРИЯ ОЛЕГОВНА
Изменения в системе именных (согласовательных) классов в языках банту.112
- ДРЕЙЗИС ЮЛИЯ АЛЕКСАНДРОВНА
Нормативный канон и авторское начало: структурный анализ поэтической формы цы на примере творчества Су Дунпо (1036–1101)..... 113
- ЗАВОРОТНОВА ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА
Некоторые проблемы изучения тюркской фразеологии: статус сложных глаголов..... 116
- КОНДРАШЕВСКИЙ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
Особенности грамматического оформления прилагательных в китайском языке в грамматической концепции Чжэу Дэси..... 119
- КОНОНОВА ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА
К вопросу об употреблении форманта vālā в языке хинди 123
- ЛАРИОНОВА ЕВГЕНИЯ ИВАНОВНА
К вопросу о генезисе и эволюции жанра литературной сказки в турецкой литературе 126
- МОКРУШИНА АМАЛИЯ АНАТОЛЬЕВНА
Экспликация эмоциональных концептов на примере русского и арабского языков..... 129

ПИНЧУК ЕЛЕНА ЮРЬЕВНА

Проблема соотношения слога и морфемы в языке суахили (на материале слоговых и неслоговых назальных звуков)..... 132**НАПРАВЛЕНИЕ «ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА» 134**

- АЛЕХИН АЛЕКСЕЙ ВИКТОРОВИЧ
Корпоративная социальная ответственность в Китае 134
- АРИФУЛЛИНА ТАТЬЯНА ШАМИЛЬЕВНА
Незаконная миграция на российско-казахстанской границе в постсоветский период..... 137
- БОЧАРОВ ЕГОР ВЛАДИМИРОВИЧ
Экономический рост Японии в начале XXI века: место и роль сферы услуг . 140
- ВИЛЬНЕР РОМАН МИХАЙЛОВИЧ
Тяжёлые высокосернистые нефти Китая: необыкновенные перспективы развития добычи и переработки..... 142
- ГЕОРГИ ФЕДОР ВАДИМОВИЧ
Образ Голанских Высот в общественно-политической мысли Израиля: аргументация за удержание..... 144
- ГОРЯИНА ЮЛИЯ ПАВЛОВНА
Образ Китая в контексте современных международных отношений 147
- ЖАКИЕВА БАЯНГУЛЬ КУАНДЫКОВНА
Салафизм (ваххабизм) в Западном Казахстане: вызов времени..... 149
- ЗВЕРЕВА АЛЛА НИКОЛАЕВНА
Роль государства в экономике Вьетнама: исторический обзор 152
- КАРПОВ ГРИГОРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
Проблемы интеграции мусульман в западноевропейское общество на рубеже XX - XXI вв...... 155
- КАРПОВ ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
Роль Южной Кореи в формировании зоны свободной торговли и единой валютной зоны в Северо-Восточной Азии..... 158
- КОМПАНИЕЦ ЗЛАТА АЛЕКСАНДРОВНА
Права не мусульман в Саудовской Аравии и Ливане: сравнительный анализ 161
- КОФАНОВ ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
Инфляция и экономический рост в долгосрочном периоде. Пример Исламской Республики Иран..... 163
- КУЗНЕЦОВ ДМИТРИЙ ВЛАДИСЛАВОВИЧ
Иранская ядерная программа и общественное мнение в ИРИ..... 165
- КУЗНЕЦОВА АНАСТАСИЯ КОНСТАНТИНОВНА
Гендерная дискриминация на рынке труда КНР..... 169
- ЛАПЕРДИНА ВИКТОРИЯ ВИКТОРОВНА
Характеристика современного экономического роста КНР..... 173

НУРМУХАМЕТОВ ГАНИ АЛЬБЕРТОВИЧ <i>Палестина в условиях двоевластия: реалии и перспективы</i>	176
РАДЧЕНКО ОЛЬГА ВАСИЛЬВЕНА <i>Положения выходцев из стран Азии и Африки в Канаде</i>	179
РОДИВИЛОВА ДАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА <i>Роль кастового фактора в политической жизни современной Индии</i>	182
РОДИОНОВ АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ <i>Российско-китайские внешнеторговые связи</i>	185
РЫБАЛКИН РОМАН СЕРГЕЕВИЧ <i>К вопросу о современном состоянии банковской системы Саудовской Аравии</i>	188
САЛИЙЧУК АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ <i>Инвестиции и сбережения в арабских странах (1980-2005 гг.)</i>	191
СПИРИДОНОВА ТАТЬЯНА ВАСИЛЬВЕНА <i>Турция на пути экономической интеграции в Европейский союз в период 1999-2005 гг.</i>	194
СТЕП ДАРЬЯ ГРИГОРЬВЕНА <i>Образ России по материалам нигерийской прессы за последние три года</i> ...	196
СТРОВСКИЙ МИХАИЛ ДМИТРИЕВИЧ <i>Демографические проблемы КНР в условиях создания благоприятных зарубежных экономических отношений</i>	198
ТВЕРСКАЯ ДАРЬЯ ВАСИЛЬВЕНА <i>Процесс развития взаимодействия банковской системы Китая с международным банковским сообществом</i>	199
ТКАЧУК ОКСАНА НИКОЛАЕВНА <i>Образ Японца в современной массовой европейской культуре</i>	202
УСПЕНСКИЙ ЕВГЕНИЙ ЭДУАРДОВИЧ <i>Образование, как императив конкурентоспособности арабских стран</i>	204
ХУДЯКОВ ДМИТРИЙ АНДРЕЕВИЧ <i>Влияние миграции населения на рынок труда КНР</i>	207
ШАПОВАЛОВА ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА <i>Проект «Сахалин -2» в японо-российских отношениях</i>	209

НАПРАВЛЕНИЕ «ИСТОРИЯ»

Попытка объяснить «пульсирующую» миграцию неолитического человека из Манчжурии на Корейский полуостров¹

Акуленко Вадим Сергеевич²

Дальневосточный государственный университет (Владивосток)

Общепризнано наличие на Корейском полуострове, по крайней мере, двух крупных этнорасовых пластов – северного и южного.

По этнографическим и лингвистическим наблюдениям, а также археологическим находкам явственно прослеживаются черты как северного, так и южного происхождения. На основании этих наблюдений и находок, можно прийти к выводу, что на заре неолита юг Корейского полуострова, а также о. Кюсю заселила какая-то этническая общность южного происхождения (скорее всего тихоокеанские монголоиды). Однако главное развитие этнической истории неолитической Кореи происходило в рамках северной монгольской расы, с этим согласно подавляющее большинство историков, занимающихся ранней историей Кореи. Ко всему прочему доказан пульсирующий характер переселений. Одна волна с севера через некоторое время «накатывалась» на другую.

Подобную динамику переселений можно объяснить засухой в аридной зоне Евразии. Корейский полуостров, окружённый морем, не знает засушливых периодов, напротив, на юге и в средней части Кореи с древних времён известен период переувлажнения, называемый сезон «чанма». Южная Манчжурия также не может считаться слишком засушливым регионом, особенно та её часть, что близка к заливу Бохай. К востоку и северу этого региона раскинулись степи современной нам Внутренней Монголии. Здесь климат несомненно более засушливый, но со смещением направления циклонов влажность в этих местах могла изменяться, а местность становилась пригодной для проживания. Обратное смещение и могло приводить к выселению людей южнее (т.е. на территорию современного Корейского полуострова).

Так, по нашему мнению, можно объяснить отмеченную многими авторами волнообразную, пульсирующую миграцию северного эле-

¹ Полное название доклада: «Попытка объяснить волнообразный (пульсирующий) характер миграции человека из Манчжурии на Корейский полуострова в период неолита с помощью теории изменения направления циклонов в зоне аридного климата Евразии».

² Автор выражает признательность доценту, к.и.н. Толстокулакову И.А. за помощь в подготовке тезисов.

мента на Корейский полуостров ещё до активного вмешательства Китая во внутренние дела данного региона.

Литература

1. Воробьёв М.В. Корея до второй трети VII в.: Этнос, общество, культура и окружающий мир. СПб., 1997.
2. Гумилёв Л.Н. Ритмы Евразии. Эпохи цивилизации. М., 2005.
3. Гумилёв Л.Н. Гетерохронность увлажнения Евразии в древности (Ландшафт и этнос) IV // Вестник ЛГУ. – 1966. – № 6. – С. 55-94.
4. Джарылгасинова Р.Ш. Соотношение северного и южного компонентов в этногенезе корейцев. – Автореф. ... канд. ист. наук. М.
5. Курбанов С.О. Курс лекций по истории Кореи: с древнейших времён до конца XX в. СПб., 2002.
6. Рю Хакку. Проблемы ранней истории Кореи в японской историографии. М., 1975.
7. Тихонов В.М. История каяских протогосударств (вторая половина V в. – 562 г.). М., 1998.
8. Тихонов В.М. Фрагменты из «Карак кукки» (к вопросу о «северном» и «южном» компонентах в этногенезе корейцев) // Российское корееведение. Альманах. Вып. 3. – М., 2003. С. 85-99.
9. Толстоулаков И.А. Очерк истории корейской культуры. Владивосток, 2002.

Изменения денежной системы в государстве Западная Хань (206 г. до н. э. – 8 г. н. э.): по материалам главы 24 Ханьшу («Истории [государства Западная] Хань»)

Башкеев Виктор Викторович

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

1. Данное исследование представляет собой анализ изменения денежной системы в государстве Западная Хань (206 г. до н.э. – 8 г. н.э.). Исследование проведено на материале 24 главы «Ханьшу». Цель исследования – проследить развитие денежной системы в данный период с точки зрения поиска стабильной денежной единицы.

1.1. Первое сведение о состоянии денежной системы относится к первому правлению – правлению Гао Цзу (206 г. до н.э. – 195 г. н.э.). Здесь сообщается о введении в обращение монет *цзя*, заменивших собой монеты государства Цинь. Год в источнике не указан. В описании следующих двух правлений сведения о денежной системе отсутствуют,

и появляются только при описании правления императора Вэнь-ди (178 – 157 г. до н.э.).

2. Правление Вэнь-ди – первое правление, в котором были приняты серьезные меры по изменению денежной системы, направленные на укрепление экономического положения государства. В 175 г. до н.э. было сделано следующее:

2.1. Введена в обращение новая монета – *сышу*, также называемая *баньян*.

2.2. Было разрешено отливать монету в частном порядке; при этом нельзя нарушать обязательную норму металла в одной монете *сышу* – это каралось как фальшивомонетчество (норма металла в монете в источнике не приводится). Этот закон стал основным мероприятием власти в сфере денежного обращения, которое позволило создать значительные запасы на будущее.

3. Следующее после Вэнь-ди правление Цзин-ди (157 г. до н.э. – 140 г. до н.э.) не содержит никаких сведений об изменениях в денежной системе. Судя по источнику, Вэнь-ди удалось добиться стабильности в финансовой и экономической сфере, т. к. в правление Цзин-ди происходит перестройка дворцов и парков (читай – обновление инфраструктуры), возможная только в ситуации стабильности.

Поэтому правление характеризуется как одно из ключевых в сфере экономического развития, т. к. именно тогда были предприняты меры, заложившие базу для создания империи.

4. Второе из этих правлений – правление императора У-ди (140-87 гг. до н.э.) – самое длительное и насыщенное событиями в государстве Западная Хань.

Правление было поделено нами на четыре периода, в соответствии с которыми менялась экономическая ситуация: Критериями начала и конца периодов были сообщения источника о недостатке (начало периода) о нехватке средств (конец периода).

4.1. **140-138 гг. до н.э.** Два года. Это период экономического благополучия и процветания, в который государство опиралось на резервы, накопленные предыдущими правителями.

4.2. **138-123 гг. до н.э.** 15 лет. Для начала периода характерно активное расходование средств и ресурсов, накопленных предыдущими правителями, на осуществление активной внешней политики. В конце – первое обострение экономической ситуации и полное отсутствие средств в государственной казне.

4.3. **123-100 гг. до н.э.** 23 года. Третий период является наиболее длительным и насыщенным событиями периодом правления У-ди. Найдены пути выхода из кризиса конца второго периода

4.4. **100 по 87 гг.** Происходит постепенное понижение экономической мощи государства, отразившиеся в источнике сообщениями об усиливающейся нехватке средств.

4.5. В свете развития денежной системы нас интересует третий период. Это время, когда все предшествующие резервы были выработаны, и было необходимо изыскивать новые, в том числе – с помощью реформ денежной системы. С этой целью в 120 г. до н.э. У-ди было проведено совещание с высшим чиновничеством, на котором было принято важное решение о проведении денежной реформы.

Реформа включала в себя несколько положений:

1) Действующие монеты *сышу* отменялись и переплавлялись на монеты *саньшу*, все выявленные фальшивомонетчики были казнены.

2) Вводились новые монеты *байцзинь* – «монеты из белого металла». Согласно источнику, они были трех видов (изготавливались из серебра и олова). Для каждого вида был предусмотрен строгий эквивалент в монетах *саньшу*. – 3000, 500 и 300 монет.

Нам представляется, что целью введения монет *байцзинь* было создание твердой валюты, сложной к подделке. Важно, что эта монета имела установленный курс и могла служить надежным средством оплаты тех значительных военных затрат, которые несло государство в период с 121 по 100 г. до н.э.

3) Наряду с металлическими монетами было предложено ввести в обращение деньги из кожи белого оленя. Они приносили государству прямой доход – одновременно с учреждением кожаных денег был введен порядок внесения их императору поданными в качестве дара перед тем, как быть принятыми на аудиенцию.

Несмотря на смелость, данная реформа оказалась неудачной. Далее в источнике говорится, что в 115 г. до н.э. были отменены стремительно дешевевшие монеты *байцзинь*, а монеты *саньшу* были заменены на *ушу*. Монеты *ушу* были дополнительно защищены от подделки окаймлением.

Также были введены монеты *чичзэ*, отливать которые имели право только специальные столичные чиновники. Монеты равнялись пяти монетам *ушу* и предназначались специально для взимания в них нало-

га. Однако уже через два года они также были изъяты из обращения в связи с девальвацией.

Поиски оптимальной денежной системы временно завершились в 113 г. до н.э. Было предпринято полное запрещение отливания монет, где бы то ни было кроме столицы и полное запрещение хождения все отлитых не в столице монет. Это было фактическое введение монополии на изготовление монеты, в связи с чем к концу года количество фальшивых монет значительно уменьшилось. Эта мера оказалась эффективной. Единственной легальной монетой с этого времени становилась монета *ушу*.

С этого момента монетное обращение обрело стабильность до конца всего периода, что подтверждается источником. С 113 г. до н.э., когда впервые ввели монету *ушу*, до правления Ван Мана (9-23 гг. н.э.) было изготовлено более 28 миллиардов монет.

Таким образом, в рассматриваемый период в обращении побывало 7 видов монет:

1). Монеты *цзя*, введенные Гао-ди и отмененные Вэнь-ди.

2). Монеты *баньян* (они же *сышу*) введенные в правление Вэнь-ди в 175 г. до н.э. и отмененные У-ди в 120 г. до н.э.

3-5) Монеты *саньшу*, *байцзинь* и валюта из кожи белого оленя, введенные У-ди в 120 г. до н.э.

6) Монеты *чичзэ*, введенные в 115 г. специально для взимания налога.

7) Монеты *ушу*, введенные в 115 г. до н.э., вместо четырех предшествующих и начавшие монополично изготавливаться в 113 г. до н.э.

Последний вид монет оказался самым устойчивым и продержался вплоть до начала правления Ван Мана. После долгих поисков государство пришло к стабильности в денежной сфере.

Ван Ман в новых исторических условиях начал проводить новые денежные реформы. Но это уже другой исторический период.

Литература

1. *Бань Гу*. Хань шу (История Хань). БНБЭСШ. Т. 2. Шанхай, 1958
2. *Swann N.L.* Food and Money in ancient China. Princeton, 1950

Британские экспедиции в Китай и соседние районы в 70-90-х гг. XIX в.

Бугрова Мария Сергеевна³

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

В середине XIX в. Великобритания пыталась «открыть» Цинскую империю для внешнего мира, начала «опиумные» войны, в результате которых для иностранной торговли были открыты лишь некоторые торговые порты. Для дальнейшего проникновения во внутренние районы Китая и изучения страны Британия направляет экспедиции, количество которых в 70-90-х гг. резко возрастает. Термин «открытие» сам по себе не является новым. В историографии существует устоявшаяся точка зрения, согласно которой под «открытием» подразумевалось навязывание Западом Китаю условий в ходе «опиумных войн», позволяющих расширить внешнеторговые отношения с Цинской империей и наводнить ее рынок дешевыми иностранными товарами.

Однако необходимо учитывать, что, во-первых, «открытие» Китая еще не означало начало торговли с ним. Внутренние районы Китая в середине XIX в. были практически недоступны иностранцам. Для проникновения туда необходимо было иметь особые разрешения и паспорта, получить которые было не просто. Во-вторых, британские торговцы столкнулись с тем, что население Китая предпочитало местные товары британским. Экономисты того времени считали «самодостаточность Китая самым грозным барьером, с которым Англия столкнулась за всю историю [своей – М.Б.] промышленной и торговой экспансии» [3, р. 225]. В-третьих, «открытие» Китая неверно понимать лишь как налаживание торговых отношений. Перед Великобританией стояла задача укрепления своих позиций в условиях начавшегося раздела мира, большую роль в котором должен был играть и Китай.

Увеличение числа направляемых в Китай британских экспедиций в 70–90-х гг. имеет несколько причин. Во-первых, середина 70-х гг. – середина 80-х гг. в Великобритании – период «экономической депрессии».

Во-вторых, в 70-80-х гг. XIX в. у Англии появляются серьезные конкуренты на дальнем востоке в лице Франции, Германии и России, внимание которых к Китаю в указанный период возросло. Они начинают исследование Китая, изучение внутренних торговых маршрутов, разведку расположения стратегически важных объектов. Англия, со своей стороны, не могла не обращать внимание на их действия и вы-

³ Автор выражает признательность научному руководителю, доценту Еремину Л.Н. в подготовке тезисов.

нуждена была предпринимать меры для сохранения своего влияния в дальневосточном регионе. Т.Х.С.Эскотт отмечал в 1884 г.: «Мы оказались в новой ситуации... великие европейские державы вооружены так, что Англия неспособна с ними конкурировать; контроль над европейской политикой находится в руках Германии» [1, pp.705-707]. Первостепенным становилось топографическое исследование стратегически важных районов, составление точных карт, подробных планов, описание климатических особенностей цинской империи, изучение местного языка, составление словарей и т.д. Все это требовало не кратковременных «заездов» внутрь Китая, а длительных исследований на местах.

В-третьих, для британского правительства интерес представляла не столько возможность продажи английских товаров в Китае, сколько создание условий для распространения английского экономического и политического влияния в будущем, для чего нужно было хорошо знать эту страну. Опыт «опиумных войн» доказал неэффективность применения военной силы в Китае. Подписанные договора оставались лишь на бумаге и не исполнялись. В связи с этим, вставал вопрос об изменении британской стратегии и тактики в отношении Китая и организации мирных разведывательных экспедиций во внутренний Китай и близлежащие районы для дальнейшего их изучения.

Характер экспедиций

Организация экспедиций в Китай была дорогостоящей, так как особые климатические и природные условия, в которых предпринимались путешествия, отсутствие дорог, а также враждебное отношение местного населения и вероятность нападения разбойных групп в пути, требовали больших затрат на обеспечение экспедиций всем необходимым. Британские экспедиции в Китай можно разделить на две категории: во-первых, это экспедиции, которые должны были исследовать возможность распространения влияния Англии на отношения между Китаем и соседними с ним районами. Во-вторых, это - экспедиции вглубь Китая. Направление их зависело, прежде всего, от того, в чьих интересах они организовывались и с какой целью. Следует выделить две основные категории организаторов: правительство Великобритании и представители торговых кругов. Большинство экспедиций носили лишь формально характер научных.

Направление экспедиций

В 70–90-е гг. англичанами было предпринято более 30 экспедиций в Китай и приграничные с ним районы, такие как Тибет, Сикким, Бирму, Шанские княжества, Сиа́м (современный Таиланд), Индокитай (Тонкин), Лаос, Манчжурию, китайский Туркестан (Кашгария), остров Формозу (современный Тайвань). Направления эти вы-

браны не случайно. Они охватывают все стратегически важные районы и связывающие их маршруты. Масштабное проникновение во внутренний Китай западных держав, толчком к которому послужил франко-китайский военный конфликт 1884-85 гг., открывший двери в юго-западный Китай, становится вторым этапом «открытия» Китая после «опиумных» войн.

На местах оказывалось содействие местным властям. Это лишнее доказывало способность Англии придавать старым формам управления новое качество. В ходе экспедиций производилась разведка полезных ископаемых в китайских провинциях, делалась попытка понять, насколько возможно будет в будущем найти в Китае потенциального покупателя британских товаров, а также рынок дешевой рабочей силы и сырья. Перед Великобританией стояла задача изучить, что представляют собой внутренние районы Китая, как строить свои отношения с местной китайской администрацией для распространения своего влияния в этих районах в то время, когда Китай будет окончательно открыт для всех европейских держав и Англии придется бороться за сохранение своих позиций в дальневосточном регионе. Результаты японо-китайской войны 1894-95 гг., когда западные державы получили равные возможности в Китае, показали правильность проводимого Великобританией внешнеполитического курса в Китае.

Литература

1. The Economist, weekly commercial times, banker's gazette and railmen monitor: a political, literary and general newspaper. March 14, London, 1884.
2. Proceedings of the Royal Geographical Society and Monthly record of Geography. London.
3. Sargent A.J. Anglo-Chinese commerce and diplomacy. Oxford, 1907.
4. The Times. London.
5. Tseng Chitse (calle Chinese minister to England and France). Extracts from the diary of the Marguis Tseng. // The Nineteenth Century Review. Vol. XIV. Dec. 1883.

Политика «самоусиления» (1860-90-е годы): историография вопроса

Васильева Екатерина Александровна

Санкт-Петербургский государственный университет

Традиционно считается, что период от начала 60-х годов XIX века до японо-китайской войны 1894-1895 гг. является временем проведе-

ния правящими кругами Китая так называемой политики «самоусиления». Политика «самоусиления» в настоящее время может рассматриваться как культурно-исторический феномен, как процесс преобразования и реформирования, вызванный народными восстаниями и неудовлетворенностью существующего положения в стране.

Одна из первых работ в китайской историографии, посвященных политике «самоусиления» является монография Моу Аньши «Движение за усвоение заморских дел», вышедшая в 1961 г. Однако она не может считаться исчерпывающей по данному вопросу, так как, прежде всего, рассматривает данные о создании промышленных предприятий, заводов, компаний, а политическую жизнь не освещает. К современным исследованиям, посвященным анализу политики «самоусиления» можно отнести статьи Ся Минфана, в которых рассматривается роль стихийных бедствий на судьбу политики «самоусиления». Ся Минфан считает, что характер модернизации и результаты политики «самоусиления» формировались в тесных рамках, определенных возможностями традиционного сельского хозяйства. Представляет интерес некоторые лекции Ван Бояня, в которых характеризуются различные направления политики «самоусиления».

В работах современных западных авторов (Д. Фейербэнк, Д. Левенсон, К. Чана, К. Биггерстаф, М. Райт, С. Спектор) предлагается анализ отдельных аспектов истории Цин, однако отсутствуют полноценные исследования, посвященные политике «самоусиления».

В советской историографии наиболее полными и объективными работами, характеризующими основные положения политики «самоусиления» являются работы Л.С. Тихвинского. Ведь фактически только в его работах дается краткая, но вполне определенная картина данного исторического явления: исторический контекст, предпосылки, периодизация, основные представители, сущность и итоги.

Также достаточно ясно представлены тенденции периода политики «самоусиления» в монографии Н.А. Самойлова. Значение политики «самоусиления» рассматривается в работах Г.В. Ефимова. В работе А.Е. Донской в свете анализа стихийных бедствий в позднимператорском Китае рассматривает характер модернизации и результаты политики «самоусиления», которая формировалась в тесных рамках, определенных возможностями традиционного сельского хозяйства. По ее мнению, экологические процессы, безусловно, оказывали влияние на процессы экономические и политические.

Таким образом, политика «самоусиления» (цзы цян) не достаточно хорошо исследована как в китайской, так и в отечественной литературной традиции. Отсутствуют конкретные работы, посвященные анализу основных положений политики «самоусиления», соответственно,

по-прежнему остаются противоречивыми важные аспекты данного феномена.

Результаты

Значительный вклад в осуществление политики «самоусиления» Китая во второй половине XIX столетия внесли: Ли Хунчжан, Цзэн Гофань, Цзо Цзунтан, Чжан Чжидун и другие. Они и их ставленники впоследствии получили контроль над основными арсеналами и «новыми войсками», создававшимися с конца XIX в. по западным образцам. В их руках находились главные рычаги контроля за политической и экономической жизнью страны.

Таким образом, абсолютно ясно, что представители политики «самоусиления» ставили перед собой масштабные цели по усилению мощи своей страны (развитие промышленной и экономической базы, усиление политической и военной мощи, укрепление культурного влияния), но исторические события внесли определенные коррективы и повлияли на результаты.

В отечественной историографии распространено мнение о том, что политика «самоусиления» потерпела провал, одним из таких показателей оказалось поражение в войне с Японией, которое показало недостаточный профессионализм китайских войск и флота.

Кроме того, например, основная причина поражения политики «самоусиления», по мнению Л.С. Тихвинского, заключается в том, что она «преследовала реакционную цель искусственной консервации в неизменном виде общественных отношений в стране».

Однако, подводя итоги политики «самоусиления» необходимо отметить не только промахи, но и достоинства и достижения, которые дали толчок движению за реформы.

Таким образом, в историографии данного вопроса достаточно много пробелов и соответственно, решение противоречивых вопросов, посвященных различным аспектам политики «самоусиления» еще ждет своего рассмотрения и анализа.

Литература

1. Ван Боянь. Чжунго цзиньдай ши цзяньхуа. [Лекции по новой истории Китая]. Цзинань, 1997.
2. Донская А.Е. стихийные бедствия и проблемы социальной стабильности в поздней императорском Китае (2-ая половина XIX-начала XX вв.). Диссер. СПб., 2002.
3. Ефимов Г.В. Значение периода 70-80х годов XIX века в новой истории Китая. М., 1960.
4. Моу Аньши. Янь юньдун [Движение за усвоение заморских дел] Шанхай, 1957.

5. Самойлов Н.А. Борьба тенденций в общественно-политической мысли Китая периода политики «самоусиления» // Всемирная история и Восток. М., 1989. С. 115-124.
6. Ся Минфан. Цун цин мо цзайхай цюньфа ци кань чжунго цзао ци сяньдайхуа дэ лишэ тьяоцзянь-цзайхай юй янью юньдун яньцзю чжи и.. [Взгляд на исторические условия раннего периода модернизации в Китае с точки зрения периода частых стихийных бедствий в конце правления династии Цин – первое исследование на тему стихийные бедствия и движение за «самоусиление»] // Цин ши яньцзю, 1998. №1;
7. Ся Минфан. Чжунго цзао ци гунъехуа цзедуань юаньши цзилэй го-чэн дэ цзайхай ши фэньси- цзайхай юй янью юньдун яньцзю чжи эр.[Анализ бедствий в процессе первоначального накопления на раннем этапе индустриализации в Китае – второе исследование на тему стихийные бедствия и движение за «самоусиление»] // Цин ши яньцзю, 1998. №1.
8. Тихвинский С.Л. Политика самоусиления правящих кругов Китая (1860-1895). // Вопросы истории. 1969. №4. С. 78-98.;
9. Тихвинский С.Л. Политика самоусиления – средство подавления народного недовольства в Цинском Китае. // Страны и народы Востока. Выпуск XI. М., 1971. С.66-77.
10. Тихвинский С.Л. Политика самоусиления правящих кругов Цинской империи в 1860-1895 гг. // Новая история Китая. М., 1972.

Старость в сознании японской аристократии периода Хэйан

Витязева Ольга Геннадьевна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Трудно дать однозначное определение тому, что такое старение и старость. Вероятно, у большинства старение ассоциируется с определенным, завершающим этапом жизненного пути, закономерно и неизбежно наступающим периодом возрастного развития. Абстрактного образа старости, пригодного для всех времен и народов, не существует. Каждая культура прошлого породила собственный идеал как некий итог природно-социального и мистического единения человека с миром.

В истории культуры мы встречаем не только различные образы старости, но и разное к ней отношение: от почтительного до пренебрежительного. Эта двойственность вполне объяснима: с одной стороны старость это опыт, мудрость, результат и свидетельство особого жизненного предназначения дожившего до преклонных лет человека; но с

другой стороны, его ничего другого не ждет в старости, кроме страданий, сознания собственной тягости другим или же, того хуже, брошенности всеми. Мудрая старость и старость-немошь – такова неоднозначность ценностного восприятия этого возраста.

Данная работа представляет собой попытку реконструкции образа старости в сознании японской аристократии периода Хэйан (794–1185). Источниками для исследования послужили как литературные произведения эпохи Хэйан (такие как «Повесть о Гэндзи», «Повесть о дупле», «Дневник эфемерной жизни», «Дневник Мурасаки Сикибу», «Записки у изголовья», «Великое зеркало» и некоторые другие) переведенные на русский язык, так и тексты, ранее не переводившиеся: мы приводим фрагменты из «Син саругаку ки» (Новые записки о «саругаку»), и «Кокон тёмондзю» (Собрание услышанных автором старинных повестей).

Методология исследования заключалась в выборке из текста источников всех упоминаний о старости. Для обработки полученной информации была создана база данных в системе Access по следующим критериям: понятие старости, описание внешности, признаки старости, возраст и продолжительность жизни, характер, неподобающее поведение, отношение в старости.

*****

Проведенное исследование позволило допустить, что восприятие старости и отношение к ней в Японии периода Хэйан было весьма различным. Само понятие «старость» довольно многопланово. Оно включает в себя и государственный аспект – когда законодательно закреплены понятия старости, функции стариков, их права и обязанности, заложена идея преемственности поколений, нужности и важности людей пожилого возраста. Социальный аспект – когда по достижении человеком определенного возраста, он переходил в другую возрастную категорию – категорию стариков, и должен был вести себя в соответствии с правилами и нормами морали для пожилых людей. Отступление от норм вызывало негативную реакцию. Однако, не только старики, но общество должно было вести себя почтительно по отношению к ним (принцип сыновней почтительности). Морально этический аспект – понятие старости неотделимо от понятия мудрости. Старик – кладезь нужных знаний и опыта. Нельзя сбрасывать со счетов и физиологический аспект – старость и связанные с ней болезни, внешние изменения, немощность, зависимость от других. Эмоциональный аспект – каково было отношение других к старости (сочувствие, жалость) и отношение к старости самих стариков (одиночество, грусть).

Литература

1. Рыбакова Н.А. Феномен старости. Москва-Псков, 2000

2. Хотатэ Митихиса. Нихон цу:си. // Тю:сэй минсю: но райфу сайкуру (История Японии с древнейших времен до нашего времени. // Жизненный цикл японцев (народа) в средние века). Т.7.
3. Хасимото Ёсихико. Хэйан кидзоку [Аристократия периода Хэйан]. Токио, 1986
4. Фукуто: Санаэ. Хэйан тё: дзёсэй но райфусайкуру [Жизненный цикл дамы-аристократки в период Хэйан]. Токио, 1998

Понятие «государство» и его древнекитайские эквиваленты в тексте «Шуцзина» (на примере документов гао в версии цзиньвэнь)

Габуев Александр Тамерланович

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

1. Предметом данного исследования является употребление древнекитайских понятий *бан* и *го* в эпоху Западное Чжоу (1049-771 гг. до н.э.) и соотнесение круга их значений с современным значением термина «государство», использующегося в большинстве современных работ для описания конфигурации властных отношений в древнем Китае. Обычно эти древнекитайские понятия переводятся на русский язык именно как «государство» (на английский – «state»). В данной работе под «государством» понимается 1) политический институт, который является независимым субъектом властных действий; 2) власть в этом институте носит функциональный, а не персональный характер; 3) власть реализуется посредством учреждений, а не отношений; 4) статус и задачи всей системы зафиксированы юридически; 5) существует зафиксированная юридически территория, на которой существует данный институт.

2. Источником для написания данной работы стал «Шуцзин» («Канон документов», далее – ШЦ) – один из центральных памятников древнекитайской культуры и, наряду с «Каноном песен» («Шицзин») и отчасти «Бамбуковыми анналами» («Чжусу цзинянь»), считается одним аутентичных письменных источников по эпохе Западное Чжоу, синхронных описываемым событиям. Объектом изучения в данной работе пять документов жанра *гао* («Дагао», «Кангао», «Цзюгао», «Шаогао» и «Логао») в тексте ШЦ версии школы «новых писем» (*цзиньвэнь*), которые многие синологи считают «ядром аутентичного ШЦ» [1]. Исключение составляет Кай Фогельзанг, выдвинувший аргументированную критику этой точки зрения [2].

3. Методикой данного исследования стал анализ контекстов. Были изучены все контексты употребления *бан* (25) и *го* (7) в пяти докумен-

тах (в «Логао» понятие *го* отсутствует). Мы изучали, могут ли слова *бан* и *го* быть субъектами действий, и если да, то каких. Затем мы изучали список действий, которые могут выполняться по отношению к *бан* и *го*, их субъектов, а также все определения к этим словам. На основе данных процедур мы пытались очертить основной круг значения изучаемых понятий и соотнести их со значением термина «государство».

4. Результаты исследования показали, что понятие *бан* в основном используется для обозначения многочисленных социальных коллективов, подчиняющихся воле правителя или верховной сакральной силы (Неба), обладающих определенной военной силой и имеющих названия, которые с большой степенью вероятности могут быть определены как этнонимы. Более редкое понятие *го* в основном предстает в изученных документах как пространственная категория. В двух из пяти документов («Дагао» и «Шаогао») значение обоих терминов сближается, однако малочисленность контекстов употребления *го* (1 и 2 соответственно) не позволяет делать уверенных выводов о причинах подобного явления.

5. Как видно, значение обоих терминов решительно расходится со смыслом понятия «государство» в понимании современных ученых, то есть адекватного референта для современного понятия о государстве в изученных документах ШЦ нет. Это ставит под сомнение факт существования в древнем Китае эпохи Западное Чжоу такой социополитической реальности, как государство-state.

Литература

1. Early Chinese Texts: A Bibliographical Guide. Ed. *Loewe*. Berkley, 1993.
2. *Vogelsang (Kai)*. Inscriptions and Proclamations: On the Authenticity of the “gao” Chapters in the Book of Documents. // Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities № 74, 2002. pp. 138-209.

Чай или суп: чайная церемония в эпоху Тан (618-907) по материалам «Канона чая»

Габуев Александр Тамерланович, Дрейзис Юлия Александровна
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Данная работа представляет собой первое в отечественной синологии исследование чайной церемонии в эпоху Тан (618-907), основывающееся на материалах «Канона чая» («Чацзин»). Основываясь на детальном описании чайной церемонии, приведенном в «Каноне чая», мы реконструируем танский ритуал приготовления чайного напитка и

сравним его с более поздними вариантами китайской чайной церемонии.

«Канон чая», написанный в 778 г. Лу Юем (733-804), стал первым в китайской и общемировой традиции трудом, целиком посвященным чаю. Дошедший до нас текст «Канона чая» состоит из трех свитков-цзюаней, разбитых на десять глав. В первой главе «Истоки» приводятся самые общие сведения о чае, его произрастании и целебных свойствах. Вторая глава «Инструменты» изобилует техническими подробностями и описывает набор инструментов, которые использовались для выделки чайного листа. В третьей главе «Изготовление» в деталях разъясняется процесс изготовления из чайного листа прессованных плиток. В свою очередь, четвертая глава «Утварь» повествует о предметах, применяемых при варке чайного напитка. Затем в пятой главе «Варка» описывается процесс приготовления чая на огне. В шестой главе «Питие» Лу Юй приводит свои размышления о том, как правильно пить чай. Седьмая глава «Труды» обобщает все упоминания о чае в произведениях, написанных до Лу Юя, а также его современниками. Восьмая глава «Произрастание» фактически представляет собой подробный список всех регионов танской империи, в которых культивировали чай, и является уникальным источником по географии производства чая в эпоху Тан. В девятой главе «Упрощения» описываются особые ситуации, при которых возможно упрощение чайной церемонии. Наконец, в десятой главе «Схема» Лу Юй рассказывает о том, как правильно переписать и разместить текст канона в комнате для чаепития.

Наша реконструкция танской техники заваривания чая основывается преимущественно на материалах пятой и шестой глав текста. Перед варкой чайный лист обязательно прессовался в плитки. Готовую плитку прокаливали на открытом пламени древесных углей, чтобы она размягчилась. Когда прокаливание чая заканчивалось, плитку помещали в бумажные пакеты для сохранения аромата и ждали, пока она остынет. После этого ее размельчали так, чтобы частички чая стали размером с зерно риса (более крупный помол, когда частички чая напоминали плоды водяного каштана, считался хуже). В таком виде чай засыпали в котел с одним *шэном* воды (около 0,5 л). Лу Юй отводит очень важное место источнику воды и полагает, что лучшей водой для приготовления чая является горная, средней – колодезная, а худшей – речная. При этом автор советует использовать воду из горных ручьев и ни в коем случае не брать ее из-под водопада, поскольку от нее «у людей возникают болезни шеи». Столь же большое внимание уделяется стадиям кипения воды: «[Когда пузырьки в кипящей воде] подобны рыбьим глазам и есть тихий звук – это первое кипение. [Когда] по краям [вода кипит] подобно бьющим родникам в виде связок жемчуга – это второе

кипение. [Когда вода кипит, как] бурлящие волны, [а звук подобен] бьющимся валам – это третье кипение». Затем воду обязательно приправляли солью. Вкус чая без соли считался пресным. Когда вода доходила до второй стадии кипения, из котла извлекали черпак воды. Затем воду в котле взбалтывали бамбуковыми щипцами так, чтобы образовалась воронка, в которую бросали чайный порошок. Когда напиток почти закипал, в котел вливался ранее извлеченный черпак воды и кипение прекращалось. Предполагалось, что в итоге цвет напитка должен быть бледно-желтым.

Чай разливали по чашкам, количество которых было регламентировано. Если пьющих чай было пятеро, то использовали три чашки, если семеро – пять. Больше пяти чашек обычно не использовали. В получившемся чайном напитке особенно высоко ценилась густая пена, выступавшая на поверхности при кипении, как при варке бульона. Лу Юй советует заваривать чай в небольшом количестве, иначе напиток будет «блеклым» по вкусу. Чай пили горячим, пока он не успевал остыть, причем каждый гость должен был выпить не более пяти чашек.

Как видно, с чисто технической точки зрения, приготовление чая в эпоху Тан (*чжуча* – «варка чая») сильно отличалось от способов заваривания, существовавших в последующие эпохи. В эпоху Сун (960–1279) особое распространение получила техника «распаривания чая» (*дяньча*): чайный лист прессовался в плоских и круглых формах, напоминавших блины, которые получили название *лунфэнтуань* («клубок дракона и феникса»). Затем его растирали в порошок, насыпали в чашку и заливали кипятком, после чего порошок взбивался в чашке до пенообразного состояния с помощью специальной бамбуковой кисточки. Эта техника в настоящее время сохранилась в японском искусстве чайной церемонии *тяноу*. В эпоху Мин (1368-1644) чай стали заливать кипятком в маленьких чайниках, причем использовался преимущественно свежий чайный лист. Именно эта техника легла в основу современной чайной церемонии – *гунфуча*.

С другой стороны, различия не ограничиваются исключительно техникой. Первое существенное различие заключается во вкусе напитка. Очевидно, что вкусовые предпочтения эпохи Тан разительно отличаются от сунских и более поздних. Если в современной чайной церемонии акцент делается на разнообразии вкуса различных видов и сортов чая, то в танскую эпоху вкус должен был в большей мере соответствовать стандартам-*чжэн* (за счет единой техники обработки чайного листа и добавления соли). Наиболее же важное различие заключается в самом духовном наполнении чайной церемонии. Для людей эпохи Тан питье чая являлось занятием вполне практическим: чай пили «для избавления от утомления и сонливости». Сам Лу Юй в некоторых фраг-

ментах текста связывает чайную церемонию с философией буддизма, однако не уделяет этому слишком много внимания (так, в «Каноне чая» вообще нет специальной главы о философии чайной церемонии). В то же время все последующие эпохи шли по пути создания и максимальной актуализации философского плана чайной церемонии: в эпоху Сун это выражалось в ритуализации всего процесса вплоть до мельчайших деталей, а в *гунфуча* с эпохи Мин – в вербализации и теоретизации духовной составляющей чайного действия.

Этапы проникновения ислама в Эфиопию. Её отношения с мусульманскими государствами Северо-Восточной Африки на основании материалов Эфиопских хроник.

Дворникова Анастасия Сергеевна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Эфиопия и Аравия имели тесные связи, по большей части торговые, задолго до появления ислама. Поэтому не случайно одними из первых, кто мог оказать поддержку первым мусульманам уже в VII веке, была Эфиопия (тогда – Аксумское царство). Это в основном были мирные, даже дружеские отношения. Аксумский правитель оказывал покровительство последователям новой веры, и последний мирно соседствовал с местным населением.

Однако Эфиопских хроник, повествующих об этом времени, не найдено. Первые упоминания о мусульманах в Эфиопских хрониках появляются только с XIII века, то есть после того, как ислам занял достаточно сильные позиции в регионе (чему способствовала фактическая монополия мусульман на торговлю).

Таким образом, начиная примерно с XIII века в Северо-Восточной Африке образуются мусульманские султанаты, представляющие угрозу для молодого Эфиопского государства, центр которого незадолго до этого переместился на юг от Аксума, в глубь Эфиопского нагорья. Но одновременно с этим султанаты являлись связующим звеном во внешней торговле Эфиопии, так как находились как раз на караванных путях, ведущих к Красному морю. Эти государства играли немаловажную роль в распространении ислама в регионе и в обращении в эту религию завоеванных народов.

Однако завоевание мусульманами местного населения не означало его полного обращения в ислам. Часто случалось так, что население пограничных областей Эфиопии принимало либо ислам, либо христианство в зависимости от того, какое из государств имело в данный момент большее влияние. Переход в ислам также не означал и отказа не-

которыми народами от язычества. Во время военных столкновений христиане, принявший ислам, должны были быть возвращены в случае победы Эфиопии и подвергались наказанию по приказу эфиопского правителя.

Внутренняя ситуация в Эфиопии (смена правящей династии, территориальная экспансия, необходимость в военной добыче), а также и обстановка в самих мусульманских султанатах (периоды внешней активности и поддержки со стороны Арабского халифата) влияли на политику этих государств в отношении друг друга. Были периоды открытых военных конфликтов (например, вторжение Ахмеда Граня в XVI веке), однако было и время, когда военный успех оказывался на стороне эфиопов и правители султанатов смешались и назначались правителями Эфиопии. Этому способствовало и отсутствие единства среди самих султанатов, которые часто конфликтовали между собой и прибегали к помощи Эфиопии.

Во время мирного взаимодействия и военных конфликтов менялось социальное положение и права мусульман в Эфиопии.

Распространение ислама в регионе все же происходило в основном мирными путями.

Литература

1. Абиссинские хроники XIV – XVI вв. М.-Л., 1936
2. *Васильев А.М.* Ислам в Восточной, Центральной и Южной Африке. М., 1991
3. *Кобищанов Ю.М.* История распространения ислама в Африке. М., 1987
4. *Кобищанов Ю.М.* Северо-Восточная Африка в раннесредневековом мире. М., 1980

Проблема «открытия» Инда в контексте развития англо-сикхских отношений 30-40-х гг. XIX в.

Демичев Кирилл Андреевич

Нижегородский государственный педагогический университет, исторический факультет, Нижний Новгород, Россия

К концу 20-х гг. XIX в. одной из приоритетных задач, стоявших перед английской Ост-индской Компанией (далее ОИК) становится проникновение на богатейшие рынки Средней Азии и Афганистана. Геополитическим аспектом этого проникновения должно было стать комплексное укрепление британских позиций в среднеазиатском регионе,

в противовес Российской империи, которая активизировала свою восточную политику.

Успешная реализация этих задач была тесно связана с коммерческим освоением бассейна Инда, а в перспективе и других рек северо-западной Индии, прежде всего Пятиречья. Сложность заключалась в том, что эта речная система, в том числе и верхнее течение Инда, находилась под контролем махараджи Ранджит Сингха – основателя Лахорской державы сикхов, которая, начиная с начала XIX в., находилась в непростых отношениях с англичанами. Кроме того, в 30-х гг. интересы Ранджит Сингха и ОИК столкнулись в Синде, который являлся привлекательным объектом экспансии, как для сикхов, так и для англичан. Таким образом, очевидно, что «открытие» Инда, так англичане называли комплекс мероприятий по освоению не только Инда, но и других рек северо-западной Индии, могло быть успешно реализовано лишь в случае успешного согласования с лахорским махараджей.

Во второй половине 1831 г., после успешной миссии А. Бернса вверх по Инду в Лахор, в ходе которой было проведено исследование нижнего и среднего течения реки, установлен ее транспортный потенциал и проведен сбор разведанных, руководство ОИК окончательно приняло курс на «открытие» Инда.

Уже в январе 1832 г. в Панджаб прибыл капитан К. Уэйд, которые начал осторожные переговоры с лахорским махараджей относительно вопроса открытия навигации по Инду. В конечном итоге, только в ходе второго раунда англо-сикхских переговоров, на котором было обсуждено открытие навигации не только по Инду, но и Сатледжу, торговый договор был подписан (26 декабря 1832 г – К.Д.). Махараджа, который был вынужден отказаться от усиления сикхского присутствия в Синде, дал свое согласие на открытие торговли по рекам, в обмен на включение в текст договора положения о том, что «...Компания не имеет, и не будет иметь интересов на правом берегу Сатледжа». Это положение имело огромное значение для Лахора, т.к. оно обеспечивало признание завоеваний Ранджит Сингха на северо-западной границе Панджаба со стороны англичан. По договору были установлены фиксированные пошлины по различным наименованиям товаров.

В целом договор от 26 декабря 1832 г. не представлял большой опасности для Панджаба. В отличие от соглашений с Синдом, сухопутные дороги Лахорской державы остались закрытыми для англичан. Не было разрешено и открытие постоянных торговых агентств. Однако было очевидно, что торговая экспансия ОИК не остановится на достигнутом.

Уже в 1834 г. англичане предложили пересмотреть систему пошлин, которые были сочтены британской стороной разорительными, и

заключить новое соглашение. Ранджит Сингх, чрезвычайно занятый в это время окончательным присоединением Пешавара к своим владениям, дал свое согласие и 29 ноября 1834 г. договор был подписан. Теперь вводились фиксированные пошлины в размере 570 рупий на все суда независимо от их размера, веса и ценности груза. Полученная сумма делилась между различными государствами, пропорционально их владениям на берегах этих рек. Кроме того, ОИК сумела установить свой арбитраж во всех спорных торговых вопросах, которые могли возникнуть при навигации по этим рекам между представителями различных государств.

Торговое соглашение было вновь пересмотрено в 1839 г. во время проведения афганской кампании. ОИК, активно развивающую торговлю в северо-западном направлении, более не удовлетворяли фиксированные тарифы, на которых британская же сторона настояла при заключении договора от 29 ноября 1834 г.

Ранджит Сингх, который проявил твердость в афганском вопросе – не пропустив британские войска через территорию Панджаба, решил пойти на некоторые уступки ОИК и дал свое согласие на заключение нового торгового соглашения. 19 мая 1839 г. этот договор был подписан. Размер пошлин теперь зависел от ценности товара, что нашло свое отражение во введении восьми тарифных групп. Кроме того, договор предусматривал, что после его ратификации, нормы пошлин не могут быть понижены. Однако было вполне очевидно, что стремление ОИК укрепиться на рынках Панджаба и минимизировать свои торговые издержки, рано или поздно, приведет к пересмотру и этого соглашения.

Новый этап в «открытии» Инда наступил для ОИК после смерти Ранджит Сингха, которая вызвала дестабилизацию политической обстановки в Панджабе. Слабохарактерный преемник Ранджит Сингха – Харррак Сингх не мог противостоять англичанам на равных и уже 27 июня 1840 г. подписал с ОИК новый договор. Теперь размер пошлин зависел от грузоподъемности судна. Устанавливалось три тарифные группы. На судна грузоподъемностью до 250 маундов вводилась пошлина в размере 50 рупий; от 250 до 500 маундов – 100 рупий; свыше 500 – 150 рупий.

Особое значение имела первая статья нового соглашения, согласно которой от таможенного обложения были освобождены товары стратегического характера – зерно, лес и известняк, что приобретало для англичан особое значение в условиях ведения боевых действий в Афганистане.

Договор от 27 июня 1840 г. стал последним торговым соглашением, которое руководство ОИК заключило с Лахорским государством. Дальнейшее развитие британской торговли на северо-западе Индии

уже не потребовало согласия слабого сикхского правительства. Англосикхские торговые соглашения преследовали, прежде всего, коммерческие цели. Однако трудно не согласиться с мнением известного военного историка Ч. Гоффа, который отмечал, что «...Приход британских торговцев, рано или поздно, фактически неизменно сопровождался установлением британского протектората, если не прямого британского владычества». В целом, мероприятия ОИК по «открытию» Инда для британской торговли находились в контексте развития политической конъюнктуры северо-индийского региона и способствовали укреплению британских позиций в Панджабе.

Литература

1. *Aitchison C.U.* A collection of treaties, engagements and sanads, relating to India and neighbouring countries. Vol. I. The treaties & relating to the Punjab, the Punjab states and Delhi. Calcutta, 1931.
2. *Bentinck W.C.* The correspondence of Lord William Cavendish Bentinck, governor-general of India, 1828-1835. Vol. II. 1832-1835. Oxford, 1977.
3. *Cunningham J.D.* A history of the Sikhs. From the origin of the nation to the battles of the Sutlej. Calcutta, 1903.
4. *Gough Ch., Innes A.D.* The Sikhs and the Sikh wars: the rise, conquest, and annexation of the Punjab state. London, 1897.
5. *Muir R.* The making of British India. 1756-1858. (Described in a series of Dispatches, treaties, and other documents, selected and edited with introductions and notes). London, 1923.

Обряд «зажигание священной лампы» у исмаилитов Западного Памира (поминальный цикл)

Лашкариев Амришо Зохибекович

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая

В данной работе рассматриваются религиозные верования (поминальный обряд) населения Западного Памира, Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО) Таджикистана. В этих труднодоступных и высокогорных долинах проживают немногочисленные памирские народы, населяющие правый приток реки Пянджа. Памирцы в отличие от своих соседей таджиков-суннитов исповедуют ислам в его шиитско-исмаилитской форме. Проживая в изолированных горных районах, памирцы сохранили некоторые древние традиции. Рассматриваемый обряд существует у исмаилитов Западного Памира и в настоящее время. В нем четко прослеживается переплетение древних форм верований и ислама. С течением времени под влиянием духовных наставни-

ков исмаилизма обряд претерпел сильное изменение, и был канонизирован в соответствии с учением и требованиями исмаилизма, но следы древних традиций сохранились под видом мусульманских.

Исмаилиты Таджикистана – одна из старейших исмаилитских общин – творчески ассимилировала некоторые доисламские митраитские и зороастрийские обряды и ритуалы ряда других религий. Эти традиции настолько вжились в исмаилитское вероучение, что некоторые исследователи считают их изначально исламскими.

Одна из таких традиций исмаилитов Западного Памира – *чарогравшанкуни* (зажигание лампы). На третий день после смерти человека люди собираются в его доме, поют песни в жанре «мадохони» (религиозно-философское воспевание Бога) на стихи известных поэтов прошлого: Руми, Хафиза, Насира Хосрова, Атгара и т.д. К концу церемонии зажигают свечи из жира и шерсти только что убитого барана, сопровождая все это речитативом особых молитв. Следует отметить, что этот древний обычай в силу разных причин совершенно изменился и принял исламско-исмаилитскую оболочку. С течением времени после утверждения ислама и после распространения исмаилизма в Бадахшане обряд был мусульманизирован. В настоящее время обряд связан с именем поэта, философа и проповедника исмаилизма в Бадахшане – Насира Хосрова. Носир Хосров считается также автором книги «Чарогнаме», которую халифа (местный духовный наставник) читает во время совершения обряда. На Памире этот обряд известен под названием «давати фано» (призыв к небытию) или «давати пир Шох-Носира» (призыв Шах-Насира). Обитатели Западного Памира по-прежнему продолжают устраивать обряд после смерти умершего. Все ритуалы и церемонии данного обряда, проводимые исмаилитами Западного Памира, совершаются для того, чтобы достойно и с почестями проводить дух человека, навсегда уходящего в потусторонний мир.

Таким образом, обряд «зажигание священной лампы» традиционно являвшийся арийским, претерпел множество изменений в ходе своего исторического развития, даже после принятия ислама сохранился, и исполняется по сей день исмаилитами Западного Памира.

Литература

1. *Абаева Т.Г.* Исследования А.В.Станьшевского (Азиза Ниалло) о Памире. // Страны и народы востока. Вып. XVI. М., 1975.
2. *Бертельс А.Е.* Едномайе Носири Хусрав. Мешхед, 1972.
3. *Литвиский Б.А.* Древние кочевники «крыши мира». М., 1972.
4. *Мухидинов И.* Реликты доисламских обычаев и обрядов у земледельцев Западного Памира (XIX-нач. XX в.). Душанбе, 1989.

5. *Сарфарозов Н.* Шииты – исмаилиты центральной Азии: Эволюция, преемственность, перемены. // Центральная Азия и Кавказ. № 6 (30) 2003.
6. *Шохуморов А.* Священная лампада. // Носир Хусрав: Дируз, имруз ва фардо. Худжанд, 2005. с. 656-670.
7. *Юсуфбекова З.* Семья и семейный быт шугнанцев (конец XIX-начало XX в.). Душанбе, 2001.

К проблеме общественной безопасности в японской столице до и после Реставрации Мэйдзи 1867-1868 гг. (по материалам дневника Ротерфорда Олькока и путевых заметок В. В. Крестовского)

Леценко Ксения Андреевна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

В 1868 году эпоха Токугава, длившаяся 264 года (1603-1867), сменилась эпохой Мэйдзи (1868-1912), эпохой, ставшей во многих отношениях переломной для страны. Однако те изменения, которые произошли в эпоху Мэйдзи во всех сферах японского общества, и в частности, в общественной жизни, были, несомненно, подготовлены предыдущим периодом Токугава.

Этот период известен также и как «период Эдо» – по названию города, ставшего резиденцией сёгунов Токугава, административным и политическим центром страны. Этот статус в период Мэйдзи не только не был утерян, но, напротив, закрепился официально. В 1869 г. в Эдо переехал императорский двор, город был переименован в Токио и стал новой столицей государства.

Темой предлагаемого исследования является сфера повседневной жизни, и, в частности, вопрос о том, какие тенденции были характерны для процесса ее модернизации в период Мэйдзи.

Политический центр страны, впоследствии ставший официальной столицей, был принят мною в качестве объекта исследования, поскольку во многих отношениях дает возможность считать его культуру отражением бытовой культуры всей токугавской, а затем мэйдзийской Японии. Кроме того, именно в этом городе впервые появились иностранцы, а проблема их безопасности является одним из аспектов более широкой проблемы общественной безопасности японской столицы.

Отсюда следует, что путевые заметки людей, побывавших в Японии и, в частности, в Эдо сразу после «открытия страны» в 1854 г., и людей, приехавших в Токио в первые годы после революции Мэйдзи 1868 г., представляют огромную историческую ценность. В моем слу-

чае они послужат иллюстративным материалом для описания изменений, произошедших в общественной жизни столицы. В рамках доклада мы остановимся на такой проблеме, как культура и безопасность городских улиц.

Основными источниками исследования послужили: повествование о пребывании в Японии английского дипломата сэра Ротерфорда Олькока (1809-1897) и путевые заметки русского писателя и публициста В.В. Крестовского (1840-1895).

Основным направлением деятельности правительства Мэйдзи, особенно в 1870-е – 1880-е гг., была модернизация не только производства, науки, образования, но и обычаев, и норм поведения. И важной частью политического курса был призыв императора устранить «все дурные обычаи прошлого». К таким обычаям, в частности, относилась привилегия самурайского сословия носить два меча, допускавшая, в том числе, полную его безнаказанность за убийство представителей других (низших) сословий.

Заметки Р. Олькока, находившегося в Эдо в 1859-1861 гг., содержат множество деталей и эпизодов, показывающих, насколько опасны были самураи в Эдо, не только для самих японцев, но и тем более для иностранцев.

Как и другие представители иностранных Посольств, появившихся в Эдо в последние годы периода Токугава, Олькок не мог в одиночку передвигаться по городу, поскольку подвергался постоянной опасности нападения. Правительство каждый раз приносило официальные извинения и даже выплачивало компенсации, но не в его силах тогда было дать иностранцам полные гарантии безопасности.

В то же время В. Крестовский, описывая улицы Токио через 22 года после Олькока (в 1881 г.), увидел их уже совершенно безопасными, а жителей – «вполне благовоспитанными» [2, с. 500]. Он писал: «...Нигде никакой ссоры или драки, никакого буйства, ни малейшего безобразия, ...ни малейшего беспорядка. ...Как хотите, это такое удивительное уважение к порядку, какого нигде в Европе не встретишь» [2, с. 526].

Что же способствовало столь резким переменам в общественной жизни?

Начиная с 1854 г. в Эдо с каждым годом проживало все больше иностранцев. Например, по данным 1879 г. в столице проживало уже 565 иностранцев, большая часть из которых состояла на службе по договору с правительством. Многие из них в своих дневниках фиксировали различные стороны повседневной жизни японцев. Эти заметки по возвращении на родину нередко публиковались, становясь главным источником сведений о Японии в Европе.

Повсеместное ношение мечей самураями и их безнаказанность за убийства людей были одними из факторов, формировавшими у европейцев представление о Японии как о стране варварской и далекой от цивилизованного состояния. А поскольку одной из задач японского правительства было, так сказать, улучшение имиджа Японии, то понятно было его стремление уничтожить явления, которые казались иностранцам признаком отсталости.

Признание Японии на Западе в качестве равной державы было необходимо Японии для пересмотра неравноправных договоров 1850-ых гг., для получения возможности выйти на мировую арену в качестве равного партнера. Таким образом, становилось недопустимо, чтобы иностранцы воспринимались как «варвары» и подвергались опасности быть зарубленными на улице. В официальном заявлении государственного совета по поводу принятия Закона о всеобщей воинской повинности (1873 г.) говорилось: «Лиц, которые, называясь самураями, носят два меча, бездельничают, ...убивают людей и не несут ответственности перед властями, быть не должно...» [3, с. 47]. Через три года последовал правительственный указ, запретивший самураям носить мечи.

С другой стороны, исследователи приводят множество факторов, указывающих на то, что формированию в характере японцев привычки к порядку во многом способствовали историко-культурные особенности страны, одним из которых можно назвать исконно присущее японцам уважение к власти.

Именно поэтому, по мнению исследователей, имели успех мэйдзийские реформы, в том числе и касающиеся повышения безопасности в городе. В итоге Токио был уже гораздо более безопасным местом, чем Эдо, и общественный порядок здесь держался на привычке к порядку, сформированной самой историей, и на необходимости поддерживать его в свете изменившегося положения Японии на международной арене.

Литература

1. *Alcock Rutherford. Capital of the Tycoon: a narrative of a three years' residence in Japan.* London, 1863.
2. *Крестовский В.В.* В дальних водах и странах. М., 2002.
3. *История Японии. Учебное пособие.* М., 1998.
4. www8.georgetown.edu (Официальный сайт Университета Джорджтаун, Вашингтон, округ Колумбия, США)

Проблемы размежевания российско-китайских границ

Лобов Илья Владимирович

Воронежский государственный университет

Процессы размежевания российско-китайских границ на протяжении своей более чем трехсотлетней истории являлись чрезвычайно сложными и по своим итогам всегда вызывали вопросы широкого круга специалистов и общественности как российской, так и китайской сторон. Менялись правительства и названия государств, но вопросы о границе всегда оставались открытыми. Впервые в истории приграничные соглашения были достигнуты подписанием Нерчинского (1689 г.) договора, в котором впервые предусматривалось описание прохождения линии границы между Россией и Циньской Империей в районе Приамурья. Следует отметить, что этот первый русско-китайский договор был подписан после вооруженных столкновений цинского войска и русских поселенцев на Амуре, которые основали ряд поселений. Следующим этапом в истории российско-китайских приграничных соглашений стал Кяхтинский трактат, подписанный в 1727 г., составной частью которого стал Буринский договор, установивший линию границы по северным рубежам Монголии.

Поворотным пунктом в российско-китайских отношениях стала середина XIX века, когда были подписаны договоры, по которым осуществлялось размежевание земель на Дальнем Востоке. Это Айгунский договор, подписанный 16 мая 1858 г. генерал-губернатором Муравьевым (Амурским), Тяньцзиньский договор, подписанный 1 июня 1858 г. Путятиным, главой дипломатической миссии в Китае, и Пекинский договор, подписанный русским посланником Игнатьевым в ноябре 1860 г. Пекинский договор явился основополагающим документом, закрепившим российско-китайские границы на долгие десятилетия. Необходимо отметить, что в этих соглашениях не было сказано о принадлежности речных островов в акватории Амура, который с момента подписания стал пограничной рекой.

В первой половине XX в. между СССР и Китаем не происходило территориальных споров, но в 1960 г. на общем фоне ухудшающихся советско-китайских отношений, китайское руководство выдвинуло территориальные претензии к СССР, обосновывая их ссылками на историческое прошлое. Именно тогда впервые четко были обозначены т. н. спорные участки, в том числе в районе островов Тарабаров и Большой Уссурийский (острова Хэйсяцзы Дао или острова Черного Слупца в китайском обозначении). В этой связи в 1964 г. начинаются советско-китайские консультации, проходившие в Пекине. По инициативе китайской стороны они были прерваны, тем самым, поставив пе-

реговорный процесс в тупик. Своего апогея территориальные противоречия достигли в 1969 г., вылившись в вооруженный конфликт на острове Даманском на реке Уссури, находившемся в то время под юрисдикцией СССР. Вплоть до самой смерти Мао Цзедун в сентябре 1976 г. обстановка на советско-китайской границе продолжала оставаться напряженной.

В настоящее время КНР удалось добиться значительных территориальных уступок от России. В частности, в 2004 г., в ходе визита Президента РФ Владимира Путина в Пекин, были подписаны документы о добровольной передаче Китаю островов Тарабаров и половины острова Большой Уссурийский, расположенных в русле реки Амур, а также острова Большой, находящегося на реке Аргунь. Суммарная площадь переданных территорий составляет около 337 квадратных километров. Это решение вызвало неоднозначную реакцию российского населения, прежде всего Сибири и Дальнего Востока. Но, по словам посла по особым поручениям МИД России Виталия Воробьева, «данное соглашение носит цель исключительно укрепление добрососедских отношений с Китаем. Она снимает некоторый элемент нервозности или неопределенности, который существовал в наших отношениях» [1].

***

С подписанием Соглашения предстоит много совместной работы. В частности, нужно решить вопрос по новому режиму судоходства на пограничных реках. Между Россией и Китаем также должен быть подписан меморандум о совместном использовании Амура и Уссури. Однако, несмотря на урегулирование спорных территориальных вопросов, дебаты относительно которых продолжались около 40 лет, а также перспективы экономического сотрудничества с Китаем, на мой взгляд, для России создан опасный прецедент, благодаря которому снова могут возникнуть вопросы о спорных территориях.

Литература

1. Интервью посла по особым поручениям МИД России Виталия Воробьева относительно Дополнительного соглашения между РФ и Китаем о межгосударственной границе. // <http://www.rian.ru/politics/20041124/742575-print.html>
2. *Ларин В.Л.* Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX – начало XXI века). М., 2005.
3. *Широкорад А.Б.* Россия и Китай. Конфликты и сотрудничество. М., 2004.
4. *Рябушкин Д.С.* Мифы Даманского. М., 2004.
5. *Рогоза С.Л., Ачкасов Н.Б.* Засекреченные войны 1950-2000 гг. М., 2005.

6. www.kremlin.ru (сайт Президента РФ).

7. www.statusquo.ru (научно-публицистический альманах).

Группы «Путь предков» («Ата жолы») в Казахстане как проявление ретрадиционализации или архаизации

Манахова Юлия Викторовна

Западно-Казахстанский государственный Университет
им. М. Утемисова

Действующее в Республике Казахстан законодательство не допускает вмешательства государства в работу религиозных организаций. Пользуясь законом, как щитом, псевдорелигиозные секты и общины разворачивают в нашей республике бурную деятельность. Они используют стремление верующих к познанию религиозных истин. Происходит это зачастую через миссионеров, которые не чураются незаконных методов. Это способствовало появлению религиозных различных сект и объединений, одной из самых распространенных является течение «Ата жолы» («Путь предков»).

Суть проблемы в том, что на фоне болезненных для общества следствий реформ оживают традиционные структуры – в экономике, в социальной жизни, во взаимоотношениях между людьми. Структуры, так или иначе, в большей или меньшей степени, но имеют связь с исламом. Архаизация является защитной реакцией общества, способом сгладить проявляющиеся социальные противоречия.

Кочевой народ долго сохранял религиозные обряды своих предков. Ортодоксальный ислам не стал типичной чертой казахской религиозности. Характеризуя состояние и степень укоренённости ислама в общественном сознании казахов, исследователи называют его народным, или бытовым исламом. Ислам в Казахстане всегда существовал не в «чистом» виде [4, с. 37].

Исламизация и других традиционных верований подтверждает присущую исламу многогранность, определяемую различными традициями, культурами, входящими в него, а также историческими условиями его распространения. Таким образом, мы можем за исследователем XX века И. Гольдциэром сделать вывод о том, что «чужие идеи и обычаи не уничтожаются исламом, а получают новое толкование сообразно с духом новой религии» [2, с. 16].

Это означает сосуществование в исламе, наряду с догматами ортодоксального суннитского ислама, благодаря воздействию суфийской идеологии отдельных элементов таких домусульманских форм верования, как культ природы и умерших предков, язычество, шаманизм,

анимизм, культ огня. Иначе говоря, в духовной сфере господствовал синкретизм – сочетание традиционных верований и ислама. Это было не просто механическое соединение, а взаимовлияние и взаимопроникновение духовных традиций. Однако этот процесс не был завершен, и поэтому верования казахов представляли собой своеобразную смесь, состоящую из однородных компонентов.

К одной из высших нравственно-духовных ценностей традиционной казахской культуры относилось уважение к старшему поколению, почитание умерших предков. Культ предков был связан с верой «...в загробную жизнь душ умерших, которые интересуются судьбой оставшихся на земле родственников и оказывают влияние на их дела» [1, с. 69].

То есть, культ предков переплетался с исламизированным культом святых. Эта черта ислама отражает его способность адаптироваться к местным условиям, тем более что он сохранил уважение к родственным связям, характерное для арабского общества доисламской эпохи. Обязательным считалось посещение святых мест: мавзолеев Ходжа Ахмета Ясауи и Айша-биби и других. Четырехкратное паломничество в Туркестан приравнивалось к посещению Мекки [3, с. 55].

Теперь перед нами встает вопрос, что же толкает молодых людей и другие социальные группы посещать данное объединение. Я думаю, прежде всего, это желание возродить казахскую этничность, национальную самобытность, приобщиться к традиционной культуре. Также туда ходят одинокие, больные люди, которые хотят быть среди близких по духу людей, получить лечебную или психологическую помощь. У человека, однажды попавшего туда, часто возникает психологическая зависимость. Возможно, что здесь мы имеем место с практикой манипуляции сознанием. Люди снова и снова стремятся находиться в кругу, где им хорошо, быть в обществе близких по миропониманию людей.

Заманивая людей под предлогом получения медицинской, психологической и другой помощи группы «Путь предков» хотят приобщить, возродить интерес к традиционной обрядности казахов. Но это – одна сторона медали. Организаторы и руководители подобных групп преследуют и меркантильные интересы. Организуя поездки к «святым местам», захоронениям «святых предков», они собирают большие суммы денег, значительно превышающие реальные затраты.

Эти группы не политизированы, общественных проблем они не обсуждают. Их опасность заключается, на наш взгляд, как раз в том, что они делают своих участников аполитичными, пассивными. Нанесение существенного вреда психическому и физическому здоровью граждан, чему способствует занятие незаконным врачеванием и целительством.

Уголовная ответственность за данное преступление предусмотрено ст. 266 УК РК «незаконное занятие частной медицинской практикой или частной фармацевтической деятельностью».

Литература

1. *Басилов В.Н.* Культ святых в исламе. М., 1979.
2. *Гольдциэр И.* Культ святых в исламе (Мухаммеданские эскизы). М., 1938.
3. *Коновалов А.В.* Казахи Южного Алтая (Проблемы формирования этнической группы). Алма-ата, 1986.
4. *Нургалиева А.М.* Очерки по истории ислама в Казахстане. Алматы, 2005.

Роль монархии в политической борьбе в Камбодже в 40-50-е гг. XX в.

Марченко Евгения Александровна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

1. В 40-е годы в Камбодже шел процесс зарождения национального самосознания. Формирование первых политических партий, появление местной прессы сопровождалось ростом политической активности городских слоев населения. Подъем националистических настроений среди кхмерской интеллигенции, как светской, так и религиозной, сопровождался призывами к освобождению от колониальной зависимости. В этот период шла диверсификация политической элиты: появились новые энергичные деятели, как представители королевского дома (принцы Ютевонг, Нориндет), так и средних городских слоев (Сон Нгок Тхань, Пать Чхын, Пенн Нут, Сон Санн). В их концепциях модернизации страны монархии отводилось важное, но не определяющее положение в будущей политической системе Камбоджи.

2. В середине 40-х годов в Камбодже возникли вооруженные формы борьбы за независимость – движение «Кхмер Иссарак», представлявшее собой разрозненные группы вооруженных повстанцев во главе с лидерами различной политической ориентации. Всех их объединяло то, что они ставили своей главной целью борьбу с французскими колонизаторами за достижение полной независимости страны. Основную силу этого движения составляли представители левых сил, тесно сотрудничавшие с Вьетнамом, чьи представления о независимости были с идеями радикальных социальных преобразований.

3. Несмотря на разность подходов к вопросу о путях и методах восстановления национального суверенитета, все националистические

течения, действовавшие в Камбодже в этот период, были едины в том, что король является препятствием на пути получения независимости. Сам король и значительная часть членов королевской семьи считали, что Камбоджа пока «не готова» к самостоятельной государственности. Негативное отношение к личности монарха со стороны части интеллигенции переносилось и на сам институт монархии. В рядах наиболее радикальных (и достаточно авторитетных), был и Сон Нгок Тхань, который высказывал республиканские идеи.

4. Традиционно монархия играла огромную роль в жизни камбоджийского общества. Вся многовековая история кхмерского общества неразрывно связана с институтом монархии. В глазах камбоджийцев монархия не была дискредитирована за столетие французского колониального господства. Французы, осознав всю важность института монархии, чтобы обеспечить лояльность населения, сохранили его. Лишив монарха реальной власти, французская колониальная администрация усилила его символическую роль. В результате, король и в колониальные времена оставался символическим центром политической системы, главной фигурой в идеологической сфере. Однако реальная власть в стране стала прерогативой французской администрации.

5. В 1941 г. на престоле короновался 18-летний Нородом Сианук. Это стало знаковым событием. Молодость короля вселяла в политически активную часть городского населения надежду на перемены, а французам давала уверенность, что они продолжают оказывать влияние на свою колонию посредством управляемого и лояльного монарха. Однако Нородом Сианук со временем оказался не только самостоятельным политиком, но и в некотором роде – нарушителем традиций. В середине 40-х годов политическая система Камбоджи претерпела определенные изменения, появились новые политические институты – партии, парламент, конституция, которые стали играть важную роль в жизни городского общества. Н. Сианук осознал необходимость вдохнуть в застывший институт новую энергию.

6. Чтобы поднять престиж монархической власти и изменить соотношение политических сил в обществе, Н. Сианук предпринял ряд действий, во многом выходящих «за рамки» традиции. В 1953 г. король начал т. н. «Королевских крестовый поход за независимость», фактически перейдя в лагерь повстанцев в глазах колониальной администрации и прервав вековое тесное сотрудничество кхмерской монархии и французов. Король предпринял серию энергичных зарубежных визитов, в ходе которых активно апеллировал к мировой общественности. В 1953 г. он объявил всеобщую мобилизацию, объединив под свои знамена различные группы националистов. В результате, 9 ноября 1953 г. камбоджийцы получили формальную независимость из рук са-

мого монарха. Монарх же получил пожизненное звание «отца независимости». В конце 1953 г. король организовал военную операцию «Самакки» по умиротворению леворадикального движения «Кхмер Иссак» в северо-западных районах страны, которое не пользовалось поддержкой основной массы населения. В ходе операции Нородом Сианук ел и спал в палатках вместе с рядовыми солдатами – создавался новый образ демократичного монарха, живущего одной жизнью со своим народом, подобного чему никогда не было раньше. Активное вмешательство короля в политику в 1949-53 гг., вплоть до возложения на себя функций премьер-министра, также не имело аналогов в истории кхмерской монархии. Согласно традиции, кхмерский монарх, как правило, не принимал конкретных решений сам, делегируя эти полномочия своим сановникам. Сам монарх лишь легитимировал политический процесс, ослабляя напряженность и упрочивая гармонию; выступал в роли третейского судьи, находясь «над схваткой».

7. Нородом Сианук повысил авторитет института монархии в простой для страны период времени, когда чисто символические функции стали недостаточны и встала необходимость вернуть монархии реальную роль в политическом процессе, созвучную времени.

Литература

1. Специальный выпуск журнала «Самакки» (на кхмерском языке), №17, 1954, Пном Пень.
2. *Norodom Sihanouk. L'Indochine vue de Pékin.* Paris, 1972
3. *Бектимирова Н.Н.* Монархия в политической культуре кхмеров.- Политическая культура стран Азии и Африки, МГИМО, 1996
4. *Бектимирова Н.Н., Дементьев Ю.П., Кобелев Е.В.* Новейшая история Кампучии. М., 1989.
5. *Etienne Aymonier.* Le Cambodge. Paris, 1900.
6. *Leclère Adhèmar.* Mémoire sur les fêtes funéraires et les incinérations... // Journal Asiatique, XV. Paris, 1900.

Жизнь как путь самосовершенствования (на основе священного текста буддизма махаяны «Лотосовая сутра»)

Райхель Ольга Викторовна⁴

Сибирский федеральный университет

В настоящее время в России и странах Западной Европы отмечена тенденция все возрастающего внимания людей к восточными религиями, восточному мироотношению. Появляется и усиливается интерес к буддизму, самой древней мировой религии, возникшей в Индии еще в VI в. до н.э. Данное явление можно объяснить постоянным стремлением каждого человека к самосовершенствованию, саморазвитию.

В связи с этим, важным представляется определить, как в буддизме видится возможность духовного преобразования человека, какая модель поведения предлагается человеку в мире окружающих его вещей.

Подобное исследование возможно провести при анализе определенного священного текста, являющегося знаковым для буддизма, заключающего основные концепции данной религиозной системы. Таким текстом является в частности «Лотосовая сутра» («Саддхармапундарика сутра»), созданная в Индии во II в. н.э.

В «Лотосовой сутре» содержатся доктринальные положения буддизма махаяны (буддизма «широкой колесницы»), это один из наиболее популярных текстов буддизма махаяны в Индии, а также в Китае и Японии. В настоящее время «Лотосовая сутра» получила распространение не только на Востоке, но и Западе, таким образом, преодолев как временную, так и пространственную границу.

Считается, что в «Лотосовой сутре» представлен эталонный путь буддийского просветления. В «Саддхармапундарика сутре» наличествует градация верующих, их своеобразное деление в зависимости от того, насколько человек продвинулся в совершенствовании и способен принять новые истины, провозглашенные Буддой в «Сутре о Цветке Лотоса Чудесной дхармы».

Большинство существ, включенных в круг мирского бытия, не способны преодолеть зависимость от желаний, являющихся источником страданий. Их взгляды на окружающую действительность не соответствуют истине, такие люди «полны надменности, добродетели у них мелкие, замутнены ненавистью, извращены, сердца неискренние».

Для того чтобы вступить на путь совершенствования человек находит поддержку высшего и абсолютного источника, некий толчок, **им-**

⁴ Автор выражает признательность кандидату философских наук, старшему преподавателю Сульберековой М.Г. за помощь в подготовке тезисов.

пульс для начала духовного и морального становления: «Живые существа радуются и развлекаются, не ощущая страданий, не испытывая страха... Хотя в горящем доме миров их встретят великие страдания, у них нет забот. Будда, увидев это, подумал так: «Я - отец всех живых существ и должен избавить их от страданий, дать радость беспредельной Мудрости».

Начиная свое совершенствование, человек оказывается **на первой ступени**. Это ступень, где находятся «живые существа, которые следуют за Буддой, слушают Дхарму, обретают веру и усердно продвигаются в совершенствовании, ищут нирвану». Это «*слушающие голос*» - верующие, которые не обладают достаточными знаниями, силой для самостоятельного изучения Дхармы, то есть «Закона», «Учения Будды». Для продвижения в совершенствовании «слушающие голос» прибегают к помощи наставника.

На следующей ступени расположены «живые существа, которые следуют за Буддой, слушают Дхарму, обретают веру и усердно продвигаются в совершенствовании, ищут свою природную мудрость, в одиночестве наслаждаются добрым покоем и глубоко познают внутренне присущие и внешние причины волнения дхарм». Это *пратьекабудды* (с санскр. пратьекабудда - «самостоятельно идущий к просветлению») - верующие, идущие к просветлению без помощи наставника.

Однако для «слушающих голос» и пратьекабудд конечная цель их пути определяется Буддой как обретение нирваны, личностного освобождения. Это является мудрой уловкой Будды, так как «слушающие голос» и пратьекабудды не полностью избавились от неправильных взглядов, не могут поверить в возможность обретения ими состояния Будды и «радуются малой Дхарме», то есть являются архатами, идеальными верующими для буддизма хинаяны.

Однако, человек может осознать истину, открытую в буддизме махаяны и достигнуть **третьей ступени**, на которой он обретает «статус» идеального человека. На этой ступени находятся «живые существа, которые следуют за Буддой, слушают Дхарму, обретают веру и усердно продвигаются в совершенствовании, ищут совершенную мудрость, мудрость Будды, природную мудрость, мудрость, [обретаемую] без учителя, знание, силы, бесстрашие Татхагаты, которые жалеют и успокаивают неисчислимых живых существ, оказывают благодеяния богам и людям и всех их ведут к освобождению». Это *Бодхисаттвы* (с санскрита «тот, чья сущность просветление»). Бодхисаттвой может считаться любой человек, стремящийся к пробуждению и обретению состояния Будды.

В «Лотосовой сутре» раскрывается аспект великой жертвенности Бодхисаттвы. Бодхисаттва решил на великий подвиг самопожертво-

вания: отказаться от своей окончательной нирваны (состояния, где не существует желаний, перестает действовать закон перерождений) для того, чтобы проповедовать путь просветления и помочь достигнуть спасения всем несведущим.

Следуя по пути достижения высшего совершенства, проходя пути саморазвития, Бодхисаттва в конечном итоге достигает ступени, где он становится Буддой. Смысл этого преобразования раскрывается в аспекте Дхармакаи (Дхармового тела Будды) - вечно и изначально пробужденного сознания, Абсолюта. Это высшая ступень, где Бодхисаттва приобретает Абсолютное, незамутненное сознание.

Таким образом, в «Лотосовой сутре» узнается традиционная для буддизма махаяны концепция духовного преобразования человека. Выстраиваются ступени преобразования человека определяемые в образах верующих:

- человек *сансарического круга*, привязанный к земным удовольствиям;

- «*слушающие голос*» и *пратьекабудды*, стремящиеся выйти из круга человеческого бытия ради индивидуального спасения;

- идеальный человек, воплощающий идеал *Бодхисаттвы*, проходящий последовательно ступени этического и психофизического совершенствования, на последней ступени обретающий абсолютное, незамутненное сознание.

Литература

1. *Копцева Н.П.* История, религия, мифология и философия Древней и Средневековой Индии: Учебное пособие. Красноярск, 2003.
2. *Пивоваров Д.В.* Дух, душа и вера. Екатеринбург, 2000.
3. Сутра о бесчисленных значениях. Сутра о цветке Лотоса Чудесной Дхармы. Сутра о постижении деяний и дхармы Бодхисаттвы Всеобъемлющая мудрость. М. 1998.

Внешняя политика Японии в 90-е гг. XX ст.: проблемы переходного периода

Семенов Иван Васильевич

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко

События, которые разворачивались в Восточной Азии в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. были преисполненные драматизма, а также поиска ответов на сложные вопросы политического, военно-стратегического и экономического характера. Окончание эпохи «холодной войны», распад социалистической системы, исчезновение

СССР с политической карты мира значительно изменило геополитическую ситуацию в Восточной Азии. Период, который в западной историографии получил название Early post-cold war period, был временем больших ожиданий, надежд, иллюзий и разочарований.

Оптимистические настроения относительно «новой многообещающей эры» были обусловлены, прежде всего, улучшением общего климата международных отношений в Азиатско-тихоокеанском регионе. Значительные изменения, которые произошли в советско-американских отношениях, реформы в Советском Союзе, установление дипломатических отношений между СССР и Республикой Корея, нормализация советско-китайских отношений, вывод Советских войск из Монголии. К этому следует добавить и улучшение отношений между официальным Токио и Москвой, в частности, обсуждение проблемы Северных территорий «с гибкостью, которая была бы невероятной в прошлом» [1]. Все это вселяло надежду в то, что после отхода от конфронтации по линии Восток-Запад в международные отношения будут привнесены мир и стабильность.

Но в 1991 году ситуация резко изменилась с распадом Советского Союза и началом дезинтеграции на постсоветском пространстве. Эйфория относительно будущего, которая с окончанием «холодной войны» наблюдалась в странах с развитой демократией, оказалась непродолжительной. С развитием международной ситуации, а также углублением экономических и социальных проблем возрастает понимание сложности и неуверенности относительно будущего [2].

После окончания «холодной войны» геостратегическая ситуация вокруг Японии усложнилась, привычные за последние тридцать лет внешнеполитические представления вновь необходимо было перестраивать [3]. На этот факт часто указывали тогдашние японские газеты, одна из которых как-то писала: «Ирония заключается в том, что окончание «холодной войны» усилило степень нестабильности в АТР» [4].

Коренные изменения в регионе особенно сильно ударили по Японии, которая, будучи скованной «мирной Конституцией» была лишена реальных механизмов для обеспечения собственной безопасности. Едва ли не во всех выступлениях ведущих японских политиков и дипломатов речь шла о том, что Япония должна играть более самостоятельную роль в международных отношениях, также принимать активное участие в решении региональных конфликтов для обеспечения стабильности в мире. Тем не менее, первые шаги в этом направлении оказались неудачными. Союзники по антииракской коалиции остро критиковали дипломатию «чековой книжки», которую продемонстрировала Япония во время кризиса в Персидском заливе.

Но такое состояние дел для японской дипломатии в эпоху после «холодной войны» не является каким-то странным, если вспомнить, что после поражения во Второй мировой войне Япония сделала ставку на экономическую дипломатию как основу своего политического влияния в мире [5].

Изменения на международной арене не могли не повлиять и на японо-американские отношения. В Голубой книге за 1991 год подчеркивалось, что «хотя с крахом Советского Союза «холодная война» закончилась, важность для Японии японско-американского Договора безопасности, не смотря на изменение международного положения, остается неизменной». Тем не менее, на фоне официальной позиции правительства, в Японии на протяжении последнего десятилетия XX в. не прекращались дискуссии относительно «выбора пути», т. е. какой-то новой стратегии внешней политики Японии, которые оформились в т.н. движение за «Нормальную страну». Дискуссии на тему безопасности потянули за собой целый «хвост» вопросов: является ли Япония региональной азиатской державой или ее интересы носят глобальный характер; нужна ли ей политическая роль в мире или достаточно ограничиться экономическим статусом; какой оптимальный характер отношений с США отвечает интересам Японии; способна ли она добиться самостоятельной и независимой роли в мире; за какие ценности и за какой мир она должна бороться.

О целесообразности договора безопасности в современных условиях размышляли также и в Соединенных Штатах. Так, по мнению З. Бжезинского, в постсоветский период японско-американский союз является анахронизмом: «Япония не должна играть роль непотопляемого американского авианосца на Дальнем Востоке, она также не должна быть главным военным партнером Америки в Азии или потенциально ведущей страной в Азиатском регионе» [6].

Принесение в жертву своей внешней политики ради достижения своих экономических целей на протяжении продолжительного периода времени, пребывание в фарватере внешней политики США – привело к «атрофированию» японской дипломатии.

Вместе с тем профессор Токийского университета Синьичи Китаока вообще ставит под вопрос существования внешней политики в Японии: «Появление сомнений относительно того, что в послевоенной Японии вообще не было внешней политики, совсем не удивительно... Внешняя политика государства зависит от ряда фундаментальных факторов, таких как его экономический и военный потенциал, состояние отношений с окружающими странами и т. д... В случае Японии ни один из этих факторов не оказывается достаточным для проведения самостоятельной внешней политики, а потому ее отсутствие становится

ся неотвратимым... Вопрос не в том, хорошая или плохая внешняя политика Японии, самостоятельная она или нет, а в том правильный ли выбор, сделанный Японией с учетом тех реальных условий, в которых она существует... Другое дело, старалась ли Япония когда-нибудь переосмыслить основы своей внешней политики» [7]. В ответ на это, бывший заместитель министра иностранных дел России, а также известный японист Георгий Кунадзе отметил, что «остается лишь порадоваться за Японию, у которой снова все хорошо» [8].

Очевидно, что с изменением геополитической ситуации в Восточной Азии в начале 90-х гг. XX ст. японская внешняя политика вступила в непростой и продолжительный переходный период, который, похоже, не закончился и до сих пор.

Литература

1. Diplomatic Bluebook, 1989 Year Edition July, 1990.
2. Diplomatic Bluebook, 1992 Year Edition, April, 1993.
3. *Арин О.А.* Азиатско-тихоокеанский регион: мифы, иллюзии и реальность. М., 1997.
4. Токио симбун, 17 января, 1993.
5. *Бурмистров П.* Япония – КНДР: обострение северокорейской ядерной проблемы. // *Азия и Африка сегодня.* – 2005, № 6.
6. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска (Господство Америки и ее геостратегические императивы). М., 1998.
7. Gaiko Forum, July, 2002.
8. *Кунадзе Г.* Острова без мостов: заметки о внешней политике Японии. // *Новое время.* 2002 г., № 29.

Некоторые аспекты зооморфной символики власти в Китае

Сомкина Надежда Александровна

Санкт-Петербургский государственный университет

Легитимация власти приемами, так или иначе включающими участие мифических или волшебных животных, известна в ряде стран не только Дальнего Востока, но и у народов российского Крайнего Севера, у индейцев Южной и Северной Америки и в некоторых других регионах. В Китае подобная практика получила особенно широкое распространение и была зафиксирована рядом источников, в частности, в династийных историях (*чжэньши*). Чтобы считаться истинным обладателем мандата Неба, правитель должен был пройти два этапа легитимации.

Во-первых, удивительным событием должно было знаменоваться рождение правителя. Это могло быть как непорочное зачатие от употребления в пищу фруктов, принесенных волшебными зверями и птицами, так и хождения по следам цилиня и иже с ним. Явление драконов, фениксов и прочих волшебных животных матери, беременной будущим государем, также считалось за необходимое знамение. (Так, мать основателя династии Хань Лю Бана навелит желтый дракон.) Наконец, рождение будущего правителя могло быть и совершенно сверхъестественным, когда ребенка приносило земным родителям какое-нибудь божественное существо и отдавало им на воспитание. Впрочем, чем ближе к современности, тем менее фантастическим становилось зачатие правителя. С течением времени необходимость участия какого-либо сверхъестественного персонажа непосредственно в зачатии исчезла, и для легитимации было достаточно, чтобы в момент рождения или зачатия правителя свершилось какое-нибудь чудо или знамение. Разработкой официальной версии таких событий занимались придворные историки, как правило, уже после восшествия правителя на трон.

Помимо первичной легитимации власти сверхъестественные существа также принимали участие и во вторичной. Согласно официальной доктрине, после обретения «мандата Неба» правителем должен был последовать отклик Неба, подтверждавший неподложность новообременного правителя. Означенный отклик представлял собой некое удивительное событие или необыкновенное животное, часто дракона или феникса. Явление таких знамений почиталось за событие в прямом смысле эпохальное и часто вело за собой изменение девиза правления [1, с. 23]. Кроме того, иногда в зависимости от характера знамения принимали и терминологию государственных чинов и учреждений: так, правление Да-хао имело знамение в виде дракона, потому наместников стали именовать «драконовыми управителями» [4, т.1, с. 226].

В дальнейшем система подобных знамений усложнялась и детализировалась, явления сверхъестественных созданий стали делиться на уместные и не уместные, урочные и неурочные и, соответственно, на благовещие и не сулящие добра. Подделка государственных знамений преследовалась по закону, а сами они тщательно фиксировались в династийных историях, чаще всего в разделе «Усин чжи» («Трактат о пяти стихиях»). В частности, необычайно интересен трактат «О пяти стихиях» в «Сун шу» Шэнь Юэ. Помимо перечисления всех появлений мифических и удивительных животных (таких как белая и девятихвостая лисы, волшебная лошадь (*иэньма*), белый слон, красный медведь, олень-альбинос, шестиногие и трехрогие животные и т.д.) начиная с периода Хань (206 до н. э.-220 н. э) до Сун (420-478), в нем рассказы-

вается о внешнем облике, поведении и достоинствах каждого существа [3, цз.28].

Кроме того, начиная с вышеупомянутого Лю Бана, символом императорской власти и императора в частности стал дракон. Сын Неба воспринимался как одна из ипостасей дракона на земле, а в названиях имперских атрибутов постоянно встречался иероглиф лун (дракон): *лунвэй* (престол дракона) – императорский трон, *лунфэн* (дракон и феникс) – император и императрица [2, с.148-153], *лунчжан* – одеяние императора, произведение кисти императора или императорский штандарт, *лунжань* – борода дракона, на которой вознесся Хуан-ди (употреблялось для обозначения погребальных принадлежностей императора) и т.д. Также следует отметить, что дракон также был олицетворением собственно государства Китай, причем не только в самой стране, но и за ее пределами. Лучшими сынами отечества называли себя члены тайного общества Союз Цветов Дракона (*лунхуахуэй*), поддерживавшего Сунь Ятсена и существовавшее до 1911 г. В конце правления династии Цин была введена серебряная монета с изображением дракона – *лун ян*. На гербе времен империи Цин изображался четырехлапый дракон с пятью когтями. На желтом императорском знамени со времен династии Хань до Цин включительно также присутствовал дракон как знак могущества и власти, либо два дракона, сражающиеся за жемчужину (предположительно – мудрости). Даже современные китайцы ассоциируют себя с этим существом. Это связано, скорее всего, с тем, что воспитанные в духе преемственности поколений китайцы возводят родословную нации как минимум ко времени правления полубогинской династии Ся, основанной, согласно преданиям, великим Юем, который обладал драконоподобной внешностью и с помощью драконов умирал потоп.

Феникс, олицетворение гармонии и добродетелей, прежде всего конфуцианских, также фигурировал во многих понятиях и терминах, связанных с императорским двором. Государственная канцелярия при династии Тан называлась *фэнгэ* (канцелярия феникса); дворцовое ведомство и высшие государственные должности образно называли «пруд феникса» (*фэнхуан чи*); птицей-фениксом (*фэнняо*) именовали составителя календаря при династии Чжоу. Кроме того, территорию императорского дворца называли «городом феникса» (*фэнчэн*), императорский паланкин – паланкином феникса (*фэн юй*), экипаж императрицы, украшенный изображениями феникса – *фэннянь*, и т.д..

Изображения животных и птиц фигурировали на одеждах военных и гражданских чиновников соответственно; кроме того, иные чиновничьи знаки отличия были так или иначе связаны с животными. Так, при ханьском У-ди в 178 г. начальникам областей и советникам всех вла-

дений впервые были вручены медные тигровые бирки (*хуфу*), а в период правления династии Тан эмблемой чиновника служила печать, ручка которой изображала черепаху; называлась она *зуйню*. [4, т.1, 239-240, т.2 с.233]

Таким образом, можно предположить, что в Китае, во-первых, существовал детально разработанный комплекс истолкований необычайных явлений; при этом далеко не все считались предвестниками счастливых событий. Благим знаменем считались лишь те, что происходили в надлежащее время и в надлежащем месте (довольно часто – предсказанные компетентными органами); случаи же, когда появление необычного существа нарушало гармонию окружающего мира, были поводом пересмотреть политику правящего дома и поведение самого Сына Неба. Кроме того, зооморфные символы в государственной номенклатуре подчеркивали сакральность власти, с одной стороны, и предназначались для приведения властных структур в гармонию с традиционным миропорядком.

Литература

1. Мартынов А.С. Статус Тибета в XVII-XVIII веках в традиционной китайской системе политических представлений. М., 1978.
2. Решетов А.М. Дракон в китайской политической традиции // Символы и атрибуты власти: генезис, семантика, функции. СПб., 1996.
3. Сун шу (История Сун). Сост. Шэнь Юэ. // <http://www.chinaky.com/rbbook/gb/25/songs/sshu.htm>
4. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). М., 1987.

Проблемы репатриации афганских беженцев в Пакистане.

Стуреико Степан Андреевич

Белорусский Государственный Университет

Существует три стадии происхождения, развития и решения проблемы беженцев. Первая – это возникновение чрезвычайной ситуации, в результате которой беженцы покидают свои страны. Вторая – защита и помощь таким лицам в странах, предоставивших убежище. Наконец, третья – это долгосрочное решение проблемы (добровольная репатриация к месту первоначального проживания, либо интеграция в страну, где было запрошено убежище, либо переселение в третью страну). Репатриация означает добровольное возвращение в страну, если в ней уже не грозит опасность причинения вреда, как в физическом, так и в моральном плане.

Процесс возвращения афганцев из Пакистана начался в 1988-1989 гг., когда были выведены советские войска. В зависимости от политического и военного положения в Афганистане можно проследить следующую динамику репатриации из Пакистана.

Год	1988-1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997
Число репатриантов, тыс.	200	150	200	1 274	358	103	153	121	52

Год	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Число репатриантов, тыс.	92,6	76	69	1500	343,1	325	290

Перед началом вывода советских войск из Афганистана в 1989 г. многие беженцы говорили полевым работникам УВКБ, что вернуться домой, как только новое правительство установит власть в Кабуле. Беженцы начали активное возвращение летом 1992 года на волне общего оптимизма (всего тогда вернулись более 4 млн. человек).

В действительности, падение режима Наджибуллы тотчас вызвало новый виток гражданской войны и беженцы перестали стремиться возвращаться, предполагая, что новый мир недолговечен. Вскоре начался новый виток противостояния бывших моджахедов с движением Талибан, практически захватившим власть к 1996 году.

Численность вернувшихся снижалась год от года (К концу 1996 г. из Пакистана вернулось 120 тыс., хотя планировалось 250). Это объяснялось во-первых, продолжающимся состоянием гражданской войны; во-вторых, Афганистан 90-х гг. существенно отличался от покинутого беженцами Афганистана 70-х гг. «Мы чужие на этой земле», – такие слова можно было услышать от многих вернувшихся; в-третьих, беженцы за время своего пребывания в Пакистане успели довольно успешно интегрироваться в его социально-экономическую жизнь. По мнению верховного комиссара УВКБ Рууда Любберса, большинство пуштунов, живущих сейчас в Пакистане, приехали туда не как беженцы, а в составе обычных миграционных потоков, и стали очень продуктивной частью населения этой страны; в-четвертых, беженцы, которые прибыли после 11 сентября и те, кто жил в изгнании долгие годы, опасаются новых столкновений уже по поводу их этнической принадлежности, особенно, если в регионе будут управлять антиталибские полевые командиры.

С 2000 по 2001 гг. количество репатриированных афганцев было меньше количества вновь прибывших в Пакистан. После свержения режима талибов и учреждения Временной администрации в Кабуле

более 1 млн. афганцев, находившихся за пределами страны вернулись на места своего проживания в течение 3-х месяцев.

Всеобщая окончательная репатриация должна была начаться в марте 2002, однако в течение 2002-2003 гг. многие из приехавших в Афганистан беженцев снова вернулись в Пакистан, т. к. условия жизни дома складывались неблагоприятно для безопасной и достойной жизни. Очевидно, что проведенная репатриация 1.5 миллиона человек из Пакистана, не была добровольной. Это проявляется в виде отдельных случаев полицейского произвола и задержания в связи с отсутствием документов. Осуществлять эту операцию могут три властных учреждения Пакистана: Федеральный пограничный корпус, Служба безопасности племен и пакистанская национальная полиция.

Отдавая себе отчет в реальной ситуации на своей родине, афганские беженцы в Пакистане разработали собственные стратегии по репатриации. Так, несколько мужчин из любой семьи или общины беженцев могут вернуться в Афганистан и подготовить землю или восстановить свои дома, в то время, как другие работают, получая зарплату в Карачи или в государствах Персидского залива, а женщины и дети находятся в социальной и материальной безопасности в лагерях беженцев. Такие стратегии являются положительным свидетельством заинтересованности беженцев в возвращении на родину. Только к 1997 году самостоятельно вернулись 714 тыс. человек.

Для проведения масштабной операции по репатриации (самой большой за всю историю существования организации) еще в середине 90-х гг. УВКБ разработало специальную программу. Используя ее, беженцам нет нужды платить взятки в целой сети проверочных пунктов, отделяющих беженские деревни от границы. Сейчас репатрируются отдельные семьи и целые общины. Широкомасштабное восстановительное строительство помогло в решении проблем занятости.

Для поощрения добровольной репатриации ООН заключило трехстороннее соглашение между: Афганистаном, Пакистаном и УВКБ ООН в марте 2003 года. Однако во второй половине ноября 2003 года (после захвата в заложники сотрудника УВКБ ООН в городе Газни) ООН драматично свернула свою деятельность (до 29-го февраля 2004 г.) включая временную приостановку содействия в репатриации беженцев, возвращающихся из Пакистана. Представители сторон встречаются каждые три месяца. Срок действия соглашения истекает в 2007 г.

Таким образом, изменения количества беженцев на территории Пакистана зависят в первую очередь от ситуации в Афганистане. В меньшей степени на их прибытие/репатриацию влияет политика Пакистанских властей и действия международных организаций. Беженцы

могут пересекать пакистанскую границу нелегально (ввиду ее полной прозрачности), также они могут возвращаться ускоренными темпами, несмотря на рекомендации организаций и неподготовленность их родного края к полноценной жизни. Перемещение и оседание большого количества беженцев в Пакистане обуславливается не только географическим положением, но и культурной близостью беженцам-пуштунам его пограничных районов.

Литература

1. 2004 год: обзор. // Беженцы, № 4, 2004.
2. *Breen R.* The most difficult choice. // *Refugees*, № II, 1997.
3. *Colville R.* The biggest caseload in the world. // *Refugees*, № II – 1997.
4. *Damato Z.* The long way home. // *Refugees*, № II – 1997.
5. Refugee protection and assistance in Pakistan // hrw.org
6. World Refugee Survey 2000-2006 Country Reports. // www.refugees.org (Сайт комитета США по беженцам и иммигрантам)
7. *Вулфсон С.* Проблемы возвращения. // «Беженцы», № IV, 1996.
8. *Дель Мундо Ф.* Час пик. // Беженцы, № 2, 2002.
9. Методические рекомендации в отношении обращения с афганскими лицами, ищущими убежище, и беженцами в Европе. // Европейский Совет по Беженцам и Убежищу, Май, 2004 (PP3/05/2004/Ext/AP)
10. Мы можем добиться большего. Мы должны сделать это. // Беженцы, № 4, 2004.
11. Обстановка в Афганистане и ее последствия для международного мира и безопасности. Доклад генерального секретаря ООН (A/58/742–S/2004/230)
12. Популярная библиотека прав человека. Выпуск 5: Права человека и беженцы. Минск, 2000.

Идея создания Пакистана в трактовке региональных филиалов Мусульманской Лиги (Северо-западные районы Британской Индии)

Филимонова Алина Левоновна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Независимое мусульманское государство Пакистан образовалось в результате раздела Британской Индии в 1947 г. Наиболее крупную и экономически развитую его часть составили провинции северо-западного района: Панджаб, Синд, Белуджистан и Северо-западная пограничная провинция (СЗПП). Проголосовав за вхождение в Пакистан, данные регионы, таким образом, поддержали политическую ор-

ганизацию Мусульманская лига, являвшуюся главным проводником идеи единого мусульманского государства в Южной Азии. Тем не менее, причины, побудившие вышеназванные провинции объединиться, сильно варьировались и диктовались внутрирегиональной историко-культурной и социально-экономической спецификой. Успех Мусульманской лиги определился тем, что она оказалась способна определить потребности самых разных этнических групп мусульман и успешно соединить их с идеей общемусульманской солидарности.

Характерной особенностью рассматриваемых провинций является тот факт, что каждая из них была по преимуществу населена либо одним этносом, либо близкородственными, то есть являлась этнически однородной. Однако Панджаб изначально имел ряд коренных отличий от остальных районов. Прежде всего, только в Панджабе религиозный конфликт между панджабцами, исповедующими ислам, индуизм и сикхизм, развивался в рамках одного этноса, то есть границы мусульманского коммуналистского движения проходили внутри границ национального. Мусульмане Панджаба составляли весьма неустойчивое большинство (55,8%) [1, с. 272] и, следовательно, в отличие от монорелигиозных этносов, острее ощущали наличие для себя религиозной угрозы. Именно враждебное иноконфессиональное окружение помогло панджабским приверженцам ислама первыми среди своих соседей-единоверцев прийти к идее общемусульманского единства. Кроме того, только в Панджабе движение мусульманской солидарности, предполагающее создание единого государства, по степени активности и зрелости не уступало национальному (более того, первые общественные организации, возникшие в 1870-е г.г., уже носили религиозно-общинный характер) [2, с. 232]. Что же касается Синда, Белуджистана и СЗПП, то здесь национально-освободительные движения зарождаются раньше религиозных по меньшей мере на четверть века.

Идея создания мусульманского государства укоренилась в Северо-западной Индии во многом благодаря деятельности здесь филиалов Мусульманской лиги, которая сделала призыв к Пакистану ключевым в своей политической программе. На сессии партии в Лахоре в 1940 г. Мусульманская лига принимает резолюцию, провозглашающую целью партии создание независимых мусульманских государств, состоящих из суверенных автономий. Изначально было ясно, что объединение Северо-западной Индии под общим административным началом было выгодно прежде всего населению Панджаба, самого экономически развитого из четырех регионов. Именно панджабцы традиционно привлекались англичанами в сферу управления, причем не только своей, но и соседними провинциями. Имелись все основания предполагать, что и в новом государстве расстановка сил в администрации не изменится.

Кроме того, лидер Лиги Мухаммед Али Джинна категорически отвергал возможность разделения Панджаба между Индией и Пакистаном, считая его целостность делом принципа. В условиях постоянного роста религиозно-общинных столкновений в Панджабе, местные мусульмане именно в Джинне увидели своего идейного лидера и стали главной опорой его партии и идеи Пакистана.

Моноконфессиональное население СЗПП, Белуджистана и Синда, в меньшей степени столкнувшееся с религиозной угрозой, не столь ясно осознавало необходимость мусульманской солидарности. Экономически же эти области находились в зависимом положении от предпринимателей других провинций, то есть автономия в рамках федерации не принесла бы им желаемой самостоятельности. Выходом для них стало бы создание национального государства. Однако в условиях, когда даже правомерность самого Пакистана ставилась англичанами под сомнение, внутренние центробежные тенденции могли лишь ослабить движение за Пакистан и привести в принципе к отказу от идеи двух государств в Южной Азии и предоставлению независимости одной лишь Индии. Рассчитывать на множественное дробление британской колонии в условиях усиливающейся нестабильности было невозможно. Кроме того, данные провинции оказались исторически не подготовленными к декларированию своих суверенитетов в силу слабого развития местных политических структур.

В сложившейся ситуации лидеры Мусульманской лиги всячески стремились доказать, что присоединение районов с мусульманским большинством не к Пакистану, а к Индии не только спровоцирует их религиозную дискриминацию, но и приведет к господству в экономике индусских предпринимателей, численно и финансово доминировавших в Индии. Последнее утверждение, близкое все жителям северо-западных районов, особый отклик находило у синдхов, традиционно страдавших от засилья гуджаратско-марварийского капитала. Обещание избавить жителей Синда от инорелигиозной экономической верхушки стало одним из ключевых пунктов пропаганды, проводимой в этой провинции Мусульманской лигой. Для пуштунского населения СЗПП особую роль играл тот факт, что в мусульманском государстве им были бы обеспечены свободные контакты с братьями по вере из других стран – прежде всего Афганистана, к которому пуштуны всегда тяготели. В Белуджистане главный внутренний конфликт разворачивался между белуджским и брагуйским этносами: более многочисленные, но менее развитые белуджи тяготились своей зависимостью от социально и экономически доминировавших брагуев. Отталкиваясь от этого, белуджистанский филиал Мусульманской лиги прежде всего подчеркивал равноправие всех членов мусульманской общины и, соот-

ветственно, будущего мусульманского государства, в котором белуджи получили бы одинаковые с другими социальные гарантии. Таким образом, наличие индивидуального подхода к каждой провинции обеспечило конечную победу Мусульманской лиги в борьбе за Пакистан.

Литература

1. *Hunter W.W.* Imperial gazetteer of India. L., 1885.
2. *Ганковский Ю.В.* Национальный вопрос и национальные движения в Пакистане. М., 1967.
3. *Уолперт С.* Джинна – творец Пакистана. М., 1997.

Механизм смены власти в раннебахритский период (1250-1261)

Филиппов Александр Анатольевич

Академия Управления при Президенте Республики Беларусь

Основным источником для написания настоящей работы является произведение раннемамлюкского периода “Zubdat al-Fikra fi Tā’rīḥ al-Nijra”, написанное в начале XIV века одним из представителей мамлюкской элиты, заместителем султана в 1311-1312 гг., Бейбарсом ал-Мансури ан-Насири (ум. 1325). Источник впервые опубликован в 1998 г. в Берлине, на русский язык ранее не переводился.

Указанный период (1250-1261) представляет особый интерес, так как позволяет рассмотреть механизм смены власти в отсутствие исламской легализации (санкции халифа). Так как за этот относительно короткий период хроника насчитывает шесть правителей, выборка представляется достаточно репрезентативной.

Традиционно считается, что мамлюки пришли к власти в Египте в 1250 г., свергнув малика ал-Муаззама Туран-шаха. Источники сообщают противоречивые сведения о его судьбе: убит [5, с.151; al-Maqrīzī, год 648] или был оставлен в живых [6, с.58]. Тот факт, что один из членов мамлюкской элиты прямо опровергает сообщения о смерти Туран-шаха, позволяет сделать вывод о том, что убийство предыдущего правителя не было одним из компонентов механизма смены власти. После свержения Туран-шаха правительницей Египта была провозглашена мачеха последнего – Шаджарат ад-Дурр [6, с.3, al-Maqrīzī, год 648]. Однако ее правление было очень недолгим. Вероятно, Шаджарат ад-Дурр выполняла две функции: 1) Не допустить выдвижения официальных претензий на власть со стороны Аййубидов 2) Путем брака с одним из организаторов переворота Изз ад-Дином Айбеком обеспечить его доступ к власти.

После непродолжительного правления Шаджарат ад-Дурр султаном Египта был провозглашен малолетний Аййубид ал-Ашраф, атабеком же войска был назначен один из лидеров переворота Изз ад-Дин Айбек [6, с.6], женатый, как уже упоминалось, на Шаджарат ад-Дурр, что сделало его старшим в роде по отношению к ал-Ашрафу. При возведении последнего на престол были задействованы два ключевых компонента механизма смены власти – институт атабека и совет эмиров, который и назначил Айбека атабеком.

Впервые засвидетельствованный в XI в., термин «атабек» со времен Мелик-шаха (1072-1092) стал означать лицо тюркского происхождения, ответственное за воспитание наследника [3, с. 184]. С ослаблением Сельджукидов реальную власть в их государстве получили атабеки [3, с. 185]. Таким образом, со времен Сельджукидов институт атабека стал средством получения реальной власти при «ленивом» правителе. Этот механизм и был задействован при лишении реальной власти ал-Ашрафа. Несомненно, что женитьба на Шаджарат ад-Дурр (а значит, и породнение с Аййубидами) гарантировала права Айбека стать воспитателем малолетнего султана. Во время правления малолетнего сына Айбека – ал-Мансура Нур ад-Дина Али (1257-1259) реальную власть также имел атабек Кутуз [6, с. 25]. Институт атабека сохранился и при восстановлении халифата, когда султан аз-Захир Бейбарс назначил для своего сына и наследника – Саида Берке – атабека [6, с. 92]. Однако должность атабека, по-видимому, не давала возможности стать и номинальным правителем государства. Такую санкцию мог бы дать халиф, если бы он выписал таклид, однако Багдад отказался это делать.

Проправив около 2-х лет, ал-Ашраф был свергнут решением эмиров [6, с. 6], которые согласились на единовластие Айбека. При других сменах власти эмиры определены более точно – термином «старшие эмиры» – al-'umagā' al-kibār.

Институт старших эмиров – uluū beg (мн.ч. bāglar) – принадлежит, как показывает характер употребления этого термина в Древнетюркском словаре, к числу традиционных тюркских институтов, связанных с ордой и элем, т.е. являвшихся элементом политической, а не родоплеменной, структуры тюркской организации государства.

В тех случаях, когда «старшие эмиры» упоминаются в Хронике Бейбарса вместе, они решают два вопроса: выбор правителя и ведение войны. В традиционной тюркской политической системе коллективным органом, призванным решать подобные вопросы, являлся курултай (huriltai, hurultai). Как элемент политической системы кочевников Великой Степи курултай фиксируется с I-го века н.э. Курултай можно определить как сопровождающееся пиром надплеменное собрание глав этносоциальных объединений, проводившееся на территории рода,

правлящего в данной конфедерации этносоциальных объединений, имеющее сакральный характер, на котором происходило получение или подтверждение харизмы верховного правителя, решались разнообразные внешнеполитические вопросы (прежде всего организации военного похода) и вводились установления. Однако в мамлюкском Египте, благодаря специфике правящей группы, курултай стал характеризоваться следующими особенностями: 1. Теряет свою сакральность и связь с родовой территорией 2. Фактически, расширяется состав участников: в случае выборов правителя требуется санкция халифа, в случае принятия каких-либо установлений требуется санкция исламского духовенства. 3. Родоплеменной характер состава полностью утрачивается, курултай представляет собой по существу собрание военных командиров. 4. Курултай сохраняет при участии старших эмиров и эмиров свои функции избрания правителя (но необязательно из одного рода), а также свои функции военного совета. 5. Само понятие «курултай» начинает размываться и исчезать. Подобный процесс происходил и в других тюркских государствах, где из-за принятия ислама курултай стал утрачивать свой сакральный характер, а сам термин стал исчезать, заменяясь, чаще всего, на термин «пир» – شيلان – shilān [2, с. 80; 1, с.162-163].

Таким образом, механизм смены власти в раннебахритский период был преимущественно тюркским по своему характеру, его основными элементами были следующие:

1. Женитьба на вдове одного из предшественников, что было средством войти в правящий род.
2. Институт атабеков, со времени Сельджукидов ставший средством сосредоточения в своих руках реальной власти, прежде всего над войском.
3. «Совет старших эмиров» (видоизмененный курултай), дававший тюркскую легитимизацию власти.
4. Необходимость получения таклида от халифа для исламской легитимизации (реализован в 1261 г.).

Литература

1. Бартольд В.В. Сочинения. Т. 2, ч. 1. Общие работы по истории Средней Азии. М., 1963.
2. Гордлевский В.А. Избранные сочинения. Т.1. М., 1960.
3. Гусейнов Р.А. Институт атабеков. // Палестинский сборник. Вып. 15 (78), 1966.
4. Древнетюркский словарь. Л., 1969.
5. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2, ч. 1. М., 2006.

6. Baybars al-Mansūrī. Zubdat al-Fikra fī Ta'riḥ al-Hijra. Berlin-Beirut, 1998.
7. Ahmad ibn 'Alī al-Maqrīzī, Kitāb al-Sulūk li-ma'rifat duwal al-mulūk. // <http://www.al-eman.com/islamlib>

Контрасты во взаимоотношениях между Китаем и Японией

Хабиев Ербол Уразгалиевич

Уральская Академия Труда и Социальных Отношений (Казахстан)

Введение

В последнее время в Северо-Восточной Азии наблюдается накал ситуации вокруг двух региональных держав, которые имеют единый социокультурный пласт – Китая и Японии. Япония – единственная страна в Азии, с которой отношения у Китая не только не улучшаются, но и становятся более напряженными. В конце XX – начале XXI вв. в АТР набирает мощь самостоятельный полюс в лице Китая. Китай формирует свой полюс через концепцию «Большого Китая», то есть включения в историческое лоно Гонконга, Макао, Сингапура и Тайваня. В случае осуществления этих планов Китай может стать соизмеримым по потенциалу конкурентом США, не говоря уже о Японии. Этому есть все предпосылки – экономические, политические, демографические, военные, исторические и цивилизационные. Япония, понимая все процессы, связанные с данной проблемой из всех сил старается помешать осуществлению концепции «Большого Китая». В противовес Японией была выработана собственная теория о двутипности азиатской культуры, она выражает особую благодарность и признательность буддистско-конфуцианскому миру, истоком которого является древнекитайская цивилизация. Вслед за этим они цитируют следующее, что на современном этапе Япония превратилась в сильную, культурно единую и самостоятельную нацию, и что их уровень образования, жизненные стандарты, международные связи, государственное управление, не идут ни в какое сравнение с континентальным Китаем. Япония, относя себя к буддистско-конфуцианскому миру, одновременно идентифицирует себя с культурными ценностями западного мира. Подчеркивая при этом, что они не одни, подтягивая в свой круг Тайвань и Сингапур. Все это вместе означает, что Япония является флагманом океанической азиатской культуры, а Китай флагманом – континентальной. И эта теория соответственно служит естественным раздражителем для Китая.

В отношениях Китая и Японии по-прежнему преобладают противоречивые тенденции. Стороны, преодолев чрезмерно обострившиеся в предшествующие годы противоречия в сфере торговли, продвинулись

в развитии торгово-экономических связей. Вместе с тем в политической области существующего сдвига к установлению взаимопонимания между Пекином и Токио не произошло. Оба государства, опираясь на свои экономические достижения, стараются превратиться в новые полюса мира, тем самым, изъявляя желание, включить друг друга в свою сферу влияния. Двусторонние отношения осложняют следующие вопросы: исторические проблемы, проблемы Тайваня и двух Кореи, спорных островов Дяоюйдао, японо-американского сотрудничества в области безопасности, военных репараций, использование японцами химического оружия в Китае, также множество совпадений «национальных интересов» обоих государств в том или ином регионе мира.

Однако актуальность и парадоксальность в этом вопросе заключается в том, что при столь многих вышеперечисленных проблемах в политической области, обе стороны активно и продуктивно сотрудничают в экономической сфере, то есть экономическое сотрудничество стало основным стержнем во взаимоотношениях между Китаем и Японией.

Методы

Изучая взаимоотношения Китая с другими государствами, мы делаем следующий вывод, что у китайского правительства нет никаких проблем с теми «кто их боится, а заодно, и уважают» и не стараются оспаривать его ведущую роль в регионе и мире. Разумеется, все те, кто придерживается данного принципа по отношению к Китаю, могут довольно-таки рассчитывать на взаимовыгодное торгово-экономическое сотрудничество с ним. То есть здесь все как на практике межгосударственных отношений, где, опираясь, на принцип взаимоуважения в политической области накладываются остальные области сотрудничества. Поэтому мы считаем, что данный метод сравнения более подходящим по отношению сотрудничества между Китаем и Японией.

Результаты

В современном мире, где Китай заслуженно добился статуса «Поднебесной империи», и, опираясь на свои исторические даннические отношения, и стараясь соответствовать названию «Срединного государства» Китай тихонько начинает включать в свою сферу влияния всех своих соседей, и в особенности Японию. Китайский подход к Японии основывается на принципе разделения экономики и политики. В экономической сфере Китай стремится использовать Японию для решения экономических и финансовых задач. В первую очередь – обеспечить свои потребности в природных ресурсах, получить выход на товарный рынок Японии, доступ к их капиталам и современным технологиям, дополнительные резервы для национального развития. В то же время в политической сфере Китай видит угрозу своей нацио-

нальной безопасности и вмешательства в его внутренние дела со стороны Японии.

В результате, мы приходим к такому заключению, что, с одной стороны, Китай решая свои народнохозяйственные проблемы с помощью Японии, с другой стороны опасаются стать экономической порабощенным, поэтому Китай ведет политику не сотрудничества по отношению к Японии, и старается показать свое превосходство во всех сферах, где это возможно. Хотя Япония ни в коей мере не собирается признавать лидерство Китая, так как даже само признание Китая как главного локомотива экономик, лидера и гаранта безопасности данного региона, означало бы конец всему японскому началу. Также Китай, чувствуя свою военно-политическую мощь, активно развивая сотрудничество в экономической области и став главным экономическим партнером Японии, что с политизированной стороны имеет огромный плюс для Китая, она все же не собирается устанавливать с ней естественных партнерских и союзнических отношений, и более того признание ее лидерства в Северо-Восточной Азии. До сих пор ни одна страна в мире для Китая не являлось ни лидером, ни ориентиром для него. Китай это есть срединное государство, центр мира, ориентир и неоспоримый лидер для других, тем более для азиатских стран, и в особенности для тех, чьи корни связаны с китайской цивилизационной культурой. Поэтому Япония как нация-государство основанной на фундаменте государства-цивилизации как Китай не имеет право быть превосходной политической силой для Китая. Исходя из всего, можно сказать, что Китай никогда серьезно не воспринимал, и не будет воспринимать Японию в качестве стратегически равноправного партнера в политической области, хотя при необходимости умело пользуются японскими беспроцентными кредитными линиями, прямыми инвестициями, новыми разработками в области техники и технологии, а также безвозмездной гуманитарной помощью.

Литература

1. Китайская Народная Республика в 2002 г.: Политика, экономика, культура. М., 2003.
2. Россия и АТР: безопасность, сотрудничество, развитие. М., 2003.
3. *Крупянка М.И.* Япония после «холодной войны». Политика обеспечения национальной безопасности. М., 2001.
4. *Бергер Я.* Китай – глобальная держава XXI века? // *Азия и Африка сегодня.* 2006, №8.
5. *Мосяков Д.* Япония – Китай. Очередная схватка. // *Азия и Африка сегодня.* 2002, №6.

«Мияко Мэйсё дзуэ» как исторический источник

Хализова Анна Александровна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

1. «Мэйсё дзуэ» («Альбом достопримечательностей») – общее название популярных географических описаний, публиковавшихся с середины до конца периода Эдо (XVII-XIX вв.), представляющих собой иллюстрированные книги-брошюры с картинками, на которых изображены пейзажи и история достопримечательностей Киото, Эдо и разных провинций.

Впервые название «Мэйсё дзуэ» было дано 6 свиткам «Мияко мэйсё дзуэ» – «Альбома достопримечательностей столицы» 1780 г. Это альбом с изображениями достопримечательностей столицы «мияко», тех, что расположены как в черте города, так и в его окрестностях. Автор Акисато Рито, иллюстратор Такэхара Сунтёсай.

«Альбом достопримечательностей столицы» является своего рода иллюстрированным путеводителем, и в нем содержится 2 типа изображений: а) в стиле «картин с высоты птичьего полета»; б) иллюстрации обычаев и повседневной жизни того времени.

2. Задачей предлагаемого исследования является формально-количественный анализ списка достопримечательностей «Мияко мэйсё дзуэ» с помощью СУБД Access и затем на основе полученных результатов возможное реконструирование пространственных представлений японцев XVIII в. На данный момент осуществлен первый этап исследования, структурирование списка и составление базы данных (далее – БД).

Источником для данного исследования является «Мияко Мэйсё дзуэ». Он содержит информацию о культурной жизни, структуре и устройстве города, об архитектуре, о религиозных представлениях.

«Мияко Мэйсё дзуэ» занимает особое место среди географических описаний Киото, созданных на тот период, и отличается от них по ряду параметров. В период Эдо уже были созданы: 1) популярные географические описания с большим количеством иллюстраций, получившие название «Кохан тиси» («Старые географические описания»; 2) «Записи достопримечательностей» – «Мэйсё-ки»; 3) «Зерцало города» – «Мати кагами». Однако в этих книгах не содержалась такая подробная информация и иллюстрации, как в «Альбоме».

3. Представляется логичным, что первым среди «мэйсё дзуэ» стал альбом, посвященный Киото, ведь Киото играл важную роль в Японии XVIII в., являясь 1) императорской столицей; 2) моделью города с такими достопримечательностями, которые вызывают у японцев исторические и литературные ассоциации; 3) культурной столицей и центром

знаний (центр буддизма, центр издательского дела, город-мастерская различных изделий).

4. В БД, составленной на основе «мияко Мэйсе дзуэ», содержится 769 упоминаемых названий достопримечательностей, природных объектов, улиц, которые можно разделить на 2 типа: рукотворные и природные. К рукотворным относятся синтоистские и буддийские храмы, мосты, захоронения, дома, императорский дворец, баня. К природным – реки, пруды, горы, леса и другие объекты ландшафта. Кроме того, в БД включены несколько праздников.

Анализ БД дал следующие результаты.

Синтоистские и буддийские храмы сконцентрированы в т.н. верхнем, среднем, нижнем и восточном районах (上京区、中京区、下京区、東山区), по сути самых главных, но и наиболее тесных по площади; при этом в БД 116 синтоистских храмов и 260 буддийских (соответственно, 15% и 33,8% от общего количества в БД), что свидетельствует о большей популярности буддизма и подтверждает тот факт, что Киото – столица буддизма.

Упоминаются 9 дорог, 1 «въезд» в Киото – «гути» (Авата-гути – въезд в Киото по тракту Токайдо) и 1 застава. 2 из этих дорог – небольшие, остальные 7 (с учетом Токайдо) расходятся от Киото в разных направлениях. При этом не упоминаются дороги в северо-восточном направлении.

Анализ демонстрирует развитую традицию историко-культурной памяти. Об этом свидетельствует:

- упоминание различных захоронений. Всего указано 34 захоронения, в т.ч. 5 «мисасаги». Этим термином обозначают могилы членов императорского рода. Среди «мисасаги» указаны захоронения 4-х императоров периода Хэйан :

1. Тоба (в «Мияко Мэйсе дзуэ» - Бифукумонъин) (правил 1107-1123);

2. Монтоку (850-858);

3. Дайго (897-930);

4. Судзаку (930-946);

- упоминание надгробного памятника (Идзуми-сикибу-но то) и могилы Идзуми-сикибу – известной поэтессы середины периода Хэйан, что подчеркивает роль литературного наследия в целом и поэзии в частности;

- указание на место рождения Минамото Ёсицунэ (1159-1189) – полководца, героя народных легенд.

Наличие в «Мияко Мэйсе дзуэ» не только рукотворных, но и природных объектов указывает на значимость последних для того перио-

да, свидетельствует об особом отношении к природе. Это подтверждает и упоминание 2-х «ханамии» - ритуала любования цветами. Не случайно 74 пункта (9.6% от общего количества) в БД связаны с «водными» объектами: реки, пруды, колодцы, мосты, водопады. Функционально среди «водных» выделяются объекты, важные с религиозно-художественной точки зрения (водопады); с хозяйственной (колодцы, реки); как объекты, связывающие с внешним миром (реки).

5. Таким образом, изучение «Мияко мэйсё дзуэ» может дать информацию по различным аспектам истории периода Эдо и, в частности, по исторической географии, которая является предметом данного исследования.

Литература

1. The Cambridge History of Japan. Vol. 4 Early Modern Japan. Cambridge, 1991. pp.725-742.
2. *Marius B. Jansen*. The Making of Modern Japan. Harvard, 2002, pp.166-175.
3. Кокуси дайджитэн (Энциклопедия по истории Японии). Токио, 1997. Т.13.
4. <http://www.nichibun.ac.jp> (International Research Centre for Japanese Studies).

Причины и последствия «возродительного процесса» в Болгарии

Шестаков Николай Робертович

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

«Возродительный процесс», означал, по сути, попытку болгарских властей в период с 1984 по 1989 гг. осуществить полное приобщение турецкого населения, проживающего в стране, к составляющим основную массу населения этническим болгарам.

Подготовка данной кампании планировалась еще в конце 60-х, когда руководство Коммунистической партии Болгарии (БКП) во главе с Тодор Живковым подвергло переоценке политику в отношении турецкого населения Болгарии. В отставку были отправлены более «толерантные» к туркам руководители соответствующих подразделений в правительстве, на их место пришли ярые националисты, которые разработали «объединительную концепцию», сочетающую в себе коммунистические идеалы и теорию возвращения к корням болгарской нации.

Причины, которые привели к принятию мер по консолидации разных групп населения вокруг партии, следует искать в событиях, произошедших в государствах Варшавского договора. В этом контексте особенно важно упомянуть «Пражскую весну» (1968 г.) и последующую оккупацию Чехословакии 21 августа 1968 г. войсками стран Варшавского договора, положившую конец эксперименту по строительству социализма с «человеческим лицом». В этих условиях руководство СССР и некоторых стран Восточного блока, в том числе и Болгарии, поставили перед собой стратегическую цель – «строительство развитого социалистического общества». В процессе формирования такого общества ожидалось, что исчезнут классы, а также начнется создание социальной однородности, что ускорит процесс единения всего населения. Воплощение этой идеи становится непосредственной практической задачей для болгарского руководства, вместе с тем полная ассимиляция этнических меньшинств становится основной национальной целью Болгарии в этот период.

Главные направления новой национальной политики БКП были сформулированы в решении № 84 Политбюро ЦК БКП «О дальнейшем улучшении работы среди турецкого населения и его полного приобщения к болгарскому народу в борьбе за коммунизм и социализм» от 25 февраля 1969 г.

Сигналом к окончательному повороту в политике БКП в отношении турецкого населения стали выступления Тодор Живкова. В своих речах и выступлениях касаясь вопросов приобщения турецкого населения, он отмечал, что принятое решение приведет к сплочению турецких элементов населения страны вокруг политики БКП, что в будущем приведет к их интеграции с болгарским народом. В интервью газете «Yeni Işık» («Новый свет»), издающейся для турецкого населения Болгарии, Тодор Живков доказывал прогрессивность и закономерность ассимиляции, которая должна изменить качество этнических общностей и превратить их в единую коммунистическую нацию [2; Т. 18, с. 105]. Дополнительно к этому идеологическим отделом ЦК БКП создается гипотеза «нетурецкого происхождения болгарских турок».

Таким образом, к началу 70-х гг. происходит смена курса БКП в отношении турецкого меньшинства, а также идеологическое оформление данной политики. В партийных документах национальное и религиозное сознание турецкого населения определялось как основной фактор, мешающий процессу приобщения.

Начиная с этого периода, прослеживается усиление идеологического и административного давления на турецкое меньшинство. Делались попытки привлечения служителей ислама к работе со спецслужбами Болгарии для идеологической обработки верующих согласно политике

партии. Все муфтии и имамы, которые не соглашались сотрудничать с партией, были заменены более лояльными, проявившими склонность к сотрудничеству. Также повсеместно началось судебное преследование людей, отправлявших религиозные ритуалы, такие, как обрезание. Еще более строго преследовалось ношение чалмы, а также использование других атрибутов исламской религии.

Болгарские власти активно поощряли смешанные семьи и смешанные браки, причем акцент делался на браках между турчанками и мужчинами-болгарами, так как при обратном варианте женщине приходилось принимать ислам.

Ассимиляции турецкого населения мешала этническая культура турецкого меньшинства. Поэтому с начала 70-х гг. велась интенсивная работа по уменьшению ее влияния. Был закрыт турецкий отдел издательства «Народное просвещение». Уменьшилась роль периодической печати на турецком языке, однако не столь радикально, поскольку большинство турецкого населения Болгарии в тот период не знало болгарского языка. Прекращалось издание газет на турецком языке – «Halk Gençliği» («Народная молодежь») – и турецких приложений – «Çağdaş» («Современник»), «Şafak» («Заря»), «Emek davası» («Трудовой процесс»), а также всех «турецких страниц» областных газет. В результате этой кампании лишь два периодических издания – «Yeni Işık» («Новый Свет») и журнал «Yeni Hayat» («Новая Жизнь») – все еще продолжали печататься. Параллельно с этим происходит сокращение эфирного времени радиопрограмм на турецком языке с 5 до 3 часов ежедневно. В СМИ проводится специфическая кадровая политика: соотношение болгарского персонала по отношению к турецкому изменяется не в пользу последнего. Таким образом, постепенно происходит подчинение турецко-язычных СМИ целям «политики приобщения».

Сходными методами происходит постепенное переустройство образовательной системы Болгарии, в части, касающейся турецкого населения и языка. По указанию Тодора Живкова обучение турецкой молодежи целиком подчиняется целям политики «приобщения». При организации единого политехнического обучения вводится унификация образовательной системы, главной особенностью которой становится обязательное обучение на болгарском языке.

Политбюро ЦК БКП не только отклонило идею о том, что некоторые дисциплины должны преподаваться на турецком языке, но и, согласно решению от 25 февраля 1969 г., наметило курс на приостановку изучения родного турецкого языка.

Одновременно с этим совершен ряд перемен в нормативных актах страны. Прежде всего, из Конституции НРБ исчез термин «национальное меньшинство» (новая Конституция была принята в 1971 г.). В 1978

г. обнаружен документ «Основные пути развития и усовершенствования празднично-обрядной системы в НРБ». Усилилась борьба с мусульманскими обычаями и традициями. Новые ритуалы начинают приниматься повсеместно.

В период с 1970 по 1972 гг. проводилась кампания по смене имен болгар-помаков. Данная кампания рассматривалась руководством НРБ, как неотъемлемая часть курса на ускоренное изменение национального самосознания этой категории населения. За указанный период в районах, где проживают «обращенные в ислам болгары», согласно официальной информации ЦК БКП, были сменены турецко-арабские имена у более 200 тыс. человек.

По поручению Тодора Живкова специально созданная комиссия подготовила ряд соответствующих проектов, положивших начало «возродительному процессу». Финальной точкой в обсуждении турецкого вопроса стало заседание Политбюро в мае 1984 г. – на рассмотрение были внесены два проекта по турецкому меньшинству – секретный и строго секретный. На этом заседании был принят курс на полное приобщение турецкого меньшинства к болгарской национальности. В строго секретном варианте эта задача ставится перед ЦК БКП как стратегическая. Предусматривались радикальные меры решения турецкого вопроса: ликвидация этнической культуры турецкого меньшинства и замена ее на болгарскую.

Решения 1984 года официально сформировали идейные и политические предпосылки для официального оформления т. н. «возродительного процесса», о котором впервые будет официально заявлено 18 января 1985 года на встрече высших представителей БКП с первыми секретарями окружных партийных организаций [5, с. 394].

Несколько месяцев спустя, была объявлена кампания по смене имен у турецкого населения. Она представляла собой не отклонение от майских решений, а логическое продолжение «возродительного процесса», начатого, по сути, еще в 70-х гг.

В качестве повода к осуществлению «возродительного процесса» была использована кризисная ситуация на Кипре. Некоторые партийные идеологи представляют данный кризис как «предзнаменование очередной исламской агрессии на Балканах...». С другой стороны, власти не могли не видеть тенденцию к увеличению мусульманского, прежде всего, турецкого населения. Хотя, естественный прирост турецкого населения несколько уменьшился, тем не менее, он оставался довольно высоким по сравнению с соответствующими показателями у болгар. Вследствие активизации процессов урбанизации после окончания Второй мировой войны, сопровождавшихся переселением болгар в промышленные центры страны турецкое население в сельских районах

становится более компактным. Рождаемость среди них осталась на высоком уровне, в то время как тот же показатель среди этнических болгар падал вследствие естественных демографических процессов.

Подобные процессы, развивающиеся в стране, оценивались руководящими кругами Болгарии как опасные и усиливали их желание кардинально решить так называемый турецкий вопрос.

По мнению ряда болгарских исследователей, кампания по насильственной смене имен проводилась руководством страны для того, чтобы отвлечь общественное мнение от насущных проблем в обществе – социально-экономического стагнации в Болгарии в тот период, спада экономического роста, уменьшения национального дохода государства, сокращения доходов населения.

Принятый руководством Болгарии курс на ассимиляцию турецкого населения, проживающего в стране, усиливается под влиянием военного переворота в Турции 1980 г. В Болгарии данное событие оценивали, как усиление антиболгарских настроений и возможность повторения «кипрского сценария» и на болгарской территории. Заявления Кенана Эврена в 1981 г. на встрече с руководством Болгарии о том, что Турция не потерпит насилия над своими соотечественниками, проживающим на болгарской территории [3, с. 447], воспринимаются руководством БКП как прямое руководство к решительным действиям, направленным на скорейшую ассимиляцию турецкого меньшинства.

Процесс начался с решения о замене документов, удостоверяющих личность, примерно у 850 000 тыс. человек. В качестве повода к началу активных действий были использованы террористические акты в конце августа 1984 г., исполнителями которых были объявлены турки болгарского происхождения, а также манифестации турецкого населения 9 сентября 1984 г. против проводившейся руководством страны дискриминационной политики.

При подведении итогов в конце января 1985 г. было отмечено, что более 850 тыс. человек за период с начала декабря 1985 по конец января было зарегистрировано в паспортных службах с новыми болгарскими именами. В докладе Политбюро об итогах кампании по смене имен зафиксировано, что сменены имена всех болгарских турок, и это оценивалось, как переломный этап в утверждении этнической однородности болгарской нации.

Началась кампания по всей Болгарии по запрещению турецкого языка. Общение на турецком языке преследовалось не только в общественных местах, но и в быту, в семейной среде. За нарушение запретов налагались большие штрафы.

В этот же период с новой силой началось давление на исламскую религию. Под маской борьбы с исламским фанатизмом и фундамента-

лизмом в Болгарии предпринимались попытки ликвидации влияния ислама. Согласно утвержденному в конце марта 1986 г. «Уставу мусульманского исповедания в НРБ» были введены новые правила управления религиозного культа. Отныне все проповеди должны были осуществляться на болгарском, религиозная документация мечетей должна была вестись только на официальном языке.

Объявлялась борьба не только с религиозными обычаями, но со всем, что связано с традиционным бытом. Исключительное внимание обращалось на одежду. Женщинам запрещалось носить шаровары в общественных местах. На формирование нового единого гражданского облика выделялись громадные денежные средства, строились т. н. обрядные дома в селах с компактным проживанием турецкого населения.

Эта кампания вызвала массовое переселение в Турцию порядка 370 тыс. болгарских турок после открытия границы в июне 1989 г. Часть из них (около 155 тыс. человек) позднее возвращаются обратно в Болгарию.

После кампании по смене имен были уничтожены все документы, связанные с предыдущим именем – паспорт, свидетельство о рождении, трудовые книжки, дипломы и т. д.

В этих условиях создавались и начали свою деятельность десятки нелегальных ячеек, групп и целых организаций болгарских турок. В середине 1985 года создано нелегальное Турецкое национально-освободительное движение в Болгарии, программа которого была разработана научным сотрудником Института философии при БАН Ахмедом Доганом.

«Возродительный процесс» вызывает широкую международную реакцию, что потребовало его обоснования перед мировым сообществом. Предвидя это, Политбюро активизировало разъяснительную деятельность по линии Министерства иностранных дел. Прежде всего, было решено, что наиболее верными странами-союзницами, которые могли бы поддержать взятый курс в национальной политике, станут страны, которые исторически имели серьезные противоречия с Турцией – Греция, Сирия и Кипр. В совместных встречах с представителями этих стран болгарская сторона активно искала поддержку.

С другой стороны, в печати некоторых исламских и западных стран появлялись отдельные статьи и репортажи, поддерживающие политику Болгарии. Представители власти этих стран обычно придерживались нейтральной позиции, но в некоторых случаях открыто заявляли неодобрение политики Болгарии. Исключение здесь составили представители официальной власти и главные муфтии таких стран, как Сирия, Народная Демократическая Республика Йемен, Гана и др. После посещения Болгарии в 1986-1987 гг. представители этих стран сде-

тали заявления по болгарскому радио, телевидению и в печати в поддержку «возродительного процесса». В ходе своего визита в Турцию премьер-министр Сирии Эль-Касем в интервью турецкой газете «Hürriyet» заявил о том, что мусульмане в Болгарии являются болгарскими, как и мусульмане в Алжире являются алжирцами, а мусульмане во Франции – французами [1].

Раньше Турции на события в Болгарии отреагировали западные СМИ, особенно радиостанции «Би Би Си», «Свободная Европа», «Голос Америки». Вместе с всемирными новостными агентствами «Reuters», «Associated Press» события в Болгарии стали освещаться в ведущих изданиях Великобритании, Франции, Италии и Испании. Среди СМИ балканских стран, наиболее серьезная критика «возродительного процесса» исходила со стороны Югославии.

После появления информации о дискриминации прав турецкого населения в Болгарии, данная проблема выдвигается на обсуждение на различных международных форумах. В период 1985-1987 гг. вопрос прав турецкого меньшинства в Болгарии рассматривался на более чем 30 различных форумах. Еще до 1985 г. в Комиссию по правам человека при ООН был внесен доклад, осуждающий этническую политику Болгарии. По предложению Турции в октябре 1985 г. НАТО приняло резолюцию, призывающую Болгарию к переговорам по разрешению вопроса с правами национальных меньшинств и обязывающую членов НАТО поддержать санкции в отношении Болгарии. Вопрос о санкциях против Болгарии был поставлен на рассмотрение на Общевропейском Совещании в Вене в ноябре 1986 г., но главным образом, благодаря поддержке со стороны СССР, против Болгарии санкции не были введены. В конце 1988 г. Комиссия ПАСЕ подготовила доклад «О положении этнических мусульманских меньшинств в Болгарии», в котором анализировались действия властей НРБ, приводились свидетельства несоблюдения прав национальных меньшинств.

Политика руководства Болгарии не нашла поддержки и среди мусульманских стран. В первый раз данный вопрос был поставлен на рассмотрение на заседании ОИК в 1986 г. в Марокко. Было принято решение о создании контактной группы для мониторинга событий, которая посетила Болгарию в 1987 г. И уже на очередном заседании ОИК в Омане в 1988 г. комиссия представила доклад об ограничении религиозных прав мусульманского населения [5, с. 432].

Несмотря на солидарность, «возродительный процесс» не получает поддержки в странах Восточного блока. Румыния, Польша, ГДР, Монголия заняли нейтральную позицию по вопросу. Венгрия открыто защищала права национальных меньшинств Болгарии на международных форумах.

Исторически Болгария всегда играла роль одного из надежнейших союзников СССР по ОВД. Но с нарастающим внутри и вне страны недовольством этнической политикой Болгарии в Москве появились колебания относительно поддержки Болгарии по «возродительному процессу». В конечном счете, по указанию М.С. Горбачева болгарское руководство и лично Тодор Живков были уведомлены о том, что Москва считает позицию Болгарии по отношению к тюркоязычному меньшинству «крайне несправедливой» [4].

Таким образом, к концу 1989 г. Болгария не получила открытой поддержки ни от своих союзников по Восточному блоку, ни от одной из европейских стран. Болгария оказывается в международной изоляции.

«Возродительный процесс» не дал результатов, к которым стремились руководство Болгарии в то время – турецкое меньшинство в своей массе не приобщилось к болгарскому населению. Кампания вызвала резкий отток турецкого населения из страны, что усугубило социально-экономическое положение Болгарии. Политические последствия данной кампании стали неутешительными – международная изоляция болгарской республики. Для Турции итоги такой большой переселенческой волны создают определенные трудности в связи с благоустройством и социальным обеспечением переселенцев. «Возродительный процесс» явился одним из решающих факторов, который, в конечном счете, привел к падению режима Тодора Живкова, открыв новую страницу в истории турецко-болгарских отношениях.

Литература

1. Hurriyet от 03.03.1986
2. Живков Т. Избранные сочинения. (на болгарском языке).
3. Живков Т. Мемуары. София, 1997.
4. Интервью М. Горбачева болгарскому периодическому изданию «Дума» от 12.10.1995 №240
5. Яльмов И. История на турската общност в България. София, 2002.

Социально-политическое измерение системы исламской благотворительности (вакфов) в современной Турции

Шлыков Павел Вячеславович

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Предлагаемая работа ставит целью комплексно оценить развитие благотворительной системы (вакфов) в Турции, ее явных и скрытых потенциалов, ее исторического и социально-политического измерения.

Основываясь на широком круге источников – от архивных материалов, официальных докладов правительства и внутриминистерских отчетов до частных бесед с основателями вакфов, – я прослеживаю упразднение-возрождение-усиление системы благотворительных фондов – вакфов – в республиканской Турции (1923-1967-2006), раскрывая исторический смысл этого процесса.

В фокусе исследования – традиционная оппозиция вакф-государство, оценка социально-политической роли вакфов в контексте политизации ислама и их места в процессе реисламизации турецкого общества, связи вакфов с ведущими политическими партиями, формирование международной сети вакфов в рамках «исламского мира» и за его пределами.

Историческое значение взаимоотношений между вакфом и государством рассматривается с первых веков возникновения этого института вплоть до наших дней. В поле зрения – переломные моменты истории института вакфа: от декретов фатимидского халифа ал-Му'изза (Al-Mu'izz) (953-975) и реформ Салахаддина (1138-1193) до учреждения Махмудом II (1808-1839) Министерства вакфов (1826) и его трансформации в Главное управление вакфов (1924). Основная задача здесь сводится к выявлению очевидных и скрытых причин и последствий процесса централизации – огосударствления – вакфов, в разных формах прослеживаемого уже с X века. Почему государство всегда стремилось централизовать систему вакфов и даже разрушить ее? Какова была правовая основа государственного вмешательства в дела вакфов? Был ли процесс централизации системы вакфов линейным или циклическим? Вот спектр вопросов, на которые мы ищем ответ на примере функционирования системы вакфов в арабских халифатах, Османской империи и Турецкой Республике. Сквозь призму политики централизации вакфов рассматривается и оппозиция вакф-государство в первые десятилетия республиканской истории (частичная национализация вакфов, стремление приспособить этот институт к новым политическим условиям), изменения в законодательстве о вакфах и предпосылки к возникновению «новых вакфов». Еще одна проблема, тесно связанная с результатами и реакцией на централизацию института благотворительной собственности, – реставрация вакфов в Турецкой Республике, становление «новых вакфов» после принятия закона 1967 года, социально-экономические и политические причины бурного развития этого института в Турции 70-90-х годов. Новые роли, которые принял на себя институт вакфа, очевидный прогресс благотворительного сектора, возникновение федерации «Вакф – третий сектор Турции» (ТЮСЕВ) и деятельность Главного управления вакфов позволяют говорить о формировании новой конфигурации системы вакфов: «тре-

угольника сил» в лице влиятельнейшей ТЮСЕВ, государства и исламистских вакфов. Наконец, социально-политическое измерение вакфов и, в первую очередь, их насущно политическая роль прослеживается на примере деятельности исламистских вакфов и их тесной связи с политическими переменами, переживаемыми Турцией, начиная с 70-х годов XX века.

Основными источниками для исследования послужили законодательные акты, касающиеся вакфов и ассоциаций⁵; вакуфные грамоты (*вакфие*) и уставы вакфов; доклады администрации о деятельности вакфов и их финансовые отчеты; статистические данные Главного управления вакфов (*Vakıflar Genel Müdürlüğü*), управления по доходам министерства финансов (*Gelir İdaresi Başkanlığı*). Объектом исследования выступили: федерация «Вакф – третий сектор Турции» (ТЮСЕВ) (*TÜSEV – Türkiye Üçüncü Sektör Vakfı*), фонд Вехби Коча (*Vahbi Koç Vakfı*), вакф поддержки турецких вооруженных сил (*Türk Silahlı Kuvvetlerini Güçlendirme Vakfı*), вакф Энсар (*Ensar Vakfı*), вакф исламских исследований (*İslam Araştırmaları Vakfı*), Турецкий религиозный вакф (*Türkiye Diyanet Vakfı*), Хакйол вакф (*Hakyol Vakfı*), вакф Азиза Махмуда Хюдаи (*Aziz Mahmut Hüdai Vakfı*), вакф поддержки турецких женщин (*Türk Kadını Güçlendirme Vakfı*), культурно-образовательный вакф турецких оджаков (*Türk Ocakları Eğitim ve Kültür Vakfı*), вакф турецких социально-экономических и политических исследований (*Türkiye Sosyal Ekonomik ve Siyasal Araştırmaları Vakfı – TÜSES*), вакф национальной молодежи (МГВ) (*Milli Gençlik Vakfı – MGV*).

Внимание, которое всегда привлекал к себе институт благотворительной собственности, исторически обусловлено. Достаточно вспомнить, что вакфы, со времени своего возникновения (VII в.), играли ключевую роль в формировании и функционировании мусульманского общества, на протяжении столетий доминировали в социально-экономической и религиозной сферах общественной жизни. Их влияние заключалось в том, что они принимали на себя часть функций государства в социальной сфере, а, получив широкое распространение во всех социальных стратах арабо-османского общества, оказались способны удовлетворять индивидуальные, групповые и государственные нужды. В этом и кроется удивительная жизнеспособность вакфа, позволившая ему оказаться одним из редких османских социально-

⁵ В первую очередь, это закон о вакфах (*Vakıflar Kanunu*) № 429 от 3 марта 1924 г.; закон о вакфах №2762 от 5 июня 1935 г.; изменения к закону о вакфах от 31 мая 1949 №5404/1; поправка к закону от 24 марта 1981 №2437/1; закон о вакфах № 903 от 13 июля 1967 г.; закон о вакфах №4721 от 22 ноября 2001 г.; закон об ассоциациях (*Dernekler Kanunu*) №2908 от 6 октября 1983 г.; закон об ассоциациях №5253 от 4 ноября 2004 г.

экономических институтов, который сопротивлялся потрясениям кемалистской революции и смог не только выжить, но и сохранить свои потенциально сильные позиции в ключевых сферах общественной жизни.

Последние полтора столетия истории вакфов исполнены драматизма. Это время стало для них не просто вехой тысячелетнего развития и тяжелых взаимоотношений с властью, но и в прямом смысле слова «периодом бифуркации». Система вакфов оказалась перед альтернативой: либо окончательно исчезнуть как устаревший «средневековый» институт, не способный приспособиться к новым социально-экономическим условиям; либо пережить коренную ломку основных характеристик и переход из одного качества в другое. Никогда за всю историю своего существования вакфы не подвергались столь тотальному и методичному упразднению как в XIX и XX веках⁶. В это время процесс «централизации» – огосударствления – системы вакфов, элиминирования субстанциональной сущности этого института в Турции (конкретное воплощение оппозиции вакф-государство) достигает своего апогея. Сначала законодательно отменена финансовая автономия вакфов (1845-47) (сбор доходов с вакуфной собственности передан Министерству финансов, тем самым вакфы поставлены в полную зависимость от этого ведомства). В результате, все большая часть доходов вакфов уходит в государственную казну, а доля отчислений в сами вакфы стремительно сокращается. Сумма непогашенного долга правительства администрации вакфов неуклонно растет, а все жалобы и претензии вакуфного ведомства к Минфину остаются без ответа. С одной стороны, доходы вакфов Порты успешно прибирает к своим рукам, с другой, – на Центральное управления вакфами возлагается обязанность участвовать в неприбыльных госпроектах. Вакфы заставляют инвестировать свои капиталы в предприятия, не имеющие никакого отношения к системе благотворительных организаций, и управлять ими. Но и это показалось недостаточным. Центральное управление вакфов под давлением правительства вынуждено покупать акции этих предприятий, а затем перепродавать их муниципалитетам по «остаточной стоимости». С крушением Османской империи ситуация несколько не меняется, вектор развития вакфов остается прежним. Новая власть, строившая республиканскую Турцию, успешно принимает эстафету по «национа-

⁶ Это, конечно же, говорит о виновности западного империализма, ставшего тогда определяющим фактором развития на Востоке. Однако удивительно, что разорение и исчезновение вакфов нигде не протекало так стремительно и не приняло таких масштабов, как в Турции (сначала в Османской империи, а затем – Турецкой Республике), одной из немногих стран исламского мира, которых минула чаша колонизации Великими державами.

лизации» вакфов. В 1924 году вся недвижимость и доходы вакфов, связанных с образованием, переданы в ведение Министерства образования (Закон об унификации образования – *Tevhid-i Tedrisat Kanunu*). При этом разрушение системы вакфов узаконивается в рамках элитарной и популистской идеологии республиканских элит. Власть пытается отделить вакф, вызывающий еще большую неприязнь из-за своих тесных связей с суфийскими тарикатами, от религии, вводится понятие «светских вакфов», а само слово «вакф» во всех официальных документах заменяется нейтральным “*tesis*” – «учреждение». В 1920-30 годы устраиваются специальные аукционы по продаже конфискованной вакуфной собственности. В 1937 создается Комитет по упразднению вакфов и на Центральное управление вакфов возложена ответственность за фактический самороспуск (*sic!*). Наконец, в 1954 году нанесен последний удар по автономии вакфов – упразднены денежные вакфы, а на базе конфискованного у них капитала создан Вакуфный банк (*Vakıflar Bankası*). Таков был калейдоскоп событий, итогом которых стало разорение и исчезновение тысяч благотворительных фондов и институтов.

Казалось бы, институт вакфа в Турции ждет участь «права мертвой руки», упраздненного Реформацией и Великой французской революцией. Однако спустя тринадцать лет – 13 июля 1967 года – появляется закон № 903 о новых вакфах, ставший основой возрождения благотворительной собственности в Турции. Благодаря этому закону модернистский взгляд на вакфы как чисто религиозный институт, не отвечающий запросам современной жизни и поэтому обреченный на уничтожение или полную секуляризацию, «очищение» от религиозной составляющей, доказал свою несостоятельность. Главным следствием этого закона (виртуозного инкорпорирования правовых норм ислама в светский турецкий Гражданский кодекс) стало то, что вакф, являющийся неперменной структурной составляющей мусульманских обществ, нашёл своё особое место в системе распределения и организационных форм турецкого социума. При этом, как показала история новых вакфов, уходящий своими корнями в XVI век конфликт государства и институтов исламской благотворительности по своей сути остался на повестке дня, лишь приняв несколько иную форму, однако расстановка сил категорически изменилась.

Новая конфигурация системы вакфов – это сосуществование секуляризованной федерации вакфов (ТЮСЕВ), нацеленной на формирование гражданского общества, группы государственных благотворительных фондов, возникающих «по необходимости» и реализующих принцип «мобилизации нации», и сети исламистских вакфов, выступающих со «своим» проектом исламского гражданского общества и

непосредственно участвующих в политической жизни страны. И секулярный ТЮСЕВ и, в особенности, исламистские вакфы сумели создать влиятельные группы давления, успешно функционирующие в условиях отсутствия политических партий, обладающих глубокими корнями и социальной ориентированностью, а также обществ, профсоюзов, клубов.

Турецкий опыт очень интересен с точки зрения адаптации вакфа к насущным проблемам общества, его институтам, использования вакфов как инструмента социальной мобилизации, основы для реализации программ общественного единения. Экономические отчеты и планы, разнообразные статистические материалы, содержащие сведения о социально-экономическом развитии Турецкой Республики, приводят красноречивые данные, свидетельствуют о значительном вкладе вакфов в формирование гражданского общества в Турции. Необходимость развития сектора организаций гражданского общества (*Sivil Toplum Kuruluşu – STK*) и значительного увеличения числа вакфов, ассоциаций и других СТК встречает активную поддержку общества и нередко становится темой номер один на страницах турецких изданий⁷.

Закон 1967 года, стремление использовать международный опыт благотворительных фондов, сыграл решающую роль в преобразовании системы вакфов, возвращении им части прежних позиций в обществе. В американских филантропических фондах (а американский опыт учитывался прежде всего при создании «новых вакфов») заложена идея добровольной деятельности на общее благо и плюрализма, который состоит в том, что частные и правительственные организации параллельно занимаются и несут ответственность за общественные дела. В итоге получается сохранение определенной неортодоксальности в образе жизни, позволяющее иметь большие возможности в подходах, концепциях и оценках. Однако как это было реализовано в Турции?

Используемый исламистами в качестве инструмента легитимации и социального действия, институт вакфа играет роль носителя социализации и общественного единения, которую не выполняют больше ни мечеть, ни религиозные общества (джемааты). Посредством своей многосторонней деятельности (публикации, собрания, конференции), вак-

⁷ По данным Торговой палаты Турции в стране насчитывается порядка 82 тыс. организаций гражданского общества (*Sivil Toplum Kuruluşu – STK*). Таким образом, на каждых 866 человек приходится по одной СТК, в то время, как во Франции и Германии этот показатель составляет 40 к одному, при общей численности подобных организации во Франции и Германии 1 млн. 470 тыс. и 2 млн. 100 тыс. соответственно. Турции, по мнению экспертов палаты, необходимо довести численность СТК до, по крайней мере, 300 тыс. [Sabah, 05.11.2004].

фы распространяют социальный ислам, который, в конечном счёте, вторгается в сферу функций государства.

Религиозный клиентелизм стал фундаментальной характеристикой турецкой политики и, в частности, консервативных партий. Мы видим, каким образом этот клиентелизм поддерживается и даже развивается через посредство вакфов: это и ситуация с дипломированными выпускниками школ имамов-хатибов; и активность братств и других религиозных течений, выделяющих стипендии и способствующих профессиональной карьере получателей их пособий. 1970-1980-е годы стали периодом возрождения вакфов в Турции, и исламистские вакфы впервые могли использовать широчайшие возможности, которые давал доступ ко всей совокупности национального капитала, а с появлением в 1983 году арабских финансовых организаций, и к международному капиталу.

На протяжении последних двадцати лет в условиях живой исламской традиции исламистские вакфы, опираясь на свои группы давления, создали сферу, где встретились и соединились исламистский интеллектуальный потенциал, социальное действие и политическое выражение.

Демократический процесс, начатый после досрочных выборов в меджлис 20 октября 1991 года не смог коренным образом повлиять на функционирование исламистских вакфов и изменить их суть. Их деятельность была поставлена лишь под более жесткий юридический и административный контроль, поскольку в правительственной коалиции была социал-демократическая партия, страж кемалистского лаицизма. В 1997 году на заседании Совета национальной безопасности (СНБ) турецкий генералитет, вынудивший уйти в отставку Неджметина Эрбакана, поставил вопрос о деятельности исламистов, подконтрольных им школ, курсов чтения Корана, экспансии представителей исламистских кругов в органы власти. По мнению многих членов СНБ, вместо обеспечения единения общества эти организации способствовали его поляризации [Milliyet, 25.09.1999; Radikal, 12.05.1998; Cumhuriyet, 12.05.1997; Radikal, 12.05.1997; Cumhuriyet, 19.04.1997]. Вновь зазвучали призывы разобраться с исламистами и их фондами. Однако эффект от этих инициатив был незначительным: запрет Партии благоденствия практически никак не отразился на благотворительных фондах, деятельность которых носит исламистский характер. С приходом к власти в 2002 году умеренных исламистов отношение к вакфам стало еще более благоприятным.

На фоне очевидного процесса расширения роли общественных негосударственных организаций, все большего разнообразия их деятельности, происходит постепенный уход государства из сферы промыш-

ленности, среднего и высшего образования, научных исследований. Институт вакфа – сущностное воплощение исламского представления о благотворительности – вновь становится, вернее уже стал, как и в османскую эпоху, одной из организующих форм турецкого социума.

Литература

1. Les fondations pieuses (waqf) en Méditerranée: enjeux de société, enjeux de pouvoir. Randi Deguilhem and Abdelhamid Hénia, ed. Koweït, Fondation Publique des Awqaf du Koweït, 2004.
2. Bilici F. Sociabilité et expression politique islamistes en Turquie: les nouveaux waqfs. // Revue française de science politique., 3/1993, pp. 412-434.
4. Roy O. Les nouveaux intellectuels islamiques: essai d'approche philosophique. // Kepel G., Richard Y. (dir.). Intellectuels et militants de l'Islam contemporain. Paris, Le Seuil, 1990.
5. Balci B. Orta Asya'da İslam Misyonerleri. Fethullah Gülen Okulları. İstanbul, 2005.

Основные тенденции восприятия КНР жителями Японии в середине 80-х гг. XX в. – начале XXI в.

Щелконогова Елена Александровна⁸

Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,

Сфера межгосударственных отношений традиционно относится аналитиками к наиболее сложным для изучения разделам исторической науки, что в первую очередь объясняется наличием множества объективных и субъективных факторов как внешнего, так и внутреннего порядка, которые оказывают влияние на их характер и динамику. Порой общественное мнение или личные убеждения отдельных политических деятелей оказывают большее влияние на внешнеполитический курс государства, нежели трезвый экономический расчет или логика развития ситуации. Ярким доказательством тому служат японо-китайские отношения со времени их нормализации в 70-х гг. XX века.

Китаю в истории Японии принадлежит особое место. Это государство является ее ближайшим территориальным соседом, источником многих культурных традиций, а в последние десятилетия XX века Китай стал одним из наиболее важных региональных партнеров Страны Восходящего Солнца. Настолько тесные связи обуславливают особые

⁸ Автор выражает признательность доценту к.и.н. Струковой М.И. за помощь в подготовке тезисов

взаимоотношения между двумя странами и, в частности, – значительное, а иногда и решающее влияние общественного мнения на формирование политического курса Японии в отношении КНР.

Жители Японии в своих оценках Китайской Народной республики в основном исходили из следующих стереотипов: представления о расово-культурной общности народов двух государств, своеобразное чувство ответственности за действия японских войск в Китае во время войны 1937-45 гг., наконец, реакция на текущее состояние отношений между двумя странами и обстановку в мире и регионе. Последний фактор, как представляется, являлся определяющим в формировании образа КНР у японской общественности в рассматриваемый период. Так, если обратиться к результатам опросов, ежегодно проводимых секретариатом кабинета министров Японии, становится очевидной корреляция представлений японцев о государстве-соседе с состоянием отношений между двумя странами. Можно условно выделить четыре этапа в изменении оценок японскими респондентами их чувства родственной близости с Китаем: 1) до 1989 г. превалировало (около 80%) доброжелательное отношение к КНР, 2) после событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. резко сократилось число жителей Японии, симпатизировавших Китаю, и в первой половине 90-х гг. число опрошенных, испытывавших симпатии к этой стране колебалось в пределах 50-55%, причем наивысший показатель был достигнут в 1992 г., после визита японского императора в КНР, 3) в 1995-2003 гг. после нескольких региональных конфликтов из-за территориальных разногласий и по тайваньскому вопросу, разница между респондентами, питавшими добрые чувства к КНР и относившимися к ней негативно, не превышала 5% (т.е. их количество составляло около 45%), 4) с 2004 г. под влиянием бурных двусторонних обсуждений вопроса вины Японии за действия ее войск в Китае в период Второй Мировой войны лишь 30-40% опрошенных высказывали позитивное отношение к соседнему государству [7]. Подобная динамика прослеживается и в оценках японской общественностью состояния японо-китайских отношений [6]. Однако, как представляется, эти оценки довольно субъективны и отражают скорее степень одобрения жителями Японии результатов политики в отношении КНР, нежели реальное состояние взаимоотношений между двумя странами.

Итак, в целом уровень позитивного восприятия жителями Японии Китая не очень высок (значительно выше, чем по всей Юго-Восточной Азии или России, но намного ниже, чем по прочим важным партнерам - США или Южной Корее). Также КНР не вошла в десятку государств, которые японские респонденты сочли наиболее дружественными Стране Восходящего Солнца [3]. Нет Китая и в десятке стран, в кото-

рых, по представлениям жителей Японии, теплый прием ждет туристов [3], хотя это государство было указано ими среди наиболее приоритетных туристических направлений [4]. В то же время японская общественность воспринимала Китай как страну с величайшим культурным и историческим наследием [3].

Причиной настороженного отношения японцев к КНР являлись как исторические разногласия между двумя государствами, так и проблемные моменты их взаимоотношений в рассматриваемый период. Японская общественность, обеспокоенная падением авторитета Японии в АТР, высказывала опасения, что Китай, превратившись в опасного экономического соперника Японии, может представлять угрозу ее экономическому лидерству в регионе. Помимо экономической, КНР, с точки зрения японцев, представлял и военную угрозу Стране Восходящего Солнца [1]. Подобное недоверие к растущему экономическому и военному потенциалу Китая во многом было обусловлено неоднократно высказываемыми китайской стороной претензиями на лидерство в регионе и отчасти – агрессивной политикой КНР по отношению к соседям, а также его политическим строем.

Взгляды японцев на политическую систему КНР были вполне очевидны и в целом отражены в общей концепции японо-китайских отношений, утверждавшей, что для полноценного диалога с прочими государствами Китай должен провести либерализацию и демократизацию своей политической системы. Тем не менее, японская общественность не считала что в ближайшем будущем КНР способен на кардинальные изменения в политической сфере: большинство респондентов в 1997 г. верили, что в политическая система Китая в будущем останется сосредоточенной вокруг коммунистической партии, хотя и претерпит некоторые изменения в сторону демократизации [1].

Литература

1. 57% of Japanese Polled View China as a Friend. // The Japan Times. – 1997. – September, 2.
2. Countries or Regions That Japanese Think Are Cultural or Historical, as of 2001 // <http://web-japan.org/stat/stats/22OPN4B.html>
3. Countries or Region That Japanese Think Are Friendly, as of 2001 // <http://web-japan.org/stat/stats/22OPN48.html>
4. Top 10 Destinations of Overseas Travel for Tourism, as of 2001 // <http://web-japan.org/stat/stats/22OPN46.html>
5. Yong Deng. Chinese Relations with Japan: Implications for Asia-Pacific Regionalism // Pacific Affairs. – 1997 – Vol. 70. – No 3.
6. Гэндзай-но нихон-то тьюгоку-то но канкэй [Текущие отношения Японии и Китая] // www8.cao.go.jp/survey/h17/h17-gaikou/images/z06.gif

7. Тьюгоку-ни тай-суру синкинкан [Чувства родственной близости к Китаю] // www8.cao.go.jp/survey/h17/h17-gaikou/images/z05.gif

Особенности дзэн-буддизма как религиозной системы

Якимова Анастасия Юрьевна

Сибирский федеральный университет

Введение

Дзэн – одно из наиболее популярных направлений современного буддизма. Возникнув в Японии в 12 веке в результате развития китайского чань-буддизма, на протяжении нескольких веков дзэн являлся государственной религией страны, но не получил распространения за ее пределами. В первой половине 20-ого века в ходе знакомства Запада с традиционной культурой Японии эта религиозная система приобретает широкую популярность в США, а затем и странах Европы. В результате дзэн перестает быть религией, имеющей строго ограниченную область распространения, сейчас множество его последователей живет в различных странах всего мира. Однако появившиеся вокруг дзэн в результате использования некоторых его идей движением хиппи мифы и предрассудки продолжают существовать до сих пор. Одно из таких ошибочных мнений – что дзэн не является религией в полном смысле слова, представляя собой сложную философскую систему. Цель работы – опровергнуть данную точку зрения, раскрыв основные особенности дзэн как религиозной системы, а также выявить из них те, которые способствуют его широкому распространению не только на Востоке, но и на Западе.

Исследование

Традиционно считается, что религия предполагает наличие культа, обрядности, верховного божества. Кажущееся отсутствие всего этого в дзэн и стало причиной неверного суждения о нем. Согласно определению, данному в Современном философском словаре, - религия (от лат. religio – восстановление или воспроизводство лиги, связи) – стремление человека и общества к непосредственной связи с Абсолютом (Богом, богами, безусловным средоточием всего существующего, субстанцией, главной святыней) [6, с. 583]. Таким образом, религия – это адекватная форма общения человека и Абсолюта, как правило, персонализирующегося в различных религиях в образе какого-либо божества. В дзэн нет верховного божества, Будда понимается лишь как первый, достигший просветления, а традиционный буддийский пантеон не играет заметной роли. Однако изучение притч дзэн позволяет сделать вывод о том, что здесь Абсолют понимается как нечто, не поддающее-

ся определению, познаваемое лишь чувственно и наличествующее в каждом человеке. Это объясняет отсутствие его персонификации и позволяет сделать вывод о том, что Абсолют (Бог) в дзэн схож с понятием духа в представлении о человеке как о триединстве сущностей (дух, душа и плоть). С этим связано отсутствие культа и обрядности: если Бог наличествует в каждом человеке, то храмом ему становится сам человек, службой – его повседневная жизнь. Пропадает необходимость в священнической деятельности, так как никто не может стать посредником между человеком и его собственным духом. Нет смысла в создании священных текстов, лучшая форма передачи учения – «от сердца к сердцу», в ходе непосредственного общения. Достижение связи возможно только самостоятельно: в ходе медитаций или размышлений над коанами (некоторые истории из жизни дзэнских монахов или небольшие парадоксальные изречения, предлагавшихся ученику учителем в качестве задачи для решения), когда человек осознает свою внутреннюю божественную сущность и ощущает себя частью мироздания. Дзэн же помогает человеку достичь просветления, подталкивает его на путь к нему.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод о том, что дзэн – это уникальная религиозная система. Как указано в определении религии, здесь имеются оба субъекта общения – человек и Абсолют, представляющий в качестве духа человека. Дзэн как религия обеспечивает их общение-связь, уникальность же его в том, что эта связь действительно приобретает характер непосредственности, так как человек, обнаруживая в себе божественную составляющую, имеет возможность общаться с ней без посредников. Здесь можно привести слова чаньского наставника Ян-Шань, отражающие всю суть этой религии «...Просто обратитесь к безбрежному океану собственной сущности, и практикуйте гармонию с ее подлинной природой» [8, с. 50]. В результате обнаруживается некоторое сходство со средневековой мистикой – ясность, непосредственность, пантэистичность. Можно сделать предположение о том, что дзэн в ходе общего развития буддизма приобрел некоторые черты, характерные для западной философии. Возможно, именно с этим связана его популярность, как на востоке, так и на западе.

Литература

1. Атеистический словарь. Под общ. ред. М.П. Новикова. М., 1986.
2. Буддизм: Словарь. М., 1992.
3. Буддизм: четыре благородных истины. Сост. Я. Боцман. М.-Харьков, 2002.
4. Буддизм в Японии. М., 1993.

5. *Главева Д.Г.* Традиционная японская культура: Специфика мировосприятия. М., 2003.
6. Кости и плоть дзэн. М., 2000.
7. Современный философский словарь. Под общ. ред. В.Е. Кемерова. М., 2004.
8. Сущность дзэн: искусство быть свободным. СПб., 2000.

«Соляная» сатьяграха Махатмы Ганди 75 лет спустя

Яковлева Екатерина Яковлевна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Введение

На протяжении всей истории независимой Индии имя Махатмы Ганди прочно ассоциировалось с крупнейшей политической партией страны – Индийским национальным конгрессом (ИНК). Сам Ганди в последние годы жизни критиковал деятельность Конгресса, настаивая на его роспуске и преобразовании в Лок севак сангх (Союз добровольных служащих) – неполитическую организацию, целью которой была бы реализация конструктивной программы Ганди. Несмотря на то, что Конгресс не последовал заветам Ганди, формально партия объявляет себя единственным хранителем его принципов.

Анализ

Наиболее яркой манифестацией отношения к Ганди сегодняшних лидеров ИНК, вернувших Конгресс к власти в 2004 г., – премьер-министра Манмохан Сингха и председателя партии Сони Ганди (вдовы убитого в 1991 году Раджива Ганди, внука Джавахарлала Неру) – может служить «Международный марш за мир, справедливость и свободу», организованный в честь 75-й годовщины «соляной» сатьяграхи Махатмы Ганди.

«Соляная» сатьяграха (другие названия: «соляной» поход, марш Данди) – одна из акций в рамках кампании гражданского неповиновения, возглавляемой Ганди. В апреле 1930 года Ганди со своими сторонниками совершает поход от города Ахмадабад (штат Гуджарат) до деревни Данди, находящейся на побережье Аравийского моря, где демонстративно выпаривает морскую соль в знак протеста против британской монополии на добычу соли. «Соляной» поход стал символическим событием, обозначившим начало нового этапа индийской национально-освободительной борьбы против британского правления.

⁹ *Сатьяграха* – дословно «упорство в истине», одна из форм ненасильственной борьбы, осуществляемая Ганди.

Марш 2005 года был организован Конгрессом по инициативе внука Ганди, Тушара Ганди, возглавляющего Фонд Махатмы Ганди, правительством Индии, гандистскими организациями США и Индии, а также Индийской академией драмы и эстрадного мастерства. Участники «соляной» сатьяграхи, стартовавшей 12 марта из основанного Ганди ашрама¹⁰ в Сабармати под городом Ахмадабад (штат Гуджарат) и завершившейся 7 апреля в деревне Данди, прошли по маршруту знаменитого похода 1930 года.

Некорректным было бы сравнивать историческое значение «походов» 1930 и 2005 годов, однако оба они, несмотря на заявление Сони Ганди о «непричастности» «Международного марша» к политике, строились на определенном политическом символизме [1, 2] разным по силе воздействия, но все же особым образом подчеркнутым. Объявляющий своей официальной целью «единство индийцев» (по словам Манмохана Сингха, «это был марш единства, марш всех индийцев, вне зависимости от касты и религии, языка и региона. Сегодня подход Ганди лежит в основе нашей концепции единого общества») [3], «соляной» поход 2005 года начинался как акция, рассчитанная скорее на привлечение туристов. За несколько месяцев до ее начала в СМИ и Интернете была развернута информационная кампания, призывавшая участвовать в походе. Официальное приглашение звучало следующим образом: «Мы предоставляем вам возможность увидеть великий «соляной» поход таким, каким он был 75 лет назад. Пройдитесь по следам Ганди и его соратников, останавливайтесь в местах, в которых останавливались они, участвуйте во вдохновляющих и интересных разговорах с современниками Гандиджи и с известными историками, смотрите фильмы и изучайте документы, рассказывающие о жизни Махатмы Ганди и об истории индийского национально-освободительного движения. Каждый вечер смотрите представления, раскрывающие богатое наследие индийской культуры и народного искусства... Знакомьтесь с сельским фольклором Гуджарата. Те, кто пройдут (проедут на велосипеде) расстояние от Сабармати до Данди, будут награждены специальным памятным призом ручной работы, на котором будет выгравировано имя участника. Для тех, кто пройдет не весь маршрут, предусмотрен особый сертификат, подтверждающий участие и фиксирующий пройденное расстояние» [5]. Однако уже день начала «Международного марша», 12 марта, доказал, что акция была задумана, в том числе, и по политическим соображениям, одно из которых – с помощью символического использования имени Ганди показать, что ИНК сохраняет верность его принципам. Сценарий «Марша» был точ-

¹⁰ *Ашрам* – здесь: место уединенного проживания и обучения.

но построен по модели первого дня «соляной» сатьяграхи: большое скопление народа и СМИ, выход организаторов похода (Сони и Тушара Ганди/Махатмы Ганди), пение любимых бхаджанов¹¹ Ганди и затем выбор лидера (Тушар Ганди/Махатма Ганди). Тушар стал центральной фигурой марша. Как описывает авторитетный индийский новостной портал Рэдифф, «через каждые 500 метров Тушару Ганди преподносили цветочные гирлянды, и хотя он вынужден был останавливаться, чтобы принять их и даже чтобы подняться на множество трибун, построенных специально для того, чтобы встретить его, он не прервал своего похода» [4]. Символизм усиливался постоянными призывами участников «Марша» соблюдать моральные принципы и заветы Бапу. Марш стал ярким зрелищем, газеты публиковали фотографии, на которых была изображена Соня Ганди, украшающая цветочной гирляндой бюст Махатмы. Тем не менее, наряду с публикациями, одобряющими идею проведения «Марша» встречались и критические статьи.

Выводы

«Международный марш за мир, справедливость и свободу» логично вписывается в определенный этап процесса трансформации идей и образа Ганди в независимой Индии. Характерными чертами этого этапа, начавшегося в 90-х годах XX в., являются символизация имени Ганди и его превращение в некий вневременной персонаж, олицетворяющий идеальный образ вождя. Это объясняет стремление политических сил страны объявить себя продолжателями принципов Ганди. Анализ феномена постоянной потребности индийского общества в образе Ганди поможет понять причину необыкновенной «живучести» Ганди. Новые сведения о развитии в современной Индии политических и общественных структур, прямо или косвенно ориентированных на гандизм, дадут возможность реально оценить степень включенности данной идеологической и философской системы в традиционную политическую культуру страны.

Литература

1. Dalton D. The Dandi Drama. // Rule, Protest, Identity. Aspects of Modern South Asia. Lnd., 1978. pp. 133-144.
2. Lannoy R. The Speaking Tree. A study of Indian Culture and Society. L., 1971. pp. 399-403.
3. Manmohan Releases Stamps on Dandi March. // «The Hindu», 6.04.2005 (Общенациональная газета «Хинду»).
4. www.rediff.com (новостной электронный портал «Редифф»).

¹¹ Бхаджан – жанр религиозных песнопений.

5. www.saltmarch.org.in (официальный сайт «Международного марша за мир, справедливость и свободу»).

Āsamudrahimācalam: Cānakya's Supposed Construction of a Cultural Weltanschauung for Hindutva

Gautam Chakrabarti

Jawaharlal Nehru University (New Delhi, India)

The Arthaśāstra, a seminal text on the political economy of Mauryan India, written by Viṣṇugupta, a Brāhmaṇa-scholar, who was, perhaps, better known by his patronymic-honorific Cānakya-Kautilya, has long been the focus of attention, from scholars and laypeople, as a defining academic/polemical narrative of the various structural and theoretical precepts that could, and did, much later on, furnish the politico-legal framework for an Indic State-apparatus. This is attested to in the alacrity with which Brāhmanical figures like Gāga Bhatta, from Varanasi, had no qualms in taking recourse to the precepts of governance and kingship laid down by Cānakya for the purpose of validating and establishing the Hindu Svarājya of Shivaji. The preponderance of dharma on the Indic State had begun to disintegrate after the Brāhmaṇa-period; but this was, nevertheless, effectively arrested by Cānakya, whose renowned, and somewhat mysterious text offers a profound insight into how the State came to be dominated once again by the sacerdotal class. He was a past master of the science and craft of realpolitik, besides being a political philosopher and thinker of a superlative order; and had managed, once again, to bring the Brāhmanic paradigm into the operations of the State. Through Candragupta Maurya, whom he installed as practically the first Indic Emperor in the Magadhan principality in what is now Bihar and Jharkhand in Northeast India, Kautilya shackled the state to the responsibility for the preservation and promotion of dharma, a role that the modern-day proponents of Hindutva, from Savarkar downwards, have been demanding from the modern Indian State. My paper/report shall seek to establish that, in this construction of the notion of the State as a guarantor of the Indic/Hindu aspects of Indian nationhood, Cānakya seems to have played a major role as the provider of a cultural, and even social, paradigmatic framework, even a Weltanschauung for the delineation of the Hindu State.

Cānakya belonged to the class of purohita-s, and, this fact does demonstrate the continuation of this class's considerable influence and power in the State. It does seem that the Brāhmaṇa-s had, by Cānakya's time, emerged as a privileged entity, the privileges of which were also enshrined by the laws enforced by the State. Cānakya lays down that the purohita should not only be adept in interpreting dharmic laws, but also have

sufficient knowledge of astrology as well as omens and portents and the capacity for remedying human and providential catastrophes. The King, even if he had been a Cakravartin, was beholden to his priestly advisers to help him deal with famines and droughts through the propitiation of gods like Indra and goddesses like Ganga. Even in matters of internal security, vis-à-vis raids by demons (rākṣasa-s) the King relied on sacerdotal guidance. Cānakya invested Indic kingship with dimensions of divinity and the simulacrum of omniscience, as he believed that only an absolutist monarch could motivate his subjects to defeat external aggressors. However, this act was resonant not only with monarchical prerogatives, but resounded with the ordering of society on lines that should help it to crystallize as a single geo-political entity with a shared socio-cultural mindscape; Jambu-dvīpa, ultimately, would be one bloc.

НАПРАВЛЕНИЕ «ФИЛОЛОГИЯ»

Проблема языка и национальная идентичность в современном Израиле

Алексеева Мария Евгеньевна

Санкт-Петербургский государственный университет

В соответствии с современными лингвистическими теориями, именно язык делает возможной *«контрастивную самоидентификацию группы»*. В современном Государстве Израиль официально признаны два государственных языка, иврит и арабский. Количество носителей первого и второго, а также роль, которую они играют в самоидентификации сообщества израильтян, не одинаковы.

В соответствии с современными лингвистическими теориями, именно язык делает возможной *«контрастивную самоидентификацию группы»*. В современном Государстве Израиль официально признаны два государственных языка, иврит и арабский. Количество носителей первого и второго, а также роль, которую они играют в самоидентификации сообщества израильтян, не одинаковы.

Иврит с самого начала своей современной истории был частью идеологии сионизма, а возрождение иврита было фундаментальным этапом сионистского движения, поэтому, когда профессор Амнон Рубинштейн, бывший министр культуры Израиля, сказал, что «иврит – основа еврейского государства», он, безусловно, хотел подчеркнуть ту огромную роль, которую современный иврит с огромным культурным багажом, играет для самоидентификации израильтян-евреев.

Вторую по численности этническую группу Израиля составляют арабы (около 19% от общей численности населения, т.е. более миллиона человек). Для них иврит не является основой культурной и религиозной традиции. Учитывая же постоянную политическую напряженность между Израилем и соседними арабскими странами, а позднее – между Израилем и Палестинской автономией, иврит для арабов-израильтян не является даже языком дружественного соседа.

Исследование показывает, что использование иврита арабами Израиля имеет, прежде всего, социальные мотивации, так как представитель национального меньшинства, не владеющий языком большинства, встречает затруднения, например, при устройстве на работу. Таким образом, в современном Израиле, несмотря на юридическое равноправие иврита и арабского еще раз демонстрируется правило, образно сформулированное Дж. Эдвардсом: «Языки равны только перед Богом и лингвистом».

Большинство граждан Израиля, родным языком которых является иврит, не стремятся учить арабский язык. Причина этого кроется не только в отсутствии мотивации, но и в самой системе образования, которая практически полностью исключает из обучения разговорный аспект арабского языка. Профессор Сассон Сомех, возглавляющий Научный израильский центр в г. Каире, резонно возражает, что невозможно выучить разговорный язык без практики, а где учащиеся могут практиковаться, учитывая сложные арабо-еврейские отношения и относительную обособленность арабских общин? Даже если они заговорят с арабом, - считает профессор Сомех, - ответят им, скорее всего, на иврите. Результатом этого является то, что статус арабского языка в еврейской среде неуклонно снижается, поскольку, как пишет в своей статье Манду Сэн, «большинство евреев Израиля совсем не знает арабского (кроме определенного набора ругательств)» (Sen 2004: 17).

Престиж арабского языка, как показывает исследование, постепенно снижается даже среди арабского населения Израиля, поскольку большая часть арабов не осознает связи между языком и национальной идентичностью. Исключение составляет, пожалуй, только приграничный город Вифлеем.

Исследование показывает, что все попытки израильтян сбалансировать, насколько это возможно, ситуацию с владением обоими государственными языками в стране, по крайней мере, в области образования, не привели к заметным результатам. Возможно, уместным было бы продолжение сбалансированной политики, особенно учитывая слова Б. Нетаньяху: «Если численность арабского населения достигнет 35-40%, больше не будет еврейского государства, и мы окажемся в государстве двунациональном».

Литература

1. *Abu-Rabia S.* The learning of Hebrew by Israeli Arab students in Israel // *Journal of Social Psychology*, Vol. 138, Issue 3, 1998.
2. *Myhill J.* Language in Jewish Society. –N.Y., 2004.
3. *Sen M.* Voices in Conflict: The Language of Israeli-Arab Identity // *Yale Israel Journal*, № 4, 2004.
4. *Fagman A., Niman I.* How to say in Arabic? A project in teaching Spoken Arabic in "Ramot – Hefer" High School (http://www.ph-ludwigsburg.de/html/9e-aaax-s-01/seiten/SymposiumBB/alon_fragman.pdf)
5. *Spolsky B.* Multilingualism in Israel // *Annual Review of Applied Linguistics*, Vol 17, 1996.
6. *Suleiman Y.* Charting the Nation: Arabic and the Politics of Identity // *Annual Review of Applied Linguistics*, № 26, 2006.

Сравнительно-сопоставительный анализ ФЕ с компонентом göz /kharakh – «глаз» в турецком и якутском языках

Анисимов Руслан Николаевич

Якутский государственный университет им. М.К. Аммосова

Соматические фразеологизмы (от др. греч. – сома – «тело») представляют самостоятельную довольно обширную группу в системе ФЕ в современных тюркских языках. Они (СФЕ) составляют значительный пласт фразеологического фонда языка, относятся к древнейшему пласту лексики любого языка.

Сравнительно-сопоставительный анализ ФЕ в родственных языках позволяет выявить межъязыковые сходства и различия, способствуют глубокому проникновению в сущность процесса фразеологизации в сопоставляемых языках, обнаруживает общие закономерности становления и развития фразеологических явлений, выявляет как общее фразеологическое ядро, так и специфические особенности для отдельных языков, помогает изучению проблем национально-культурного своеобразия устойчивых выражений того или иного языка.

Материалом исследования послужили ФЕ, извлеченные из лексикографических источников якутского и турецкого языков. На данном этапе мы насчитываем всего 92 ФЕ с компонентом «kharakh» в якутском языке и 140 ФЕ с компонентом «göz» в турецком языке. Данные соматизмы обладают высокой частотностью употребления, характеризуются особой продуктивностью и широкой фразеологической активностью. Общий семантический центр – лексема – соматизм göz /kharakh, имеет смыслообразующую функцию и определяет тематику ФЕ.

Турецкому göz соответствует устаревшее якутское kös, в первом значении «глаз, взгляд», сохранившееся в соматических фразеологизмах якутского языка: kös bärin – подчиниться (букв. глаз отдать), kharakh – kös buol – «смотреть, наблюдать за кем-, чем-л.» (букв. стать глазами) и т.д. kharakh – ср. с тюрк. karak – «взгляд, глаз», бур., монг., – khara – «видеть».

Слово kös в значении «орган зрения» фиксируется в древнетюркских рунических памятниках VI-IX в н.э. Древнейшее общетюркское слово kös употреблялось в то время уже не только свободных сочетаниях, но и в составе ФЕ.

Сравнительно-сопоставительный анализ собранного нами материала позволяет отметить следующее:

I. Выделяются следующие типы структурно - семантических параллелей ФЕ в якутском, турецком языках:

1) СФЕ, совпадающие по значению и лексическому составу: тур. gözü doymaz // як. kharaga tuolbat – «жадный» (букв. глаза не наполняются); тур. gözünün bebeği gibi korumak // як. kharagin kharatin kurduk kharistaa – «беречь как зеницу ока»; и т.д.

2) СФЕ, одинаковые по значению, но частично различающиеся лексическим составом: тур. gözünü arkada kalmak // як. kharaga kannigär – «терзаться мыслями, неотвязно думать об оставленном; остаться неспокойной душой» (букв. тур. оставить глаз сзади; як. букв. у него глаз сзади); тур. gözünden ateş çıktı // як. kharagittan uot chağil gına tüstä – «рассвирепеть» (букв. искры из глаз посыпались у кого-л.) и т. д. Подобные сочетания или предложения выступают как межъязыковые лексические варианты фразеологизмов

3) СФЕ, одинаковые по лексическому составу, но различающиеся по значению: тур. gözünü almak – «ослеплять, очаровывать, пленять (красотой и т.д.)» (букв. забирать глаза) // як. kharagin il – «выбить глаз, побить» (букв. глаз его взять); тур. gözünü kararmak – «прийти в бешенство» (почернеть – о глазах) // як. kharaga kharagarar – «завистливо желать, воспылать страстью» (букв. у него глаза почернели). Подобные фразеологизмы выступают как межъязыковые фразеологические омонимы.

II. Выделяются следующие функционально - семантические типы ФЕ:

1) Психо-эмоциональное состояние человека: общее – а) гнев – тур. gözünü kan бүрүmek (букв. наполниться кровью-о глазах) // як. kharakhtara khaannaaginan kördö – (букв. глаза налились кровью) – «рассвирепеть»; б) зависть – тур. gözleri toprak doyurmak – «иметь завидующие глаза» (досл. кормить глаза – о земле) // як. kharaga iqnäg – «питать зависть кому - л.» (букв. задерживать взгляд, глаз на ком-, чем-л.); в) жадность – gözü toprakla doymamak – «быть очень жадным, алчным» (букв. не насытиться землей – о глазах) // як. kharaga tuoluo – «удовлетворять свою жадность» (букв. глаза его наполнятся); г) удивление – тур. gözleri dört açmak – (букв. распахнуть глаза в четверо) // як. kharagin tuñunan kördö – (букв. смотреть во все глаза) – «полезть на лоб – о глазах» (от удивления); д) радость – тур. gözlerin içi gülmek – «светиться радостью – о глазах» (букв. смеяться внутрь глаза) // як. kharaga khallaani bilbät – «не чуют под собой земли (от радости)» (букв. глаза его не видят неба). А также к турецкому ФЕ göz отображается следующие проявления эмоций человека: смелость, трусость, щедрость, желание, любовь, неприязнь, стыд.

2) Физиологическое состояние человека: а) значение зрения, способности видеть – тур. göz etmek – «делать знаки глазами, подмигивать» // як. kharakhkhinan o'nnoo – «бросать выразительные взгляды, стремясь обратить на себе внимание» (букв. играть глазами); б) сон, пробуждение – тур. gözlerini uykuya tutmamak – «не смыкать глаз, не мочь заснуть» // як. kharagin simpätä – «не сомкнуть глаз»; в) плакать – тур. gözünü sulu – «рева, плакса» // як. kharagin uuta kuurbat – «плакать» (букв., глаза на мокром месте у кого-л., глаза не осушаются); в) умереть, заболеть – тур. gözünü arkada gitmek – «умереть» (букв. уйти сзади в глаз) // як. kharaga kitiilammit – «иметь болезненный вид» (букв. глаза его стали острыми);

3) Отношение между людьми – а) обманывать – тур. göz boyamak // як. kharagin baau – «пускать пыль в глаза, втирать очки, заниматься очковтирательством»; б) наедине без свидетелей – тур. göz göze // як. kharakh kharakha – «с глазу на глаз»;

4) Аспектуальная характеристика действия: а) моментально, быстро – тур. gözünü açıp karayıncaya kadar – «не успев и глазом моргнуть; в мгновение ока» // як. kharaga tästiäginän – «очень быстро, с большой скоростью» (букв. (так), чтобы лопнули глаза); б) тайком, смотреть украдкой – тур. gözünün kuuyguyle bakmak – «глядеть краешком глаза, подглядывать, смотреть украдкой» // як. kharagin kitiitinan kög – «видеть тайком, незаметно, украдкой»;

А также функционально – семантических типах СФЕ с компонентом -göz /kharakh выделяются как общие для сопоставляемых языков, так и особенные для каждого языка.

Литература

1. Большой турецко-русский словарь. М., 1972.
2. Большой энциклопедический словарь. Языкознание. М., 1998.
3. Древнетюркский словарь. Л., 1969.
4. Муратов С.Н. Устойчивые словосочетания в тюркских языках. М., 1961.
5. Нелунов А.Г. Якутско-русский фразеологический словарь, Л-Э, Новосибирск, 2002, т. II.
6. Телия В.Н. Что такое фразеология. М., 1966.
7. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. М., 1959.
8. Якутско-русский словарь, М., 1972.
9. Aksoy Ömer Asim. Deyimler Sözlüğü. Ankara, 1976.

Глаголы движения как тематический класс (на материале турецкого языка)

Балыгина Екатерина Дмитриевна

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова

О своеобразии и сложности лексического значения глаголов и прилагательных свидетельствуют многочисленные, часто взаимоисключающие исследовательские подходы и результаты, которыми богата история лингвистической науки.

Так, традиционное классическое языкознание, интерпретируя язык преимущественно как языковые средства, нежели речетворческую деятельность, ограничивалось изучением глагольных слов в чисто морфологическом, словообразовательном аспектах, разграничивая глаголы по их содержательным функциям на полнозначные и вспомогательные. Напротив, в современной лингвистике с ее гипертрофированным интересом к логическим аспектам функционирующего языка и речетворчества не разграничиваются глагольные, адъективные и прочие признаковые имена, а изучаются вкупе как семантические предикаты; не проводится различия между глаголом как структурно-номинативной единицей языковой системы и глаголом как предикатом – членом предложения.

В истории языкознания неоднократно предпринимались попытки разграничить глаголы по их содержанию на определенные классы и разряды. Так, еще О.Есперсен писал «...глаголы можно разделить на: обозначающие действие (*ест, дышит, говорит* и т.д.), обозначающие процесс (*становится, растет, теряет, умирает*) и обозначающие состояние (*спит, остается, ждет, живет*), хотя есть также немало глаголов, которые трудно включить в какой-либо из классов (*презирает, угождает*)...» [4, с. 154]

Эта идея нашла свое продолжение в семантической классификации, предложенной американским логиком З.Вендлером. По своим свойствам предикаты образуют континуум, одним из главных организующих параметров внутри которого является признак статичности/динамичности.

А.А.Уфимцевой была предложена классификация, основанная на 3 главных характеристиках:

1. семантическая ориентированность глагольного признака на предметную сферу субъекта или объекта действия,
2. конфигурация лексико-семантических вариантов глагольной лексемы в границах ее смысловой структуры,

3. набор предметных имен, семантически совместимых с данным глагольным наименованием.

Таким образом, глагольные наименования разграничиваются по «направленности» их лексической семантики на ту или другую предметную сферу следующим образом: $S \leftarrow V$ (субъект действия, состояния), $V \rightarrow O$ (объект воздействия, восприятия, отношения), $S \leftarrow V \rightarrow O$. В последнем случае мы наблюдаем двунаправленность глагольного признака. Смена семантической направленности глагольного признака порождает новые лексико-семантические варианты: *başlamak* как *начинаться* и как *начинать*.

Тематический класс – понятие более узкое, чем класс семантический, тематический класс является формальным аналогом семантического поля, которое определяется как совокупность языковых единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений. [1, с. 98] Тематическая и семантическая классификации не совпадают друг с другом, находясь в отношении пересекающихся классов. Тематический класс объединяет слова с общим семантическим компонентом, который занимает центральное место в их смысловой структуре. Разумно ставить задачу объединения слов в тематические классы, а не разбиения слов на классы, как при обычных классификациях. [3, с. 42] Возможна ситуация, в которой один и тот же глагол может входить не в один тематический класс. Например, глагол *gitmek* в значении *уходить* относится к группе глаголов движения, в значении *умереть* и *выйти замуж* – к группе бытийных глаголов.

Для движения обязательна динамичность, т.е. развитие во времени. Глаголы, которые представляют ситуацию движения как нечто, происшедшее в момент времени, уже тем самым описывают не движение как таковое, а нечто иное. Так, моментальный глагол типа *прибыть* или *отбыть, прийти* или *уйти* – это деструкция идеи движения. Объяснить эту ситуацию может понятие *акцента* или *фокуса внимания*. В семантике *gelmek* (*прийти*) в фокусе *конечная точка*; тем самым данный глагол описывает не движение, а наступление состояния, когда движущийся предмет находится в конечной точке своего движения. Несовершенный вид этого же глагола требует акцента на *срединной* временной точке описываемой глаголом ситуации. Объяснение с помощью понятия акцента может показаться не совсем научным, но в данном случае слово *акцент* или *фокус* употребляется не терминологически, но в нужном нам смысле.

Когда мы говорим о *маршруте* движения, необходимо сразу разграничить движение по горизонтальной направляющей, передаваемое

такими глаголами как *yürütek* (идти), *koşmak* (бежать) и т.д.; и движение по вертикальной направляющей, как, например, обозначаемое глаголом *kalkmak* (вставать). Не менее важными, чем характеристика маршрута движения, являются характеристики *способа движения* и *среды*, в которой это движение происходит. На основе последнего признака выделяются 3 подгруппы глаголов: глаголы со значением движения по твердой поверхности (*yürütek* – *идти пешком*), глаголы со значением движения по воздуху (*uçmak* – *лететь*), глаголы со значением движения в жидкой среде (*yüzmek* – *плыть*). Существует ряд глаголов, нейтральных к данному признаку; таковым является, например, *gelmek* – прийти, приехать: *varurla gelmek* (*приехать на корабле, т.е. двигаться в жидкой среде*), *uçakla gelmek* (*прилететь на самолете, т.е. по воздушной среде*), *yürüyerek gelmek* (*прийти пешком, т.е. по твердой поверхности*). Семантика глагола движения может быть настолько сложной, что глагольная основа будет выражать и *темп* или *скорость* движения, как, например, глагол *koşmak* – *бежать* (быстрый темп движения) или *sürünmek* – *волочиться* (медленный темп движения). Некоторые глаголы движения несут в себе *сему характера движения*: таким является, например, глагол *topallamak* – *ковылять* (о человеке); глагол *yorgalamak* – *идти рысцой* (о лошади). [5, с. 13]

Глаголы движения часто подвергаются процессу грамматикализации. Грамматикализация понимается как особый *семантический процесс*, результатом которого является появление языковой единицы с грамматическим значением. [2, с. 40] В турецком языке, например, глаголы *gitmek* и *gelmek* приобретают значение хабишуализма, т.е. постоянного действия в сочетании с деепричастиями на –ır или на –а: *Vi iş böyle olagidecek. Это так и будет продолжаться*. Конструкции с дательным падежом имени действия и отрицательными формами глагола *gelmek* выражают отрицательную дебитивность. Например, *harp etmeğe gelmez* – *нельзя объявлять войну*. Показатели, восходящие к глаголам движения, часто функционируют как именные модификаторы типа предлогов/послелогов с пространственным значением «через, сквозь, мимо». Таковым является турецкий послелог *geçe*: *beşi çeyrek geçe* – *досл. через пятнадцать минут после пяти, в четверть шестого*.

Литература

1. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М., 2000.
2. Майсак Т.А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М., 2005.
3. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики.//М., 2004.
4. Уфимцева А.А. Лексическое значение. Принцип семиологического описания языка. М., 1986.

5. Чугуненкова А.Н. Глаголы движения и формируемые ими модели простого предложения. (на материале хакасского языка) // Автореф. дисс. на соискание уч. степ. канд. филологич. наук. Новосибирск, 1998.

О роли азбуки катакана в письменном языке японской молодёжи

Благовещенская Ольга Вячеславовна

Восточный университет (Москва)

В настоящее время в Японии в различных изданиях, ориентированных на молодёжь, а также в «неофициальных» текстах, которые создают сами молодые люди – в основном при мобильной переписке и в Интернете (в чатах, в посланиях по электронной почте, в сообщениях на веб-форумах, в блогах и т.п.), часто слова или служебные элементы, которые с точки зрения стандартного языка не должны записываться *катаканой*, передаются с помощью знаков этой слоговой азбуки.

Чем же объясняется широкое использование современной японской молодёжью подобных «специфических *катаканаго*», то есть элементов, которые традиционно в большинстве случаев передаются в стандартном языке с помощью иероглифов и азбуки *хирагана*? Очевидно, что причина заключается не в незнании иероглифов, так как компьютеры и мобильные телефоны позволяют без труда осуществлять набор слов, записываемых иероглифами. Молодёжь сознательно употребляет знаки *катаканы* для записи различных единиц.

Исторически в системе японского письма иероглифы и *хирагана* играли главную роль, а *катакана* – второстепенную. «Специфические *катаканаго*», широко используемые в языке молодёжи, в некотором смысле оказываются, вероятно, результатом нового взгляда на эту «вспомогательную» азбуку.

В стандартном японском языке *катакана* традиционно используется главным образом для записи слов, заимствованных из иностранных языков, в том числе географических названий и имён и фамилий. Как правило, *гайрайго* – иноязычные заимствования – являются именами существительными. Иностранные географические названия и имена и фамилии также относятся к классу существительных – именам собственным. Иными словами, можно сказать, что функция *катаканы* в стандартном языке заключается в основном в записи определённой группы имён существительных.

Однако анализ различных текстов, созданных для молодёжи и молодёжью, показывает, что в языке молодёжи «специфические *катака-*

наго» могут относиться не только к классу имён существительных, но и к другим частям речи.

При этом определённых правил не существует, употребление *катаканы* для записи того или иного элемента является индивидуальным иokkaзональным, то есть зависит исключительно от желания автора.

Можно сказать, что в языке молодёжи *катакана* играет не менее важную роль, чем иероглифы и *хирагана*.

Для носителей молодёжного языка важен образ, который передаётся с помощью «специфических *катаканаго*». Как известно, изначально иероглифы, *хирагана* и *катакана* вызывают у носителей японского языка разные ассоциации. Так, с эпохи Хэйан (794-1192) иероглифы ассоциируются у японцев с мужским началом, а *хирагана* – с женским. *Хирагана* воспринимается как «детское», «простое», «лёгкое», а иероглифы – как «взрослое», «сложное», «трудное».

Хирагана и *катакана* в свою очередь вызывают противоположные ассоциации из-за того, что знаки *хираганы* имеют округлую форму, а знаки *катаканы* – заострённую. Иными словами, *хирагана* ассоциируется с «мягким», а *катакана* – с «твёрдым». Кроме того, *катакана* используется для записи заимствованных слов и иностранных имён и фамилий, поэтому если *хирагана* ассоциируется со «своим», то *катакана* – с «чужим», «иностранным», прежде всего «западным».

Иероглифы и *катакана* образуют противоположную пару по ассоциации «японское», «старое» – «иностранное», «новое».

Молодёжь употребляет *катакану* в тех случаях, когда хочет избежать ассоциаций, вызываемых иероглифами и *хираганой*.

В настоящее время наблюдается также использование *катаканы* для записи имён или псевдонимов известных людей, в частности, актёров, снимающихся в популярных сериалах, фильмах, рекламе и т.п. С точки зрения стандартного языка имена должны записываться с помощью иероглифов или реже *хираганы*. Статистика показывает, что особенно часто к использованию для записи своего имени *катаканы* прибегают музыканты и авторы комиксов *манга*.

В последние годы в молодёжной субкультуре наметилась новая тенденция – стремление использовать слова на латинице. Статистические подсчёты показывают, что в настоящее время большая часть сценических псевдонимов музыкантов, а также музыкальных групп записывается средствами латинского алфавита. Так, на сайте Yahoo! JAPAN в январе 2004 года 45% имён исполнителей было записано с помощью латиницы, 31,7% с помощью иероглифов и только 12,1% с помощью *катаканы*.

Таким образом, в настоящее время в именах и названиях *катакана* используется не так часто, как раньше. Вероятно, в восприятии моло-

дёжи *катакана* постепенно утрачивает свои позиции, то есть перестаёт ассоциироваться с «новым» и «западным». Эту роль теперь выполняет латиница. Однако, поскольку молодёжь постоянно находится в поиске новых, оригинальных средств выражения, эту тенденцию невозможно считать устойчивой.

В заключение следует отметить, что несмотря на наличие различных «экзотических» графических средств, в письменном языке молодёжи тем не менее сохраняется по крайней мере одна устойчивая тенденция: с помощью *катаканы* и латиницы в «нетрадиционном употреблении» записываются, как правило, имена существительные, а также основы глаголов и прилагательных. Служебные слова и элементы при этом в основном записываются, как и в стандартном языке, с помощью *хираганы*.

Литература

1. Акидзуки К. Ариэнай нихонго (Невероятный японский язык). Тикума синсё, 2005.
2. Маевский Е.В. Графическая стилистика японского языка. М., 2000.

Суфийские мотивы в произведениях Пелевина

Бугаев Денис Сергеевич

Санкт-Петербургский государственный университет

Цель работы — исследование суфийских мотивов в романе Пелевина «Generation 'П'» (1999) и в повести «Принц Госплана» (1998).

Выбор для анализа данных произведений не случаен: повесть и роман связаны друг с другом рядом мотивов, в т. ч. их объединяет суфийская тематика. Герой «Принца Госплана» Саша Лапин, подобно герою Generation 'П' Вавилону Татарскому, стоит у истоков того мира, в котором он живет, и практически является создателем этого мира. Оба героя проходят через семь ступеней – семь уровней на пути к идеалу. Их путь во многом сопоставим с путем в легенде о Симурге. Симург – образ, берущий начало с Яшт, одного из древнейших литературных памятников. Существует несколько версий описаний Симурга, представляющих его в доброй и злой ипостаси; при Сефевидах Симург изображался на гербе Персии. Для Пелевина актуален образ Симурга в интерпретации суфийского писателя Аттара.

В поэме Аттара Парламент птиц Симург – это парламент из 30 птиц. Имя Симург состоит из двух слов: си – ‘тридцать’ и морг – ‘птица’; общее значение – ‘тридцать птиц’. В Парламенте птиц 30 птиц преодолевают ряд препятствий, в том числе и семь долин – семь сту-

пеней на пути совершенствования, в поисках легендарного правителя Симурга. В конце пути птицы узнают, что правитель и есть они сами. Главный герой романа Пелевина – Вавилен Татарский – в ходе развития сюжета, преодолевая ряд трудностей и сочиняя рекламные ролики, поднимается по социальной лестнице. Его карьера начинается с сочинения рекламного клипа для сигарет «Парламент», а заканчивается роман описанием рекламного ролика для пива «Tuborg», в котором по дороге один за другим идут тридцать (sic! – Д.Б.) Татарских (В. Пелевин). В романе Татарский сочиняет 30 рекламных проектов; проходит через семь состояний от детско-студенческой советской «вечности» до вершины властной пирамиды. Таким образом, аллюзии на Аттара окольцовывают сюжетное повествование. При этом ни Парламент РФ, являющийся собранием из 450 человек, ни сигаретная пачка «Парламент», содержащая 20 сигарет, не являются истинным Парламентом; аналогом Симурга в конце предстает главный герой романа.

Пелевин, с одной стороны, в постмодернистской манере обнажает аттаровский претекст, с другой стороны, отказываясь на внешнем уровне развития сюжета от прямых аналогий с Аттаром, в модернистском стиле выстраивает сложную систему аллюзий и отсылок к образу Симурга у Аттара. В Generation 'П' Пелевин создает свою версию повествования о Симурге и, в результате, предстает как один из продолжателей традиции суфизма.

Литература

1. Attar, Farid ud-Din. The Conference of the Birds. Penguin Books, 1984.
2. Пелевин В. Принц Госплана. // Пелевин В. Желтая стрела. М., 1998. С. 96-144.
3. Пелевин В. Generation 'П'. М., 1999.
4. Суфии: Восхождение к истине. М., 2006.
5. Тримингем С.Дж. Суфийские ордены в исламе. М., 1989.

Английские лексические элементы в современном турецком языке (сфера культуры)

Володина Елена Геннадьевна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Значительные изменения в социально-экономической, политической и культурной жизни турецкого общества в конце XX – начале XXI вв. послужили основанием для проявления целого ряда активных процессов в турецком языке новейшего периода, в результате их действия возникли существенные сдвиги на всех уровнях языковой систе-

мы [1]. Новые явления в турецком языке связаны, прежде всего, с активизацией процесса лексических заимствований, что определяется непосредственной обращенностью лексики к внеязыковой действительности и теми глобальными изменениями, которые в ней происходят.

Сокращение объема чтения литературы и увеличение объема восприятия телепродукции приводит к тому, что обиходный язык подпадает под влияние языка, который преподносится с экранов телевизоров, через радио или прессу. Особого внимания заслуживает реклама: многие рекламные слоганы и ударные фразы становятся поговорками, используются в анекдотах и газетных заголовках, становятся на какое-то время расхожими текстами. Язык рекламы оказывает заметное влияние на общество – рекламные лозунги, призывы, реплики героев рекламных роликов широко цитируются, становятся компонентами юмористических рассказов.

Главенствующую роль в процессе освоения отдельного заимствования играет его употребительность в речи, в связи с чем актуальной является проблема выработки и систематизации параметров употребительности иноязычной единицы. Существенную помощь в разрешении обозначенных проблем могут оказать наблюдения, сделанные на материале прессы. Печатная форма текста благоприятствует изучению частотности заимствований и их вариативности графического и морфологического планов. Наблюдения, сделанные на синхроническом срезе одного года – при рассмотрении всего объема отнесенных к заимствованиям единиц – позволяют выявить актуальные для данного времени особенности их функционирования, а в сопоставлении с ранее выявленными тенденциями – показывают динамику развития таких тенденций. Организация газетного материала предоставляет объективные (в рамках газетного стиля) параметры употребительности заимствованных единиц. Тот же газетный материал предоставляет такие немаловажные показатели для характеристики адаптационного потенциала заимствованной единицы, как ее словообразовательная активность, отраженная в наличии ее дериватов, присутствие заимствований с аналогичным компонентом, оказывающих групповую поддержку данной единице, а также иные показатели ее освоения в лингвистическом плане.

В языке современной прессы усилилась роль функций информирования и развлечения, тогда как функции регулятивные (ценностно-ориентирующая и директивная) редуцировались, стали проявляться более скрыто или нашли новые коммуникативные сферы применения. Это отразилось и на используемом языке в целом, и в лексике в частности.

Мода на употребление англо-американизмов, которая вряд ли возникла сама по себе. В основе распространения моды лежат психологические механизмы, а именно: внушение, подражание, идентификация. Престиж изучения английского языка, поддерживаемый разнообразными пропагандистскими усилиями всё тех же средств массовой информации, «рекламизация» языка, когда прецедентными текстами стали рекламные клипы, а не литературные произведения, стремление их создателей сделать язык рекламы максимально «доступным» для широких слоев населения – все это, наряду с другими социокультурными факторами, приводит к формированию языкового сознания, в котором сленг, элементы просторечия и ненужные, избыточные заимствования становятся органической частью литературного языка в его разговорной и письменной формах.

Можно отметить большое количество заимствований из английского языка в турецком языке в сфере так называемой современной культуры. Большое участие в этом процессе принимают средства массовой информации, ведь именно через них получают распространения наиболее «модные» тенденции Запада. Особенно активно внедрение новых слов наблюдается в последние десятилетия.

Примеры из современной турецкой прессы, связанной со сферой современной культуры, наглядно демонстрируют широкое использование англицизмов.

Пример из газеты «Milliyet» (25.04.2000):

Bu renkli kutlamanın en flaş isimi ünlü popçu Atilla Taş'tı 'На этом красочном празднике самым ярким был известный исполнитель популярной музыки Атилла Таш'.

Англицизмы не только заменяют уже известные наименования, но и становятся обозначением явлений, в принципе не свойственных Турции, а характерных для западного образа жизни; например, “автостопа”:

Bazen otobüsle, bazen trenle, parası bitince de otostopla tüm ülkeyi dolaştı ama bulamadı oğlunu 'Иногда на автобусе, иногда поездом, а когда заканчивались деньги, то и автостопом он объехал всю страну, но не смог найти своего сына'.

Интересной является тенденция, коснувшаяся слова kulüp (англ. club) под влиянием иностранной культуры. Как пишет в своей статье в журнале “Türk dili” профессор Хамза Зульфикар, слово club вошло в турецкий язык около 150 лет назад в форме kulüp, хотя и было зафиксировано написание в форме klup, отражающее форму языка-первоисточника. Первая форма оказалась наиболее приемлемой для произношения по законам турецкого языка, в котором скопление согласных является неудобным; ср. такие примеры: Anadolu Kulübü,

Seymenler Kulübü, Kulüp rakisi, Fenerbahçe, Galatasaray, Beşiktaş kulüpleri.

Real Madrid'i dünya kulübü yapan Kont Bernabea gibi yıllarca F. Bahçe'nin başında kalsın (Akşam 10.02.2004) ‘Пусть такой, как Конт Бернабеа, превративший Реал Мадрид во всемирно известный клуб, в течение нескольких лет будет оставаться во главе Фенербахче’.

Сейчас мы все больше находим примеров, когда под влиянием моды на все западное вместо устоявшегося kulüp используется это слово в его английской форме club, при этом сохраняется и произношение, и написание слова на английский манер; ср.: Migros club.

Расширение функций устной речи ведет к сокращению общего объема письменной речи и утрате целыми категориями людей навыков письменной речи, к снижению их орфографической грамотности. Этому способствует и заимствование языком большого количества иностранной лексики, которая во многих случаях демонстрирует на сегодняшний день вариантное графическое оформление. То, что некоторые заимствования из английского языка, являются новыми и недостаточно освоенными турецким языком, видно и из отсутствия стандарта их написания, из вариативности их графической передачи. Для примера можно взять статью из газеты Milliyet от 25 апреля 2000 года “Hipi Kate yollarda” («Хиппи Кейт в дороге»), где в самом тексте слово hipi дано в том же написании, и статью из газеты Radikal от 15 марта 2002 года, где это слово дано в другом написании – hippî:

Основная черта американизации и вестернизации – это распространение так называемой массовой культуры.

Заимствование лексики во многом следует рассматривать как одно из серьезных последствий взаимодействия культур, одновременно представляющее собой определенную фазу в процессе заимствования культурных ценностей. На примере современного турецкого языка можно наблюдать процессы этого взаимодействия. С одной стороны, это способствуют развитию и обогащению турецкого языка, а с другой – знаменуют собой коренной перелом в жизни общества. С лингвистической точки зрения, изменения, происходящие в лексическом составе языка, нуждаются во внимательном изучении и освещении с целью выработки оценок и рекомендаций с позиций объективности и исторической целесообразности. Это одна из важнейших задач, стоящих перед Турецким лингвистическим обществом [2].

Литература

1. Кононов А.Н. Основные этапы формирования турецкого письменного литературного языка // Вопросы языкознания, 1977, № 4.

2. Aksoy Ö.A. Gelişen ve özleşen dilimiz. 4. baskı (genişletme ve eklemelerle) // Türk dil kurumu yayınları. AÜ basımevi, Ankara 1975.

Общие тюркско-монгольские лексические элементы

*Восканяц Дарья Евгеньевна*¹

Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова

Введение

В современном востоковедении существуют две противоположные точки зрения по поводу родства или типологического сходства тюркских и монгольских языков. После сравнительного исследования этих языков В.Л. Котвич пришел к выводу, что данные языки имеют около 50% общих черт в морфологии и 25% в лексике [3, с. 5, 32-33].

Выявление общих тюркско-монгольских лексических элементов с определением конкретных тюркских и монгольских основ предполагает проведение языковых параллелей соответственно определенным критериям с приведением примеров. Например, сходных терминов родства в тюрко-монгольских языках мало — около десятка, их так же, как и в других языках, можно подразделять на термины, обозначающие родственные отношения в результате брака и термины кровного родства. Рассмотрим некоторые из них.

Термины кровного родства

Монг. эх(э) — «мать»; тув., алт., кирг., туркм. эне; хак. ине; каз. ене; к.-калп., уйг. ана; узб. она, тур. anne. Кроме этих фонетических вариантов, имеются еще и другие разновидности, характерные для остальных тюркских языков. Например: эни, эннэ, ине и т. д.

Термин эне с фонетическими вариантами характерен и для тунгусо-маньчжурских языков [3, с. 5, 32-33]. Особенность данного слова то, что в рассматриваемых языках оно означает «мать» не только по отношению к человеку, но и к животным. Например: монг. эх(э) мал — «матка, маточное поголовье». Ср.: кирг. музоонун энеси — «мать теленка».

Монголисты давно обратили внимание на интересное в семантическом и морфологическом отношении явление, заключающееся в том, что существительное, совпадающее по своему облику с корнем эх(э), имеет значение «мать», тогда как в форме эхэ + нер, исторически являющейся ничем иным, как множественным числом, оно означает «женщина», «жена» [1, с. 77-78].

¹ Автор выражает признательность профессору, д.ф.н. Ю.В. Щеке за помощь в подготовке тезисов.

Монг. ав — «отец», п.-монг. — ава; хак. аба//паба, тур. ata//baba; кирг. аба — «дядя» (по мужской линии), «старший брат» (в сев. диалекте кирг. языка), имеет еще значение «старший из старших братьев». Этот термин в киргизском языке служит формой обращения к старшим, главным образом того же возраста, что и отец обращающегося, а в древнетюркских памятниках, тувинском, алтайском языках — ада; каз., уйг., туркм. ата; узб. ота. В некоторых тюркских языках имеются их фонетические варианты: баба, дада, кака.

Продуктивна в монгольском языке лексема «ав(а)». Например: п.-монг. авага//авака; совр. монг. авга; туркм. абга — «дядя по отцу» — почтительное обращение к старшим. Одной из характерных особенностей является то, что морфема аб(а) служит и для почтительного обращения к женщине, старшей сестре. Монг. авгай — почтительное обращение к старшей сестре. Для киргизского языка такое явление не характерно.

Монг. ах(а) — «старший брат», «дядя по отцу»; бур. ахай — «братец»; тув. акы; хак. абаа//ача (диал.), аке; кирг. ага; тур. аға, каз., к.-калп. ага; уйг. ака; узб. ока//оча. Из рассматриваемых языков только в туркменском и хакасском данному термину соответствуют другие слова. Например: туркм. доган; улы доган; улуг харындас.

Термин ах(а) служит и как форма обращения к старшему. Среди тюркских языков лишь в якутском термин ава означает «отец», во всех остальных — «старший брат». Монг. ахай — обращение к замужней женщине; монг. авга — «родной дядя», «отец»; авгай — вежливая форма обращения; хак. абба; алт. абаай//абагай; кирг. аба//абаке. В остальных рассматриваемых тюркских языках в этом значении употребляются другие слова, например: тув. акый; уйг. ақа; узб. ака; каз. аға; туркм. ага, тур. аға.

Слово аба в тюркских языках выступает в значении «старший родственник». На это в свое время обращал внимание и В.В.Радлов, указывая, что форма аба + ке часто употребительна, а аффикс -ка является уменьшительно-ласкательным [3, с. 5, 32-33].

В системе кровно-родственных отношений киргизов существует обычай: дети, если только живы дедушка или бабушка, своих родителей называют аба — «дядюшка», жеңе — «тетушка».

Э.В.Севортян в «Этимологическом словаре тюркских языков» указывает, что аба и его дериваты имеют общетюркское распространение, при этом для восточных областей тюркской языковой территории более характерна, по-видимому, форма с закрытым гласным, тогда как на остальной территории гласный второго слога в общем открытый (аба<абай) [2, с. 54-56]. Далее автор отмечает, что состав и взаимоотношения значений аба и проч. отражают систему кровного родства,

сложившегося на ранних ступенях родоплеменных отношений тюрков до формирования семейно-родственных отношений, для которых центральными являются понятия «отца» – «матери» и их потомства [2, с. 54-56].

Монг. ээж, эгч – «старшая сестра», «мама»; тув. ие – «мать»; угба – «сестра»; хак. пиче, иче (диал. ийе); алт. эје – «тетка», «старшая сестра»; кирг. эже (диал. апче) – «старшая сестра»; каз. эже – «бабушка», «мама»; уйг. ағича – «тетя», «уважаемая женщина», «госпожа»; туркм. еже. В каракалпакском и узбекском языках в этом значении употребляется апа – «старшая сестра».

Как показывают приведенные формы, закрытые корневые гласные характерны для монгольского языка, а открытые – для тюркских языков. Однако наблюдаются и исключения.

В следующих терминах родства в семантическом отношении наблюдаются сдвиги.

Монг. ач – «внук»; тув. ача – «отец»; хак. ача, харындас – «старший брат (по отцу)» (диал. «двоюродный брат»); алт. ачы – «младший брат отца», «сыновья и внуки брата»; кирг. диал. ача, апче – «старшая сестра»; узб. вачча – «двоюродный брат или сестра»; туркм. ачтык – «внук».

Слову ача (монг.) соответствует в древнетюркских памятниках эчи в значении «старший родственник», «родня».

Монг. бүл – «двоюродный брат (по матери)», үеэл – двоюродный брат по отцу. Это слово идентично в тюркских языках слову бөлө//пөле; хак. пөле; алт. бөлө; кирг. бөлө; каз., к.-калп. бөле – в значении «двоюродный брат по матери». В киргизском языке для обозначения семьи употребляется идентичное с монгольским по форме слово бүлө.

Слово бөлө характерно преимущественно в значении «двоюродный брат» для северо-восточной группы тюркских языков.

Результаты

Как показали многочисленные исследования в этой области, установление принадлежности слова той или иной группе языков и констатация факта его заимствования одной из них у другой опирается на учет данных структурно-фонетического, морфологического, лингво-географического и культурно-исторического порядка.

Определение первоначальной языковой принадлежности лексических единиц не является результатом анализа отдельных особенностей. Оно производится, как правило, путем суммирования всех имеющихся сведений о пространственных границах и времени распространения слова, о его фонетической и морфологической структуре, о месте, занимаемом в своей тематической группе, о традиционной направленно-

сти движения культурных слов. Из этого же следует, что теперь уже можно совершенно определенно провести границу между собственно тюркскими и собственно монгольскими компонентами лексических параллелей [4].

Результаты проведенного анализа свидетельствуют о том, что общую тюрко-монгольскую лексику можно разделить на две группы: одна из них, первичная, восходит к глубокой древности, к языку, не засвидетельствованному временем; другая, вторичная, появилась в результате взаимных, политических, экономических и культурных связей между различными монгольскими и тюркскими народами главным образом в средних веках.

Литература

1. *Понне Н.Н.* Грамматика письменно-монгольского языка. М.-Л., 1937, С.77-78.
2. *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков и общетюркские и межтюркские основы на гласные. М., 1974, С. 54-56.
3. *Сыдыков С.* Монгольско-тюркские языковые параллели. Фрунзе: Илим, 1983, С.5, 32-33.
4. www.garshin.ru (Сайт Андрея Гаршина. Информация по востоковедению)

Исследование частотности употребления прилагательного רָזִיז («сильный») в израильской прессе.

Вязигина Ксения Александровна

Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова

1. **Предметом исследования в широком смысле являются особенности сочетаемости синонимичных имен прилагательных в иврите.**
  - Известно, что абсолютных синонимов не существует. Во многих определениях синонимов указывается, что это слова, имеющие близкое или даже одинаковое значение, но обязательно чем-то отличающиеся друг от друга. Различия между синонимами, связанные с особенностями их сочетаемости, называются синтагматическими.
  - Исследование синтагматических различий между словами с синонимичным значением представляет существенный интерес не только с теоретической точки зрения (как явления чисто лингвистического), но и с практической. В этом я могла убедиться на соб-

ственном опыте за многие годы изучения иностранных языков (и не только иврита), а также за время преподавательской работы.

- Для не носителя языка ограничения слова по сочетаемости представляют существенную проблему. На пути совершенствования своих знаний он неизбежно сталкивается с невозможностью почувствовать оттенки различия между словами, в особенности между словами, обладающими сходным значением, то есть синонимами. В речи носителя слова связываются по привычке, традиционно. Самые употребительные сочетания заложены у нас в сознании, как в компьютере. (Наиболее частотные и привычные, сочетания, звучащие правильно и естественно для носителей языка принято называть *коллокациями*).
  - Для не носителя языка единственным способом усвоения особенностей сочетаемости слова является запоминание устойчивых выражений в качестве готовых клише. Очевидно, что для этого необходимы источники информации, на которые бы можно было опереться, то есть четкая классификация коллокаций.
  - На фоне описанной ситуации проблема коллокаций в области преподавания иврита сегодня выглядит особенно острой. Количество коллокаций в учебных текстах, подлежащих усвоению студентами, сравнительно невелико, а четкая систематизация по вопросу употребления слов в коллокациях отсутствует. Опора при изучении устойчивых выражений на данные толковых словарей, неизбежно ведет к ошибкам в употреблении: многие слова, имеющие сходные словарные определения (что позволяет рассматривать их как синонимы), в живом языке ведут себя совершенно по-разному.
  - Единственная известная мне работа, посвященная данной проблеме, – это работа д-ра Р. Халеви "עברית ב דגש לקסיקלי" [1]. Она посвящена явлению синонимии в области различных частей речи и заключается в составлении списков распространенных в иврите синонимов с их устойчивыми сочетаниями. Однако стоит отметить, что проведенное ею исследование во многом строится на интуиции. Объясняется это тем, что в то время, когда создавалась книга (а это было более 10 лет назад), возможности составления репрезентативной выборки просто не было, поскольку не было ни одного электронного архива израильской прессы. Сегодня такая возможность есть. Хотя единственным доступным пока в использовании является архив газеты "מעריב" [6], да и при работе с ним возникают значительные трудности.
2. Таким образом, цель, которая была поставлена в начале моего исследования, состояла в том, чтобы начать попытку создания

классификации наиболее употребительных коллокаций для ряда синонимичных имен прилагательных. В данном докладе я расскажу о результатах, которые были получены в ходе исследования и анализа частоты употребления группы прилагательных, объединенных общим значением ("חזק").

3. Работа проходила следующим образом:

- **В качестве отправной точки была взята работа Р. Халеви [1].**
Исследуя в своей работе синонимический ряд имен прилагательных со значением "חזק", Р. Халеви выделяет следующие синонимы: "איתן" – «устойчивый», «прочный», "אמץ" – «крепкий», «сильный», «смелый», "הדוק" – «тесный», «близкий», «сплоченный», "מוצק" – «веский», «крепкий». При этом приведен ряд коллокаций, рекомендуемых для использования с этими прилагательными.
  - **При помощи** изданных в последние годы **тезаурусов** ("אוצר המילים" ו"מילה במילה") [2 **список приведенных ею синонимичных имен прилагательных был существенно расширен.**
К перечисленным именам прилагательным были добавлены следующие:
«устойчивый, ста- бильный, крепкий»	"ציב"	–	«крепкий, тесный»	"מהודק"	–
«постоянный, ста- бильный, неизменный»	"סטטי"	–	«серьезный, осно- вательный»	"עמוק"	–
«устойчивый, непо- колебимый, твердый»	"נחרש"	–	«твердый устой- чивый»	"קשה"	–
«твердый, упрямый»	"תקיר"	–	«обоснованный, крепкий»	"מבוסס"	–
«твердый, неизмен- ный, окончательный»	"נחרץ"	–	«обоснованный, крепкий, веский»	"מאושש"	–
«постоянный», «не- изменный», «стабиль- ный»	"קבוע"	–	«обоснованный, веский»	"מיוסד"	–
«близкий, тесный»	"קרוב"	–			
- Далее значение всех отобранных имен прилагательных было проверено при помощи толковых словарей (естественно, что по ходу некоторое их количество было отсеяно). Я использовала такие словари, как "רב מילים" и "ספיר". [4,5]. В ходе проверки я также отмечала сочетания исследуемых имен прилагательных, приведенные этими словарями в качестве примеров или

этими словарями в качестве примеров или отмеченные как устойчивые.

- Важнейшим этапом работы был анализ частотности употребления отобранных синонимов и соответствующих коллокаций в израильской прессе при помощи электронного архива газеты "מעריב" [6], в результате которого для каждого слова из составленного списка была представлена классификация наиболее употребительных коллокаций. Частота употребления приведенных выражений проиллюстрирована диаграммами.

4. Сейчас не представляется возможным подробно рассказать о результатах исследования каждого имени прилагательного. Приведу наиболее интересные данные, полученные в ходе проделанной работы:

- Так анализ употребления прилагательного "איתן" показал, что его сочетание с существительными "מעמד", "מצב", а также с глаголом "לעמוד", отмеченные Р. Халеви относятся к числу распространенных. Однако наиболее часто данное прилагательное употребляется с существительным "בסיס" и существительными "עמידה \ עמדה". При этом ни в книге Р. Халеви, ни в словарях данные коллокации не приведены. Выражение "איתן בדעתו", также приведенное и в книге, и в обоих словарях характеризуется средней частотой употребления. В других упомянутых в используемой литературе сочетаниях "איתן" встречается значительно реже.

Кроме того, был отмечен также ряд интересных единичных случаев употребления данного прилагательного.

- В ходе анализа употребления прилагательного "אמיץ" можно прийти к выводу, что наиболее часто оно употребляется в тех значениях, которые приводит словарь "ספיר": смелый, "бесстрашный", "отважный" и используется, когда речь идет о решении, поступке ("החלטה", "צעד", "מעשה") или о человеке ("איש אמיץ"). Кроме того, в том же значении в единичных случаях оно употребляется и с другими именами существительными: "עם", "מאבק", "דיון", "ויכוח", "ניסיון", "נאום", "דיאלוג".

Оценивая частоту употребления данного прилагательного в значении "крепкий, сильный", особо стоит отметить выражение "קשר אמיץ", поскольку оно встречается наиболее часто. Это выражение отмечено и

Р. Халеви и словарем "רב מילים". То же касается и сочетаний "אמיץ" с таким существительным, как "ידידות", однако чаще встречается коллокация с синонимичным значением – "הברות אמיצה".

Кроме того, интерес представляют нигде не упомянутые, но широко употребительные коллокации "עמדה אמיצה" ("крепкая позиция"), "חבורה אמיצה" ("дружная компания"), "חברה אמיצה" ("крепкое общество").

Крайне редко (3) прилагательное "אמיץ" употребляется в сочетании с существительным "שיתוף פעולה" в значении "тесное сотрудничество"; выражение "מערכת יחסים אמיצה" ("крепкая система отношений") не встречается ни разу. При этом данные сочетания отмечены в работе Р. Халеви в ряду распространенных. Напротив, выражение "חיבוק אמיץ" ("крепкие объятия") достаточно распространено, хотя в рассмотренной литературе оно не приводится.

- Интересно отметить такое имя прилагательное как "קרוב". На первый взгляд его лексическое значение далеко от значения прилагательного "הזקן", но в определенном контексте между ними может наблюдаться явление синонимии. Так в словаре "רב מילים" приведены такие коллокации как

"יחסים קרובים" и "חברים קרובים". В результате анализа употребления прилагательного "קרוב" в архив "מעריב" выяснилось, что выражение

"חבר/ידיד קרוב" действительно очень широко употребляется в современном языке. А вот выражение "יחסים קרובים" не встречается ни разу. В рамках рассматриваемых значений интерес также представляет тот факт, что достаточно часто прилагательное "קרוב" употребляется в таких коллокациях, как "тесная связь" ("קשר קרוב"), "тесный контакт" ("מגע קרוב"), "близкое окружение" ("סביבה קרובה").

5. Итогом исследования данной группы имен прилагательных явилось сопоставление данных по использованию их в сочетании с определенными именами существительными. Эта информация позволяет сделать вывод о реальном соотношении частоты употребления синонимичных коллокаций в современном языке. Выводы представлены в виде диаграмм.

К примеру, мы видим, что и прилагательное "אמיץ", и прилагательные "הדוק" и "קרוב", также включенные в данный синонимический ряд, могут употребляться в сочетании с существительным "קשר". На итоговой диаграмме видно соотношение частоты их употребления в данной коллокации. Представлены также

коллокации Представлены также данные и по другим именам прилагательным.

Подобным образом были обобщены данные и для других имен существительных.

6. Подводя итоги, следует отметить, что в результате проведенного исследования были достигнуты следующие цели:

Во-первых, список синонимов Р. Халеви [1], был существенно расширен на основе данных тезаурусов [2-3].

Во-вторых, в ходе анализа употребления полученных коллокаций по данным архива "מעריב" [6] выяснилось, что употребление многих из них является крайне редким; в то же время оказалось возможным существенно расширить список коллокаций для большинства членов синонимического ряда.

В третьих, для каждого из рассмотренных синонимов представлена новая классификация коллокаций (с указанием частоты употребления каждой из них). Данная классификация может быть использована как студентами, так и преподавателями иврита при изучении лексического аспекта языка.

7. Проведенное исследование является лишь попыткой начала создания классификации коллокаций синонимичных имен прилагательных в иврите. Материал, взятый для исследования, достаточно ограничен в объеме, а данные для анализа были получены только путем исследования употребления прилагательных в газете "מעריב". Для более масштабного исследования необходимо произвести расширенную выборку имен прилагательных, провести анализ на большем количестве синонимических рядов и проверить правомочность сделанных выводов, как на материале архива газеты "הארץ", так и в художественной литературе.

Таким образом, главнейшим итогом проведенной работы является то, что намечаются новые перспективные направления в области исследования коллокационных рядов имен прилагательных в иврите.

Литература

1. רבקה הלוי. עברית בדגש לקסיקלי. הצטרפויות מוגבלות, אידיומטיות למחצה ללומדי עברית מתקדמים. האוניברסיטה העברית בירושלים. אקדמון, תשנ"ד.
2. פרופ' חיים רבין, ד"ר צבי רדי. אוצר מילים (מילים, צרופים ואמרות מסודרים לפי תחומי משמעות). הוצאת "קריית ספר" בע"מ ירושלים. 1998.
3. איתן אבניון. מילה במילה (אוצר המילים הנרדפות, ניגודים ושדות סמנטיים). איתאב בית. הוצאה לאור בע"מ. ישראל, 2000.
4. שוויקה יעקב. רב מילים. המילון השלם לעברית החדשה שישה כרכים. סטימצקי, המרכז לטכנולוגיה חינוכית, ידיעות אחרונות וספרי חמד. 1997.

5. איתן אבניון (בשתתפות אנשי לשון הינוך ומדע). מילון ספיר. מילון עברי אנציקלופדי בשיתוף ההווה. חד ארצי הוצאה לאור אליאב בית הוצאה לאור. 1998.

6. <http://www.maariv.co.il>

7. Степанова Галина Васильевна, Шрамм Александр Николаевич. Введение в семасиологию русского языка. – Калининград: КГУ, 1980

Изменения в системе именных (согласовательных) классов в языках банту.

Дорохина Мария Олеговна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Без преувеличения можно сказать, что Африка – это континент классификативных систем, причем ядром функционально-семантического поля классификативности в огромном числе языков является категория именных классов (см. В.А. Виноградов). Так, характерной чертой грамматического строя языков банту, распространенных по всей Центральной, Восточной и Южной Африке, является система именных (согласовательных) классов.

Проблема именных классов в африканских языках давно привлекает к себе внимание лингвистов, а также этнографов, поскольку некоторые модели именных классов отражают представления людей об окружающих их явлениях. Именная классификация представляет несомненный интерес с точки зрения типологии, поскольку сфера распространения языков с именными классами весьма обширна. Кроме того, именная классификация важна и для изучения конкретных языков, поскольку она является существеннейшим разделом грамматики.

Что же представляет собой категория именного (согласовательного) класса?

В африканистике существует два понимания данной категории, которые условно можно соотнести с именами двух классиков африканского языкознания – Д. Вестермана и А. Клигенхехена. Для Д. Вестермана важнейшими критериями при определении языка с именными классами были:

- наличие групп имен, объединяемых идентичным показателем и противопоставляемых друг другу формально с помощью этих показателей;
- наличие в рамках этих групп пар имен, соотносительных по признаку числа, которое выражается теми же классифицирующими аффиксами.

По мнению же А. Клигенхехена основным критерием для выявления подлинного языка с именными классами является согласование.

В настоящее время общепринятой является точка зрения, согласно которой наиболее адекватное описание системы именных классов возможно лишь при условии учета трех аспектов: морфологического, синтаксического (согласовательного) и семантического.

Многие ученые соотносят систему именных классов с понятием рода в европейских языках. Так, П. Кузнецов полагает, что «с грамматической точки зрения подразделение на классы ничем не отличается от нашего подразделения на роды».

В настоящее время выделяют 23 именных класса. Впервые нумерация классов была предложена Бlichem и сохраняется с некоторыми дополнениями и по сей день.

Но, несомненно, сама система именных (согласовательных) классов с течением времени претерпела значительные изменения. Перемены, произошедшие со времени Блика и Майнхофа, коснулись как нумерации, так и содержания классов.

В данной работе мы попытались определить характер этих изменений на примере языков банту, были выявлены следующие процессы:

- a) исчезновение отдельных классов
- b) контаминация классов
- c) изменения в системе локативных классов
- d) расширения функций именованного показателя (процесс формирования инновационного разряда наречий на примере языка суахили)
- e) категория одушевленности-неодушевленности (на примере языка суахили)
- f) расслоение смыслового значения классов (на примере семантики класса *ki*- в языке суахили)

Нормативный канон и авторское начало: структурный анализ поэтической формы *цы* на примере творчества Су Дунпо (1036–1101)

Дрейзис Юлия Александровна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Данная работа представляет собой попытку выявить, каким образом – на уровне формальной организации текста – в поэзии традиционного типа находило выход авторское начало. Обычно считается, что тяготеющая к канону традиционная литература с ее системой правил и запретов способна была предоставить в распоряжение автора весьма неширокое поле для реализации его творческого потенциала. Результаты проведенного исследования свидетельствуют об обратном.

Детальное изучение средневековой поэтической формы *цы*, или городского романса, демонстрирует весь диапазон гибкости не допускающей, казалось бы, отклонений системы регулярного стиха. Этот традиционный жанр был выбран в качестве объекта исследования не случайно. *Цы* отличается чрезвычайной жесткостью своей формальной структуры, которая в значительной степени задается предписаниями ритмико-мелодической схемы (*цытай* или *цыту*), и, как следствие, бескомпромиссной строгостью предъявляемых к автору *цы* требований, связанных с внутренней организацией текста.

Китайское стиховедение традиционно выделяет три основные формальные особенности жанра *цы* [1]:

1. жестко устанавливаемое количество знаков в произведении;
2. различная длина строк (от двух до одиннадцати элементов);
3. определенная схема внутрисклонного чередования ровного и модулированного («косого») тонов.

Все эти три аспекта изначально обуславливались мелодическим рисунком музыкальной композиции, на которую писались слова, а впоследствии – фиксированной схемой. Ритмико-мелодические схемы, использовавшиеся для написания *цы*, уже после того, как было утрачено большинство мелодий, в XVIII в., по приказу одного из императоров были собраны в книге «Высочайше утвержденные *цыту*» («Циньдин *цыту*»). При анализе поэтических текстов в данной работе использовался сборник ритмико-мелодических схем Чэнь Минъюаня [4], который содержит 88 наиболее распространенных схем.

В ходе исследования был проведен анализ пяти стихотворений, написанных с использованием различных *цытай* одним из величайших поэтов китайской литературы Су Дунпо (1036–1101), сделавшим немало для утверждения жанра *цы* в качестве равноправного в системе традиционной китайской литературы. Сначала были составлены ритмико-мелодические схемы конкретных произведений, а затем выполнено их сопоставление с идеальными схемами, которые приводятся в сборниках. Для удобства схемы были представлены в виде таблиц с пронумерованными строками и столбцами. Чтобы показать реализацию схемы в области рифмовки, отдельно были представлены знаки, расположенные в рифмующихся позициях, и определены этимологический тон и название класса рифм *цы* (по списку классов рифм, представленному в книге Ван Ли), рифм *ши* и рифм словаря «Гуанъюнь» для каждого знака, а также возможные чтения знаков по реконструкции С. Старостина [3]. Таким образом было показано, соблюдаются или нет в каждом конкретном случае требования рифмовки.

Анализ поэтической формы *цы* наглядно продемонстрировал, что даже в рамках такого рода всесторонне регламентируемой системы

существовали возможности для полноценной реализации творческого потенциала автора. Это обеспечивалось, с одной стороны, определенной гибкостью самой системы. Примером тому могут служить такие явления, как наличие позиций, где допускалась замена тона на противоположный, что влекло изменение всего тонального рисунка, наличие «запасных» вариантов ритмической организации строк и т.п.

С другой стороны – помимо узаконенных традицией отклонений, в эталонных стихотворениях признанного классика жанра был обнаружен ряд явлений, находящихся на периферии или выходящих за пределы нормативного канона. Так, для творчества Су Дунпо в высшей степени характерно перенесение приемов, типичных для поэтической формы *ши* (использование параллелизмов-*дуйчжан*, снабжение *цы* собственными названиями и прозаическими предисловиями и др.), в область приемов *цы*. Если того требует художественная выразительность, поэт не чуждается и радикального слома структуры: например, в стихотворении на мелодию *Шуйдяогэтоу* («Напев клепсидры») встречается ничем не оправданное появление лишнего знака, не предусмотренное схемой. Кроме того, наблюдаются нарушения правил рифмовки (не подкрепленная на содержательном уровне смена рифм без применения смежной полирифмы). Причиной тому служит тот факт, что современники Су Дунпо уже не различали импловивные окончания слогов «входящего» тона, а, значит, могли рифмовать эти слоги между собой. Чем больший отрезок времени отделял поэтов от авторов первых *цы*, тем менее грубым выглядело подобное смешение, однако его возможность по-прежнему нигде не фиксировалась.

Все это доказывает, что в традиционной литературе при синтезе художественного текста нарушение отдельных предписаний было вполне допустимым, если автор, принимая своеобразные «правила игры», наращивал на каркас структуры произведение со своим индивидуальным стилем, способное выразить его талант живого поэтического языка. Средневековый поэт, не чувствуя себя более стесненным в средствах, чем любой автор Нового времени, мог сравнительно свободно оперировать теми возможностями, которые давала ему литературная традиция. Тем, что отличало его от наших современников, был другой тип сознания и восприятия себя и своей литературной продукции, а отнюдь не шаблонность творческого метода. Так, несмотря на привязку к нормативной технике, литература традиционного типа углубляла и усиливала многозначность художественного слова и образа и воспроизводила себя в соответствии с «эстетикой тождества» на протяжении многих столетий.

Литература

1. Ван Ли. Китайское стихосложение. Шанхай, 1958.
2. Серебряков Е.А. Китайская поэзия X-XI веков. Жанры ши и цы. Л., 1979.
3. Старостин С.А. Реконструкция древнекитайской фонологической системы. М., 1989.
4. Чэнь Минъюань. Подробное ознакомление с общеупотребительными цыпай. Пекин, 1986.

Некоторые проблемы изучения тюркской фразеологии: статус сложных глаголов

Заворотнова Ирина Александровна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Общая теория фразеологии получила за последние десятилетия достаточно детальную разработку на материале не только русского, но и других европейских, а также восточных языков, что может служить как основой изучения фразеологии тюркских языков, так и базой для сопоставления фразеологических систем русского и тюркских языков. В отечественной тюркологии имеются работы, посвященные развитию фразеологии, исследованию устойчивых словосочетаний и образованию сложных слов. В то же время системы фразеологизмов в отдельных тюркских языках изучены не так глубоко, до сих пор не отработана строгая классификация фразеологических единиц.

Одной из наиболее актуальных и спорных в тюркологии является проблема статуса в языковой системе сложных слов – составных лексических единиц. Тюркологи спорят не только о том, какое место они занимают в системе языка, но и решают, стоит ли относить сложные слова к фразеологизмам. А.А. Юлдашев говорил, что «сложные слова, которыми изобилуют тюркские языки, особенно их терминология, до сих пор не получили удовлетворительной разработки ни в словарях, ни в грамматических описаниях» [7, с. 4].

Структурная и дескриптивная лингвистики весьма мало уделяют внимания словосложению, сложным словам, обходят стороной исследование значений, семантики таких языковых единиц, их частеречную принадлежность, характеристику несвободных словосочетаний, композит и пр. [1] Однако сущность сложного слова, даже его формально-структурное строение невозможно определить без опоры на его семантику. Сложное слово представляет собой диалектическое единство формы и содержания, которое не всегда учитывается представителями указанных школ [ср.: 3, 6].

В традиционной тюркологии словосложению в разных языках посвящена обширная литература, поскольку сложные слова, как среди имен существительных, так и особенно глаголов занимают значительное место. Российские тюркологи, в отличие от западных, в связи с этим широко обсуждают явления словосложения в их соотношении с процессами фразеологизации. Исследователями предложен ряд принципов определения характерных особенностей словосложения в тюркских языках, классификации сложных слов.

Монография С.Н. Муратова «Устойчивые словосочетания в тюркских языках» – первая фундаментальная работа, посвященная этой проблеме на материале ряда языков (главным образом, татарского и башкирского). В книге автор так определяет это явление: «Устойчивые словосочетания в тюркских языках представляют собой сложные языковые единицы, состоящие из двух или более слов, объединенных в неразложимые лексические, грамматикализованные и фразеологические единства. Они возникают путем словосложения или в результате лексико-семантической и грамматической трансформации моделей свободных словосочетаний. При этом либо формируются новые лексические единицы, либо модифицируются значения существующих лексических единиц, либо выражаются грамматические значения и функции, либо появляются новые стилистические средства языка» [5, с. 6].

Известный татарский лингвист Ф.А. Ганиев придерживается определения, предложенного в книге К.Л. Ряшанцева: «сложное слово – лексическая единица, состоящая из двух (и редко более) корневых морфем с суффиксами и без них, объединенных семантически, морфологически и акцентологически».

Образование сложных слов в сфере имен происходит:

- 1) путем сложения основ;
- 2) путем перехода словосочетаний в сложные слова без формально-грамматических изменений; часто путем их конверсии (*akağaç* ‘береза’ – букв. ‘белое дерево’) [2].

Что касается первого способа, то его можно иллюстрировать примерами из турецкого языка, в котором есть слова (основы), встречающиеся лишь в составе сложных лексем: *-hane* (*kütüphane* ‘библиотека’, *tamirhane* ‘ремонтная мастерская’); *-stan* (*Yunanistan* – Греция). В основном такие слова (основы) – это заимствования из арабского и персидского языков и они отдельно не употребляются. С точки зрения материальной они напоминают форму отдельного слова (как в исходном языке), а с точки зрения функционирования они ближе к аффиксам. Поэтому мнения лингвистов разделяются: некоторые считают их аффиксами или полуаффиксами, а другие – полусловами. Академиче-

ская грамматика русского языка такие сложения рассматривает как композиты.

Образования данного типа в тюркских языках, как представляется, также следует отнести к сложным словам и исследовать их как результат словосложения.

Что касается сложных глаголов, то упоминание о них можно найти в каждой грамматике, имеются и специальные исследования. Первые сведения о сложных глаголах мы встречаем в грамматике А. Казембека (1836 г.), он их называл составными глаголами. В.А. Гордлевский, описывая способ образования сложных глаголов по модели “масдар + вспомогательный глагол”, отмечает наличие в турецком языке четырех вспомогательных глаголов: *etmek*, *çilemek*, *kılmak*, *olmak*. Например, укажем турецкие сложные глаголы: *teklif etmek* ‘предлагать’; *affetmek* ‘прощать’, *zannetmek* ‘полагать’ (два последних – “идиоматизированные” композиты, слившиеся в одно целое слово); *teslim olmak* ‘сдаваться’, *namaz kılmak* ‘совершать намаз’, *mümkün kılmak* ‘сделать возможным’; *dalgin bulunmak* ‘быть рассеянным’.

А.Н. Кононов в своих грамматиках представляет весьма полную структурно-семантическую картину сложных глаголов.

Именно вопрос о статусе конструкций типа “имя + глагол с отвлеченно-номинативным значением” и является одним из спорных. Эти конструкции изучались до сих пор в связи с рассмотрением тех или иных вопросов глаголообразования. В большинстве работ, где этот вопрос затрагивался, обычно не определяется не только место таких конструкций в морфологической структуре языка, но и их статус как отдельных лексических единиц.

Устойчивые глагольные сочетания с точки зрения их фразеологических свойств в тюркологии практически не были объектом специального исследования. Действительно, допустимо ли композиты, образованные по модели “имя + номинативный глагол” считать особым типом фразеологизмов-идиом?

Так, Ф.А. Ганиев, считая такие глаголы сложными словами, утверждает, что многие из них образованы от свободных глагольных словосочетаний, существующих в языке или существовавших ранее. Другие же, у которых в настоящее время нет соотносительных свободных словосочетаний, скорее всего образованы путем лексикализации реальных словосочетаний, возможно существовавших в языке раньше. Таким образом, значительное количество сложных глаголов в языке появилось путем перехода свободных глагольных словосочетаний в сложные слова. Процесс перехода шел постепенно. Вполне вероятно, что отдельные сложные глаголы образовывались также по модели сложения глаголов, но ныне большинство всех существующих сложных глаголов

(глагольных композитов) носит в тюркских языках явный фразеологизированный характер, они превратились в устойчивые единицы языка. Однако процессы глаголообразования по указанным моделям в настоящее время трудно восстановить, поскольку они в истории языка весьма динамичны и подвижны [4, с. 82-98].

В целом, однако, следует сделать вывод, что с точки зрения фразеологии сложные слова и прежде всего сложные глаголы должны рассматриваться в рамках фразеологизированных словосочетаний.

Литература

1. Блумфильд Л. Язык. М., 1968.
2. Бююктулу Й. Сопоставительный анализ русских и турецких устойчивых сравнительных оборотов с зоонимами. Киев, 1999.
3. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977.
4. Ганиев Ф.А. Образование сложных слов в татарском языке. М., 1982.
5. Муратов С.Н. Устойчивые словосочетания в тюркских языках. М., 1961.
6. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. М., 1985.
7. Юлдашев А.А. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965.

Особенности грамматического оформления прилагательных в китайском языке в грамматической концепции Чжу Дэси

Кондрашевский Сергей Александрович

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

По способу обозначения качества в категории прилагательного современного китайского языка можно выделить класс простых прилагательных, которые в количественном и структурном отношении представляют собой односложные слова (大 да «большой», 红 хун «красный») и двусложные прилагательные (干净 ганьцзин «чистый», 聪明 цунмин «умный»). Все эти односложные и приравненные к ним двусложные прилагательные обозначают постоянный признак в чистом виде без указания на возможность изменения его интенсивности.

Регулярным способом образования формы интенсивного проявления признака таких прилагательных является сочетание прилагательного с грамматизированными наречиями степени (很大 хэнь да «очень

большой»), 挺好 тин хао «очень хороший») или чисто лексическими средствами (非常漂亮 фэйчан пяолян «очень красивый»).

По сочетанию с наречиями степени обнаруживается один важный подкласс - прилагательные абсолютного качества (真 чжэнь «подлинный»), 假 цзя «ложный»), которые не сочетаются с наречиями степени.

К другому классу прилагательных относятся такие двусложные прилагательные как 冰凉 бинлянь, 通红 тунхун. По своей структуре они представляют собой собственно прилагательные с определениями, которые описывают степень проявления признака, выраженного этим прилагательным.

Эти два класса прилагательных различаются по способу образования редупликации, с помощью которой образуется форма интенсивности прилагательного. Односложные прилагательные А имеют форму редупликации АА. Двусложные прилагательные АВ образуют форму удвоения ААВВ. Прилагательные с определениями АВ образуют редупликации ААВВ путем удвоения двусложного прилагательного целиком или путем удвоения только определения к прилагательному (通红 тунхун : 红通通 хун тунтун).

Односложные прилагательные с точки зрения их семантики выражают чистое качество. Двусложные указывают на то, что это качество связано с идеей «меры» или субъективной оценкой говорящим этого качества, выраженной ее прямым описанием (冰凉 бинлянь «холодный как лед») или сочетанием с грамматизированными наречиями степени, которые указывают интенсивность признака безотносительно к его конкретному проявлению.

Различия между прилагательными этих двух классов в синтаксической позиции определения к имени существительному показывают особенности грамматического оформления прилагательных в функции определения.

Существуют две формы определений, выраженных односложными прилагательными: прямое примыкание к определяемому (白纸 бай чжи «белая бумага») и его оформление суффиксом -дэ: 白的纸 байдэ чжи «бумага, которая бела». Определение, выраженное прилагательным с определением, д.б. оформлено суффиксом - дэ (雪白的纸 сюэбайдэ чжи «белоснежная бумага»).

Различия этих двух типов определений получили отражение в синтаксических конструкциях: если перед определяемым находится счетный комплекс, то простые прилагательные примыкают непосредственно к определению без суффикса -дэ (-朵红花儿 «один красный цветок»). При этом построение 红 (的) -朵花儿 «красный один цветок» невозможно. Прилагательные с определением могут примыкать как счетному комплексу, так и к определяемому, но в обоих случаях оформление суффиксом -дэ является обязательным: -朵鲜花儿 «Один ярко красный цветок» и 鲜红的-朵花儿 «ярко красный один цветок» одинаково законны.

С точки зрения внутренних структурных связей, различия между этими двумя формами велики. Синтаксическая связь односложных прилагательных со своими определяемыми является настолько не свободной, что Чжу Дэси допускает аналогию с отношениями между морфемами внутри многосложных слов. Эта аналогия усиливается тем, что односложное определение по своей семантике является естественным признаком референта определяемого и, как правило, не может быть произвольно заменено. Так можно сказать 白纸 «белая бумага», 白头发 «белые (седые) волосы», но нельзя сказать *白手 «белая рука», *白家具 «белая мебель».

Однако, при сочетании наречия степени с односложным прилагательным, оформленным суффиксом -дэ, появляется возможность образовать определения к имени существительному: *白手бай шоу «белая рука» невозможно, между тем как 雪白的手сюэбайдэ шоу «белая рука» вполне возможно.

Следует указать, что в некоторых случаях односложные и приравненные к ним двусложные прилагательные допускают оформление морфемой的-дэ (深的书шэньдэ шу «глубокая книга», 窄的布чжадэ бу «узкая материя» и т. п.). Отсюда следует, что лексические единицы с определениями, выраженными односложными и приравненными к ним двусложными прилагательными, имеют сильную тенденцию к синтаксической устойчивости.

Грамматическая природа форм с суффиксом -дэ при односложных и многосложных прилагательных различна. Односложные прилагательные и приравненные к ним двусложные при оформлении суффиксом 的 -дэ приобретают субстантивное значение, а при таком же оформле-

нии описательных двусложных прилагательных они этого значения не приобретают.

Форма А的(здесь и далее так мы будем обозначать односложные прилагательные и приравненные к ним двусложные с суффиксом的 -дэ) как и имя существительное может сочетаться с числительным или указательным местоимением (一个大的 игэ дадэ «один большой», 那件新的 нацзянь синьдэ «тот новый»). Перед В的 (здесь и далее так мы будем обозначать описательные двусложные прилагательные с морфемой的-дэ) ни числительное, ни указательное местоимение поставить нельзя (*一个大大的 «один великоватый», *那个很新的 «тот очень новый»).

Когда А的 выступает в качестве сказуемого, ему должна предшествовать связка (这个是大的 «этот - большой», 那件是新的 «тот - новый»). Для В的 в функции сказуемого связка не требуется, поскольку оно образует сказуемое непосредственно без связки.

Прилагательные в форме А的 не сочетаются с определениями, между тем как формы В的 сочетаются. Прилагательные в форме А的 не выступают в качестве определения к глаголу, а прилагательные в форме В的 – регулярно выступают в этой роли, что позволяет заключить: отдельное односложное прилагательное оформленное суффиксом -дэ номинативно, а двусложное прилагательное с тем же суффиксом по своей природе предикативно.

Среди описательных двусложных прилагательных имеется несколько особых форм; наиболее яркая из них – это форма превосходной степени, образованная сочетанием наречий степени (дин, цзуй, гэн) с прилагательными (цзуй цзиньдэ «ближайший», дин пянйидэ «самый дешевый»), не могущие непосредственно выступать в роли сказуемого или в роли результативного модификатора, представляют собой типичные номинативные конструкции.

Для китайского языка вообще характерно образование именных атрибутивных словосочетаний, где определение не требует оформления суффиксом -дэ. Для образования такого словосочетания достаточно примыкания двух существительных (纸老虎 чжи лаошу «бумажный тигр», 中国人民 чжунго жэньминь «китайский народ»). То же самое относится к счетным комплексам, которые также никогда не оформля-

ются суффиксом -дэ. Кроме того вполне вероятно образование сложного именного определения к одному существительному.

Самыми яркими примерами обозначения качества в форме имени существительного являются именны формы цветообозначения, которые не оформляются суффиксом -дэ (米色 «рисовый», 咖啡色 «кофейный»). Более того, с прибавлением к таким прилагательным как 红 хун «красный», 黄 хуан «желтый» именной морфемы 色 сэ «цвет», их грамматическая форма из качественной превращается в именную. Такого рода слова не только могут служить определением к существительному. Однако иногда сочетание определения с существительным 色 сэ «цвет» бывает обязательным (黄色新闻 «желтая пресса»).

Односложные прилагательные в некоторых отношениях отличаются от приравненных к ним двусложных по своим синтаксическим свойствам. В отличие от собственно односложных прилагательных большинство двусложных, приравненных к ним, при оформлении морфемой -дэ не становится номинативными единицами. Двусложные прилагательные в устном языке могут служить определениями к собственным именам и личным местоимениям, а в современном письменном языке эти прилагательные с суффиксом -ди (или -дэ) могут служить определением к глаголу.

Однако двусложные прилагательные, приравненные к односложным, также четко отличаются и от описательных двусложных прилагательных, поскольку могут выступать как сказуемое без связки и как результативные модификаторы в сложных глаголах.

Литература

1. Чжу Дэси, 现代汉语语法研究 (Исследование по грамматике современного китайского языка). Шан'у. Пекин, 2001.
2. Драгунов А.А., Исследования по грамматике современного китайского языка. Издательство АН СССР, 1952.
3. Драгунов А.А., Грамматическая система современного китайского разговорного языка. Л., 1962.

К вопросу об употреблении форманта *vālā* в языке хинди

Кононова Татьяна Владимировна

Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

Формант *vālā* – структурно-грамматическое средство языка хинди, способное присоединяться к различным частям речи, выражая при

этом разнообразные отношения между частями предложения. Данный формант чрезвычайно широко распространен в разговорной речи населения Индии и все чаще встречается в литературном письменном языке. Тем не менее, авторы большинства существующих грамматик языка хинди уделяют крайне мало внимания этому форманту, упоминая его лишь как словообразовательный суффикс существительных. Несколько более подробно данная проблема разрабатывалась Чернышевым В.А., изучавшим образования "существительное + *vālā*", а также этот вопрос затрагивался Дашенко Г.М. в диссертационной работе по языку урду. Полный анализ употребления данного форманта с различными частями речи не представлен, тем не менее, ни в одной работе.

Как уже было сказано, формант *vālā* способен присоединяться к различным частям речи, при этом он оформляет некий характерный, наиболее показательный признак предмета или лица. Употребленный с существительным, формант *vālā* указывает на то качество или свойство, которое выделяет данное лицо или предмет из ряда похожих. Так, в сочетании *reṣam vālī śāl* ('шелковая шаль', 'шаль из шелка') из ряда различных шалей выбирается именно шелковая (а не шерстяная или синтетическая).

В зависимости от контекста формант *vālā* способен выражать широкий спектр отношений между именами: указание на материал (см. предыдущий пример), занятие (*akhbār vālā laṛkā* – 'мальчик – разносчик газет'), местоположение (*dillī vālā ghar* – 'дом в Дели'), назначение (*vayaskō vālī filmē* – 'фильмы для взрослых') и многие другие.

Существительное, выступающее в составе атрибутивного сочетания с *vālā*, в свою очередь может иметь при себе другие зависящие от него слова, образуя вместе с ними целый атрибутивный оборот. Например: *chah nākhūn vālā kachuā* 'черепаха с шестью когтями', *mīṭhāiyō kī dukān vālā ādmī* 'хозяин магазина сладостей'.

От инфинитива глагола с помощью *vālā* может быть образовано причастие намерения (*maī jāne vālā hū* – 'я собираюсь уходить'), причастие прошедшего времени (*marne vālī laṛkī* – 'умершая девушка'), настоящего времени (*hāsne vālā laṛkā* – 'смеющийся мальчик'), или причастия ближайшего будущего (*pitā jī āne vāle haī* – 'папа сейчас придет'). Кроме того, формант *vālā* может выражать и хабиутальное значение, например, *hīṭī bolne vāle log* – 'люди, говорящие на хинди'. Как видно из предыдущего примера, у глагола, оформленного формантом *vālā*, могут быть зависимые. В составе оборота с *vālā* инфинитив глагола способен присоединять как прямое, так и косвенное дополнение, а также различного рода обстоятельства. Например: *barD flū rokne vālī davāī* 'лекарство, останавливающее птичий грипп', 'лекарство от

птичьего гриппа', *šukrvār ko hone vālā cunāv* 'Выборы, которые состоятся в пятницу'.

Чрезвычайный интерес представляет изучение сочетаний форманта *vālā* с такими лексико-грамматическими разрядами лексики, которые, на первый взгляд, в этом не нуждаются: прилагательными и указательными местоимениями. Например: *sastā vālā kapRā* 'дешевая одежда', *yah vālī ūglī* – 'это кольцо'. В.А.Чернышев утверждает, что такое употребление *vālā* не меняет значения слова. Мы же склонны считать, что присоединение *vālā* вносит добавочный оттенок значения. Например: *acchī cāy* – это 'хороший чай' (вкусный, приятно пить), в то время как *acchī vālī cāy* – 'чай хорошего качества' (правильно обработанный, дорогой). Отметим также неправильность **acchī vālī bahan* 'хорошая сестра', что связано, по-видимому, с отсутствием возможности выбора из ряда объектов.

Посредством форманта *vālā* как определение к имени может функционировать даже целое предложение. Например: *yānī ki 'yū skraic māī baik, āī skraic yuar baik' vālā rištā thā* 'То есть отношения были, как в поговорке «Ты чешешь спину мне, я чешу спину тебе»'.

Таким образом, даже если употребление *vālā* с одиночным существительным может рассматриваться как аффиксация, как это делается в грамматиках, то способность *vālā* оформлять целые словосочетания и даже предложения явно выходит за рамки словообразования. Кроме того, в отличие от большинства словообразовательных показателей, данный формант характеризуется способностью выражать очень широкий ряд отношений между частями предложения и сочетаемостью практически со всеми знаменательными частями речи. Тем самым, можно утверждать, что формант *vālā* следует характеризовать как синтаксическое средство послеложного типа, служащее для оформления в функции определения отдельных слов, а также более крупных образований.

Литература

1. Даценко Г.М. Семантический анализ атрибутивных синтагм, состоящих из конкретных существительных (на материале языка урду): дис. канд. филол. наук. М., 1974.
2. Ульциферов О.Г. Практическая грамматика современного литературного языка хинди. М., 2005.
3. Чернышев В.А. Просторечные элементы в синтаксисе литературного хинди. // Индийская и иранская филология. М., 1971. – С.142-151.
4. Чернышев В.А. Функциональная роль форманта *vālā* в хинди (образования «имя + *vālā*»). // Индийская и иранская филология (вопросы диалектологии). М., 1974. – С. 251-274.

5. Чернышев В.А. Хинди в современной Индии. М., 1998.

К вопросу о генезисе и эволюции жанра литературной сказки в турецкой литературе

Ларионова Евгения Ивановна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

1. Литературная сказка, широко представленная в художественной традиции Запада и Востока, имеет длительную историю существования. С момента своего возникновения она была неразрывно связана и постоянно взаимодействовала со своей типологической предшественницей – народной сказкой, благодаря чему происходило обогащение как литературы, так и фольклора. В эпоху всевластия письменного текста (XIX-XX вв.) литературная сказка по степени распространения практически полностью вытеснила сказку народную. Появление большого количества образцов литературной сказки (XIX-XX вв.), в свою очередь, вызвало к жизни теоретические дискуссии по проблемам дефиниции, классификации и, прежде всего, генезиса и эволюции этого сложнейшего явления, существующего на стыке между литературой и фольклором.

2. В генезисе и эволюции турецкой литературной сказки, обусловленных взаимодействием различных традиций (устных и письменных, западных и восточных), условно может быть выделено несколько этапов.

3. Первый этап (с XIII по XVII вв.) характеризуется невыделенностью литературной сказки из литературно-фольклорного синтеза. Появившаяся на арене Средневековья и имевшая к тому времени богатую фольклорную традицию турецкая словесность включилась в мировой литературный процесс на основе арабо-персидского наследия, воспринятого ею как своего рода культурная античность. Произошло это во многом благодаря переводам, а затем и устному распространению арабо-персидских письменных источников, восходящих к индийским образцам, также имеющим фольклорную основу. Большую роль в формировании литературно-фольклорного синтеза сыграло также искусство народных рассказчиков (у иранцев и арабов этих декламаторов называли равиями и др., у турок – меддахами и др.), которые стали проводниками между двумя видами художественной словесности – литературой и фольклором. Творчество этих рассказчиков, сюжетную основу которых составляли, прежде всего, сказки, - своеобразная лаборатория по переплавке традиционных сказочных сюжетов, получавших стилистическое оформление в творчестве каждого отдельного меддаха.

Собственно литературная сказка, начавшая выкристаллизовываться гораздо позже, своими корнями уходит в этот пласт художественной словесности.

4. Второй этап (XVIII в.) связан с появлением в турецкой литературе сочинения «Мухаййелат» («Фантазии») Али Азиза-эфенди, представляющего нам одним из первых образцов литературной сказки. Здесь традиционная сказочная поэтика, узнаваемая по некоторым компонентам, как, например, отдельные сказочные мотивы (мотив заочной влюбленности по портрету и др.), волшебные персонажи и предметы (зеркальце, говорящее правду; заводной золотой конек и др.), некоторые стилистические приемы (например, формула переноса действия на другого персонажа, традиционная образность и др.), трансформируется с учетом специфики жанра этого произведения, которое еще не является литературной сказкой, но характеризуется многими учеными как «авторское обрамленное повествование полуфольклорного типа» [1, с. 140]. Али Азиз использует сказочные истории из различных сборников (как восточных, так и псевдо-восточных, т.е. стилизованных европейцами под восточные – «Тысяча и одна ночь», «Тысяча и один день»), komponуя их по своему усмотрению, смещает акценты и насыщает действие реалистическими деталями, что подчас служит для выражения того или иного суфийского положения. В стилистическом поле произведения также отчетливо видна воля автора, о чем свидетельствует речевая дифференцированность (употребление высокой речи при обращении к падишаху; низкой – в бытовых диалогах).

5. На третьем этапе (XIX в.), хронологически соответствующем турецкому Просвещению, которое характеризуется активным освоением европейского материала, куда подпадает и литературная сказка, оригинальных произведений в данном жанре не создается. Многие турецкие писатели переводят сказки Лафонтена (например, Ибрагим Шинаси, Ахмед Митхат и др.). Таким образом, данный этап генезиса и эволюции жанра литературной сказки можно характеризовать как период накопления и осмысления.

6. Четвертый этап (XX в.) связан с появлением, с одной стороны, собственно литературной, т.е. индивидуально-авторской сказки, а с другой стороны – фольклористической сказки, в большинстве случаев представленной писательскими переработками существующих народных сказок.

Появление сказок первой группы связано с именем Зии Гёкальпа (1876 – 1924), идеолога пантюркизма и пантуранизма, продолжателем традиций турецкого Просвещения XIX в. В поэмах-сказках и прозаических сказках, вошедших в сборники «Красное яблоко» (1915) и «Золотой свет» (1923) он, используя сюжетную канву и стилистику народной

сказки при подключении как фольклорных, так и собственных новаторских образов, метафорически изображая действительность, выдвигает националистические идеи (например, в сюжетной канве сказки «Безрукая госпожа» ('Kolsuz Hanım') прочитываются события национально-освободительной войны, при этом основными сказочными персонажами являются аллегорические образы сестры Ай (Турция) и брата Ыылдыз (ислам), которые, потеряв родную мать (Хамийет-ханым, т.е. госпожу Патриотизм) борются с мачехой («коварная Англия») одерживают над ней победу и отвоевывают Измир и Эдирне благодаря Национальному Герою). Язык сказок Зии Гёкальпа, ратовавшего за упрощение языка литературы, близок языку народной поэзии, что согласуется с общей установкой писателей-просветителей. Характер переработки и трансформация фольклорной основы сказок с целью пропаганды собственных идей в эпоху становления турецкой нации и формирования национального сознания позволяет говорить о ярко выраженном проявлении индивидуальности в поэмах Зии Гёкальпа, а сами поэмы считать новым типом литературной сказки, который, отталкиваясь от наработок в турецкой литературе, непосредственным образом связан с европейской традицией (нацеленность на идеологизацию, сознательное привлечение сказочной формы). Продолжателями данного подхода к созданию литературной сказки, для которых сказочная форма становится своего рода идеологической платформой, только уже в прозе, выступают в основном писатели «левого» толка Сабахаттин Али, Азиз Несин, Яшар Кемаль и др.

Фольклористическая сказка представлена, прежде всего, творчеством «турецкого Андерсона» Эфлятуна Джема Гюнея (1896 – 1980). Начав как собиратель фольклора, Э.Дж.Гюней перерабатывает народные сказки, выступая прекрасным стилистом, хорошо знакомым с традициями народного сказительства. Необходимо подчеркнуть, что сказки написаны современным турецким языком с обращением к средствам современного литературного языка. Сборники писателя «Расстелись-ка, скатерть-самобранка» и «Дед Коркут» были переведены на многие языки мира и удостоены медали Г.Х. Андерсена (1956 и 1960 гг. соответственно) за вклад в развитие детской литературы. Последователями этого типа литературной сказки стали Тахир Алангу, Наки Тезель, сюда же можно отнести некоторые сказки Назыма Хикмета и др.

7. Традиции турецкой литературной сказки выросли из творчества меддахов и нашли свое продолжение в «Фантазиях» Али Азиза-эфенди. Турецкая литературная сказка, пройдя период активного обращения к европейскому материалу, когда в круг литературы вошли индивидуально-авторские сказки европейских писателей, окончательно

как жанр оформилась в XX в., будучи представлена двумя группами сказок: индивидуально-авторской и фольклористической.

Литература

1. *Маутакова Е.И.* Турецкая литература конца XVII – начала XIX в. (К типологии переходного периода). М., 1984

Экспликация эмоциональных концептов на примере русского и арабского языков

Мокрушина Амалия Анатольевна

Санкт-Петербургский государственный университет

Несмотря на то, что в научных работах зачастую упоминается такое понятие как *общий человеческий опыт*, которое отчасти включает в себя способность к переживанию сходных эмоций представителями различных культур (*злость, радость, любовь* и т.д.) для носителя каждого языка эти понятия могут иметь специфические значения, что, как правило, получает свое отражение и в языке. Так, например, в арабском языке мы найдем для обозначения *печали* несколько вариантов – *huzn (печаль)* и *ṣaḡan (сильная печаль)*. Именно ввиду двойкой природы эмоций – с одной стороны общих для всех народов, с другой – обладающих специфичными чертами внутри отдельно взятой культуры – интересным и, безусловно, полезным представляется экспликация и анализ эмоциональных концептов, а также попытка понимания через них особенностей национального характера того или иного народа.

По словам известного лингвиста А. Вежицкой сведения об этническом характере есть результат анализа, но не исходная предпосылка. Таким образом, системы видения мира носителями различных языков можно и нужно сопоставлять, используя для передачи национально-специфических концептов язык семантических примитивов. Следовательно, не только мысли могут формироваться в рамках определенного языка, но и чувства человека также оказываются заключены в рамки одного языкового сознания.

Практически любая деятельность человека связана с эмоциональными переживаниями, так что эмотивность является неотъемлемой частью жизни человека. Базовые эмоции универсальны, благодаря чему оказывается возможным существование типовых эмоционально значимых ситуаций межкультурного и внутрикультурного общения. Эмоции, которые составляют базу человеческой деятельности, не могут не получить определенного отражения в языке.

А. Вежицкая настаивает на том, что эмоциональные концепты – например, *тоска* в русском языке или соответственно *huzn* в арабском – могут быть истолкованы через использование ряда семантических универсалий. Использование в данном случае специального семантического метаязыка освобождает процесс *толкования* концептов от влияния родного языка, т. е. исследователь, пользуясь этими универсальными средствами, в известной мере освобождает свое сознание от влияния родного языка.

Оперируя имеющимся в нашем распоряжении запасом средств, мы можем эксплицировать различные слова, стремясь учесть все возможные варианты употребления данной лексемы и выверяя соответствие толкований этим словоупотреблениям. В случае пересечения значений у различных слов, необходимым оказывается вывести такие толкования, которые бы также частично совпадали и освещали как сходства, так и различия между лексемами.

Исследователи полагают, что первичными эмоциями человека были страх, гнев и радость. Следующими в процессе развития появились сострадание и чувство вины. Опираясь на это разграничение, были введены понятия базисных (первичных) и вторичных эмоций, количество которых, равно как и вопрос о том, какие именно эмоции могут быть включены в ту или иную группу, неоднократно обсуждался. Интересно отметить, что вторичные эмоции рассматриваются как производные от базовых, т.е. образованные в результате *смешения* первичных эмоций.

Теорию о существовании базовых эмоций исследователи подкрепляют целым рядом достаточно убедительных доводов и, прежде всего тем, что не существует ни одной известной культуры, представителям которой несвойственны были бы основные эмоции. При этом нужно понимать, что в рамках определенной культуры может не существовать специального названия для обозначения той или иной эмоции, однако это не в коей мере не означает, что представители данной культуры не способны ее испытывать.

Обратимся к понятию *жалость*, проанализировав спектр его значений в русском языке, и попытаемся соотнести их с теми, которые существуют в арабском. Прежде всего, следует отметить, что это понятие вполне можно считать своего рода ключевым словом для русского языка – т.к. оно является достаточно значимым в рамках русской культуры. В ходе тщательного анализа с использованием языка семантических примитивов мы приходим к выводу, что понятие *жалость* в рамках русского языка оказывается настолько многозначным, что в зависимости от тех или иных условий его содержание может варьировать от положительного до резко отрицательного.

Интересно будет рассмотреть также понятия с аналогичным значением, существующие в системе арабского языка. Если обратиться к словарю, то можно найти для слова *жалость* сразу несколько вариантов перевода: *hanān, ra'fa, šafaqa* а для глагола *жалеть*, помимо однокоренных *hanna, ra'fa, ašfaqa*, еще формы *rafa, rahhama*. Очевидно, что, так же как и в русском языке, каждое из этих понятий несет свой смысловой оттенок. Например, для слова *šafaqa* арабско-русский словарь предлагает перевод «*жалость*», «*сострадание*» и «*снисхождение*». Рассмотрим это слово внутри некоторых контекстов: *hađihi l-mar'a tamli'a bir-rahma waš-šafaqa* (досл. *Эта женщина наполнена состраданием и сочувствием*) и *ašfaqa 'alayhi* (*Он пожалел его/ Он посочувствовал ему*). Как видно из приведенных выше примеров, слово *šafaqa*, если не совпадает, то близко понятию *сочувствие* в русском. Если в первом примере этот оттенок либо присутствует незначительно, либо отсутствует полностью, то в рамках второго высказывания, можно допустить ситуацию, в которой говорящий *сочувствует* кому-либо с долей снисхождения. Обратимся также к лексеме *ra'fa*. Арабский толковый словарь в качестве синонима предлагает слово *rahma*, которое чаще используется в значении *милосердие*: *rahimatu-llah* (*милосердие Божье*). Рассмотрим два примера с этим словом: *inna qalbahu ra'uf* (досл. *Поистине у него жалостливое сердце* или *Он милосерден*) и *ra'fa bihi* (*Он пожалел его* или *Он проявил к нему милосердие*). Анализируя значение слова, которое дает словарь, а также его использование внутри контекста, мы приходим к предположению, что слово *ra'fa* также несет оттенок сострадания, сочувствия чужому несчастью – милосердия. Основное значение слова *rafa* достаточно далеко от понятия *жалеть* и означает, *оплакивать усопшего*. Второе значение слова, действительно, может быть передано глаголом *жалеть*: *rafa hālahu* (*Он пожалел его*) и, по всей видимости, несет оттенок безысходности. Глагол *hanna* и производное от него существительное *hanān*, которые словарь также предлагает в качестве возможных эквивалентов понятиям *жалеть* и *жалость*, оказываются в большей степени связаны со значением *испытывать нежность* либо *привязанность*. Например: *hanān l-'umt* (*нежность = жалость, сочувствие матери*), однако в сочетании *hanna' ilā l-waṭan* слово приобретает иной оттенок, и переводиться будет как *любовь, привязанность к родине* либо *ностальгия по родине*.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Недавние американские исследования в области эмоций и эмоциональной лексики. // Семиотика и информатика. Вып. № 34. М., 1995, с. 52-53
2. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
4. Зализняк А. Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006.
5. Мельникова А. Язык и национальный характер. СПб., 2003.

Проблема соотношения слога и морфемы в языке суахили (на материале слоговых и неслоговых назальных звуков)

Пинчук Елена Юрьевна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

1. Проблема соотношения слога и морфемы в различных языках является одним из важнейших факторов в определении типологической характеристики языка. Для определения степени автономности слога по отношению к морфеме в данном языке, а следовательно, степени завершенности членения языкового целого, необходимо учитывать частоту проявления в языке морфов, представленных слогом. Применительно к языку суахили речь идет не только о совпадении морфемы и слога в своих границах, но и о совпадении фонемы с морфемой и слогом. В этой связи слоги, представленные лишь одним носовым согласным звуком, будучи достаточно распространенными в языке суахили, представляют, на наш взгляд, особую значимость.

2. Назализованные согласные занимают особое место в сегментной фонетике языка суахили, поскольку при доминирующей структуре слога CV, в суахили возможен слог C, представленный сонантом, что является достаточно редким явлением по сравнению с другими языками. Большинство исследователей этой проблемы основывались на слуховом анализе, что и приводило к определенному разбросу мнений. Например, танзанийские исследователи Стевик, Млела и Ндженга указывают, что носовой сонант /m/ перед последующим согласным не всегда является слоговым, а только в том случае, когда происхождение звука обусловлено наличием гласной, следующей за носовым согласным, и образующей с ним слог (мухинди m-bo-vu, так как m- является префиксом именного класса m-(mi-), происходящим от общебантуского префикса mu-).

3. Для устранения противоречий, а также для получения более достоверной и новой информации было проведено экспериментальное

Корпоративная социальная ответственность в Китае

Алехин Алексей Викторович

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

исследование с привлечением носителей языка. Целью этого исследования было выявление наличия (или отсутствия) слогаобразующего характера сонантов /m/ и /n/, а также зависимость слоговости от морфемы.

4. Таким образом, удалось установить, что сонант /m/ является слогаобразующим, выступая в качестве префикса или инфикса, и не является слогаобразующим в составе корневой морфемы. Например, поскольку в сочетании mb сонант m входит в состав корневой морфемы, то граница слога проходит следующим образом (kwa-mba). Что касается сонанта /n/, то он образует самостоятельный слог, находясь в составе имен существительных 9, 10 классов (n-chi) и некоторых числительных (-n-pe) и не образует слог, находясь в составе корневой морфемы (nja-a). В сочетании nz /n/ является слоговым (n-zi-ge), сочетания nd и ng не подтверждают слоговой характер сонанта.

5. Экспериментальное исследование позволило нам прийти к предположительным выводам, которые могут иметь большое значение не только для языка суахили, но и для общей фонетики. Неслоговые назальные звуки имеют более низкую форманту назализации и меньшую интенсивность, чем слоговые назализованные звуки, а спектральная картина сонорных /m/, /n/ (слоговых) тяготеет, приближается к спектральной картине ротовых гласных, в то время как неслоговые сонорные /m/, /n/, напротив, ближе к сонорным звукам. Этот вывод позволяет нам утвердить предположение, сделанное ранее о том, что когда-то в таких реализациях, как mtu, mle, mto и других был гласный звук, который, в процессе исторического развития языка выпал, но акустическое влияние этого звука на спектральную картину назального звука /m/ осталось. Что подтверждает гипотезу о слоговости назальных звуков в начальной позиции и совпадении в данном варианте фонемы-морфемы-слога.

1. В последнее время тема корпоративной социальной ответственности все чаще звучит в средствах массовой информации, и все больше компаний стали уделять внимание своим социальным программам, направленным на поддержку сотрудников, их семей, предоставление материальной помощи нуждающимся, и даже финансировании спортивных команд на различных соревнованиях мирового масштаба. Быть социально ответственной компанией стало престижно.

2. В Китае существуют государственные программы по искоренению бедности, помощи пострадавшим от стихийных бедствий и катастроф, спонсорство в сфере образования и др. Китайское руководство уверено, что компании должны перенять инициативу государства и взять на себя ответственность по финансированию благотворительных программ. В таких странах, как Китай и Россия, существование социальных программ принуждает компании тратить средства, а предприятия, в свою очередь, записывают эти расходы в балансе как расходы на благотворительность, т. е. нецелевые расходы. В отличие от целевых расходов, благотворительность не приносит прибыль, а значит, акционеры получают меньше дивидендов. Возникает вопрос: если компании воспринимают благотворительность как дополнительные расходы и при этом не осознают выгоду от своих вложений, правильно ли они понимают феномен социальной ответственности? И могут ли компании превратить социальную ответственность в основной вид деятельности и, вместе с этим, иметь хорошие финансовые показатели в конце года?

3. На Западе существует несколько теорий связанных с социальной ответственностью. Саймон Задек (Simon Zadek) считает, что социальная ответственность (или отчетность) компаний помогает установить контакт со всеми группами заинтересованных лиц с целью их вовлечения в управление компанией. Он заявляет, что экономика и бизнес не могут развиваться отдельно от общества. Если бизнес как один из наиболее влиятельных феноменов экономики будет учитывать интересы общества и развиваться вместе с ним, то при прочих равных условиях он сможет стать в высшей степени конкурентоспособным. Это, в свою очередь, повлияет на конкурентоспособность всей страны в целом. [1] Эндрю Савиц (Andrew Savitz) в большей степени сконцентрировался

на эффективности бизнеса и устойчивости развития предприятия в условиях давления со стороны общества и государства. Чтобы связать устойчивость развития предприятия с его результативностью, Савиц предлагает использовать инструмент, известный как «линия тройного итога» (the triple bottom line). По его мнению, бизнес не должен оценивать свой успех только с точки зрения финансовых показателей – дохода или прибыли на инвестируемый капитал (ROI). Каждая компания должна осознавать свое воздействие на макроэкономический регион, в котором она оперирует, его экологию и жителей. [2] Обе теории исходят из той концепции, что бизнес как неотъемлемая часть экономики и общества может и должен приносить выгоду разным социальным группам, так как жизнь общества напрямую связана с деятельностью бизнеса.

4. Изначально в Китае не существовало понятия корпоративной социальной ответственности. Оно появилось в результате недавней интеграции КНР в экономические отношения с Западом. С 1950-х годов в Китае появилась новая производственная и одновременно социальная и культурная ячейка общества – *даньвэй*. Она возникла стихийно, поскольку в стране вся власть находилась в руках военных, выходцев из крестьян. Рабочие в большинстве случаев тоже были вчерашними крестьянами, поэтому военные смогли установить свои порядки на предприятиях. Рабочие поступали на предприятие по административному направлению и на всю оставшуюся жизнь. В *даньвэй* все социальные вопросы (жильё, дети, семья и их быт, социальное страхование, социальное обеспечение и т.д.) решались централизованно через представителя партии. [3] Положение партийного работника напрямую зависело от результатов деятельности предприятия, поэтому очень часто они специально предоставляли ложные сведения, чтобы продвинуться по службе. Позже такая неэффективная система перестала существовать, однако некоторые элементы *даньвэй* сохранились на госпредприятиях.

Логично предположить, что чем больше сотрудников на предприятии, тем сложнее следить за их жизнью. Однако, как показала практика, государственные предприятия зачастую проявляют большую заботу о своих сотрудниках, нежели частные предприятия. При этом государственные предприятия обременены огромным числом не занятых в производстве людей, которым они должны выплачивать пособие. Это означает, что государственное предприятие, подотчетное органам власти, не имеет права действовать рационально (т. е. сокращать штат работников с целью минимизации издержек). Однако в ходе создания «системы современных предприятий» некоторые государственные компании изменили прежнюю политику и стали руководствоваться рыночными принципами. Частные предприятия, ориентированные на

высокие прибыли, используют дешевую рабочую силу и «грязное» производство для достижения низких цен на внутреннем и внешнем рынках. Такие компании обычно не желают осознавать масштабы возможных социальных и экологических последствий, считая, что это входит в ответственность государства.

5. Процесс сокращения количества государственных и появления новых частных очевиден. Возможно, это приведет к ликвидации системы «*даньвэй*». Государство уже начало создавать мощную систему социального обеспечения для огромных масс населения. Это может вызвать серьезное напряжение государственного бюджета и тяжелые последствия в сельской местности, где доходы большей части населения не превышают средний уровень по стране. [4] Автор считает, что система пенсионного и медицинского страхования еще достаточно слаба, чтобы предоставить большинству граждан страховку по болезни, выплату пенсий и пособий. Зачастую граждане не в состоянии оплатить собственное лечение. Восстановление системы «*даньвэй*» на предприятиях является возможным вариантом решения сложившейся проблемы. При этом централизованное подчинение должно быть заменено на распределение ответственности за социальные вопросы между руководством и менеджментом компании. Компания должна создать принципы и стандарты (коллективный договор, кодекс корпоративного поведения и др.), которые позволили бы учитывать интересы работников, например, оплачивать расходы сотрудников в случае болезни или травм на производстве. Такой путь создания предприятий высокой социальной ответственности будет наиболее эффективным в условиях несформированной системы социального обеспечения. Ответственность за социальные вопросы собственных сотрудников ляжет на предприятия, а расходы государства распределятся между наименее обеспеченными слоями населения. Такой подход хоть и не выгоден бизнесу в краткосрочном периоде, однако в долгосрочной перспективе это принесет пользу не только бизнесу, но государству и всему обществу в целом.

Литература

1. Zadek S. Tomorrow's History. // Greenleaf Publishing Ltd., 2004, p. 289-304.
2. Savitz A. The Triple Bottom Line. // Jossey-Bass Publishing, 2006, p. xii-xv.
3. Bray D. Social Space and Governance in Urban China. // Stanford University Press, 2005, p. 3.
4. China Statistical Yearbook 2005, таблица 10.1.
5. http://news.xinhuanet.com/politics/2006-10/11/content_5190605.htm

Незаконная миграция на российско-казахстанской границе в постсоветский период

Арифиллина Татьяна Шамильевна

Волгоградский Государственный Университет

Сегодня становится очевидным, что незаконная миграция на российско-казахстанской границе выходит из-под контроля РФ, приобретает наднациональный характер. Даже, несмотря на свою сравнительную отдаленность от Европы граница России с Казахстаном рассматривается как один из главных транзитных коридоров на пути незаконных мигрантов в европейские страны и США. Во многом это связано с необустроенностью границы, усугубляющейся ее особенностями, в числе которых огромная протяженность (около 7 500 км) и, практически отсутствие естественных барьеров (за малым исключением). Эта проблема обостряется нестабильной обстановкой в ряде государств Юго-восточной Азии, а так же Пакистане, Индии и Афганистане. Именно эти страны являются основными поставщиками незаконных мигрантов в РФ и Европу.

Практика показывает, что незаконная миграция на российско-казахстанской границе приобретает транзитный характер. Речь идет о том, что все большее количество граждан названных выше стран стремятся использовать территорию РФ как промежуточный путь в Европу и Америку. Самое большое число задержанных приходится на железнодорожный транспорт, сохраняется тенденция к использованию автомобильного транспорта с привлечением проводников из «местных» жителей. Появляются новые способы завуалированного проникновения, связанные с использованием подлинных либо поддельных документов.

Направления потоков незаконной миграции находятся в зависимости от специфики российско-казахстанской границы. Во всем неконтролируемом перемещении лиц через границу преобладающее значение имеют три участка: Астраханский, Оренбургский и Омский. Главная причина этого – отсутствие коммуникаций и барьерная функция границы. Причем, выявляются особенности самих потоков в структуре незаконной миграции на указанных выше отрезках. Так, для астраханского участка характерно преобладание выходцев из Афганистана, для омского – Афганистана, Шри-Ланки и Пакистана, для оренбургского – Индии, Афганистана, Шри-Ланки, Бангладеш.

Незаконные проникновения граждан из третьих стран отличаются все большей изощренностью в тактике, приобретают организованный

спланированный характер. Известно о существовании налаженных каналов доставки незаконных мигрантов в Европу, действующих по всем направлениям российско-казахстанской границы, и, скорее всего, имеющим одних организаторов. Происходит формирование крупнейших международных преступных группировок, носящих интернациональный характер и включающих в свой состав коррумпированных представителей государственных структур.

В связи с непрекращающимися потоками незаконных мигрантов, которые особенно усилились в последнее время, в РФ укоренилось мнение о том, что незаконная миграция представляет прямую угрозу национальной безопасности России. В действительности данный тезис имеет двоякий смысл. С одной стороны мы имеем дело с миграцией, состоящей из малообеспеченных граждан Юго-восточной Азии, их нежеланием оставаться в России. С другой – с попытками аналитиков объяснить непрекращающийся поток таких мигрантов их явной связью с наркобизнесом.

Проблема «незаконной миграции» обостряется увеличением количества мигрантов из мусульманских стран. Рассматриваемая в некоторых кругах в качестве серьезной угрозы национальной безопасности, она на деле оказывается несколько преувеличенной «благодаря» деятельности российских спецслужб. Это, в частности, касается мигрантофобии связанной с вопросом о нахождении и задержании т.н. чеченских сепаратистов на границе РФ и Казахстана. Хотя опасность, ввиду нежелательного присутствия в российско-казахстанском приграничье маргинальных элементов сохраняется. Также остается актуальной угроза проникновения экстремистских элементов в «горячие точки» РФ, например, на Северный Кавказ.

Существующая проблема незаконной миграции, российскими властями воспринимается в качестве угрозы национальной безопасности государства. Исходя из такого понимания, строится и миграционная политика РФ, в которой основное место отведено силовым методам борьбы с данным явлением. Аналогичную позицию занимают и федеральные власти. Отечественные аналитики, ориентируемые на российскую реальность, видят в миграции способ выхода из демографического кризиса, некоторые из них говорят об экономической пользе миграции. В последнем случае рассматривается возможность для легализации части незаконных мигрантов из Афганистана. Однако данные предложения сопряжены с необходимостью выработки законодательных актов, которые могли бы стать основой такого действия. РФ пока не имеет продуманной нормативной базы, полно охватывающей все спорные вопросы миграционной политики. Не говоря уже о том, что и в России и в Казахстане отсутствует единый подход к определению

понятия незаконной миграции. Это во многом затрудняет учет и изучение данного явления, а также ограничивает возможность применения карательных санкций в соответствии с законодательством той или иной страны.

В целом, предлагаемые варианты ослабить противодействие незаконной миграции, равняясь на США, в условиях пока еще нестабильной российской экономики кажутся опрометчивыми. Так или иначе, очевидно, что в настоящий момент ни на практике, ни в теории универсального метода борьбы с явлением незаконной миграции не существует. Сегодняшняя реальность, рассматриваемая сквозь призму принимаемых нашими странами действий, лишь убеждает в необходимости усовершенствования миграционной политики государств. Ее основой по нашему мнению должны стать совокупность всех существующих ныне силовых и законодательных мер, основанных на международном сотрудничестве, а главное на изучении данного явления.

Литература

1. *Артоблевский С.С., Бадьштыва И.М., Зайончковская Ж.А., Лухманов Д.Н., Мкртчян Н.В.* Миграционная ситуация в Приволжском федеральном округе. – Доклад ЦСИ ПФО. 2002. Государство. Антропопоток. // <http://migrocenter.ru/acrobat/privol04.pdf>
2. *Голунов С.В.* Российско-казахстанская граница. Проблемы безопасности и международного сотрудничества (рукопись). М., 2005., с. 177.
3. *Куртов А.А.* Граница с Казахстаном – новый рубеж. // <http://www.kisi.kz /14.06.2002>
4. *Мулляянов Р.Ш., Хвоцев В.Е.* Активизация международного терроризма и новые проблемы российско-казахстанской границы. // ЮУрГУ.2001-2004. <<http://humanities.edu.ru/db/msg/32263>
5. Незаконная миграция в России № 111 – 112. 28 апреля – 18 мая 2003. Мигранты и наркотики: исследование в Саратовской области (по материалам конференции «Незаконные мигранты в России: ситуация, тенденции, политика», Москва, 24 апреля 2003 года). // <http://www.demoscope.ru/>
6. *Садовская Е.* Незаконная миграция и проблемы ее предупреждения. // Мысль, 2002, №2.
7. www.knb.kz (Комитет Национальной Безопасности Республики Казахстан).
8. www.fsb.ru (Федеральная Пограничная Служба РФ).

Экономический рост Японии в начале XXI века: место и роль сферы услуг

Бочаров Егор Владимирович

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

В последние годы японская экономика демонстрирует тенденцию к «выздоровлению» после «потерянного десятилетия» (1990-2000 гг.). В 2006 г. темпы роста ВВП составили 2,8%.

Что лежит в основе роста японской экономики в XXI веке? Прежде всего, внешние факторы, среди которых следует особо выделить положительную динамику торговли с Китаем и активное проникновение на растущие азиатские рынки. При этом основу экспорта Японии составляют товары обрабатывающей промышленности и, прежде всего, традиционно развитого высокосложного машиностроения, включая мекатронику (производство роботов). Кроме того, рост торговли происходит частично за счет товаров индустрии обработки и хранения информации (высокоскоростной интернет); средств хранения (стандарта Blu-ray и HD-DVD, разработанные компаниями Sony и Toshiba); развлекательного сегмента индустрии (запуск игровых систем нового поколения Sony PlayStation-3 и Nintendo Wii).

Что касается структуры ВВП, то он лишь на 25-30% (по разным оценкам) формируется за счет обрабатывающей промышленности и на 68% (данные на 2006 г.) за счет сферы услуг. При этом значительного роста экспорта их не наблюдается. Таким образом, самый крупный сектор японской экономики не играет решающей роли в формировании темпов роста страны.

Что мешает росту экспорта услуг? Ответ очевиден – высокие цены. При их сравнении на 100 видов услуг в столицах некоторых государств выясняется, что в Токио услуги дороже на 41%, чем в Берлине; на 48%, чем в Нью-Йорке и на 49%, чем в Лондоне. При дифференцированном подходе к изучению спектра цен на услуги, можно увидеть, что в медицинских учреждениях Токио они на 83% выше лондонских и на 235% (!) превышают берлинские. Но при этом лечение жителя страны «Восходящего солнца» стоит на 20% дешевле, чем гражданина США. Если же сравнить цены на услуги в области образования, то в Японии они окажутся на 18% и 19% выше, чем в Берлине и Лондоне соответственно. И только в Нью-Йорке образование обходится на 10% дешевле, чем в Японии.

В научной литературе традиционно подчеркивается, что причиной высоких цен на услуги японского общества являются последствия

стагнации экономического развития и дорогая рабочая сила. Однако дело не только в этом.

Представляется, что в основе отмеченной тенденции лежит общая неэффективность сферы услуг как таковой. Хорошо известно, что уровень цен на товары и услуги в Японии вообще выше, чем в любой развитой стране, включая и Швецию. Японцы склонны жертвовать эффективностью в обмен на качество. Они традиционно (и вполне справедливо) считают, что на более качественные товары и услуги устанавливаются более высокие цены.

Объяснить высокий уровень цен в сфере услуг Японии с точки зрения производителя (т.е. на микроуровне) помогает теория американского ученого М.Портера. Он считает, что в результате активного вмешательства государства в этой сфере экономики создается значительно больше всевозможных ограничений и барьеров, чем в американском или европейском обществе. Речь идет не только о тех отраслях сферы услуг, где государство осуществляет свою деятельность вследствие непривлекательности ее для частного капитала (инфраструктура, НИОКР и т.д.), но и, например, о торговле и транспорте, где национальный частный капитал работает с большим размахом.

Государственные ограничения связаны, прежде всего, с поддержкой малого бизнеса, доля которого в сфере услуг особенно велика, и развитой системой социальных гарантий. Учитывая менталитет японских производителей, склонных к кооперации, а не к конкурентной борьбе, можно прийти к выводу, что обычная в западном понимании конкуренция, являющаяся фактором постоянного повышения эффективности сферы услуг, в Японии отсутствует.

Низкая эффективность отрасли в условиях рыночной экономики приводит к росту цен, что мы и наблюдаем в Японии. В европейском или американском обществе такое положение дел вызвало бы протест потребителей. Однако в Японии менталитет потребителя, уровень реальных доходов и система социальных гарантий приводит к тому, что высокие цены в сфере услуг воспринимаются как обычные реалии современного общества.

Наряду с этим в японской экономике существует и ряд высокоэффективных и конкурентоспособных отраслей, с продукцией которых страна выходит на мировой рынок. Исторически в них сложилась жесткая система конкурентной борьбы, а государственное вмешательство было в силу объективных причин существенно ограничено. Например, на индустрию обработки информации государство долго не обращало внимания как на относительно «незначимую» отрасль. В результате компаниям пришлось здесь перейти к жесткой конкуренции по западному образцу, борясь за снижение издержек производства и повыше-

ние эффективности, используя инновационные стратегии и приемы менеджмента и маркетинга. Это позволяет им эффективно конкурировать на мировом рынке.

Нельзя сказать, что руководство Японии не видит реального положения дел. Еще в середины 80-х годов прошлого века правительство заявило о снижении государственного вмешательства в экономику, о либерализации некоторых ее отраслей и «новой роли государства» направляющей, а не ограничивающей. Однако на деле эти изменения в государственной политике происходят достаточно медленно. Причины кроются, видимо, во-первых, в нежелании государственных органов терять контроль над реальным положением дел в экономике, а, во-вторых, в менталитете японцев, консервативность которых не может заставить их отказаться от системы, которая пока еще работает.

Очевидно, в ближайшем будущем для обеспечения конкурентоспособности японской экономики потребуются повышение эффективности ведущего ее сектора – сферы услуг. Это в свою очередь должно привести к реальному (и оперативному) отказу государства от жесткого контроля над этой сферой экономики и созданию в ней рыночной конкуренции.

Литература

1. Демидова Л. Сфера услуг: изменение динамики производительности. //Мировая экономика и международные отношения, № 12, 2006
2. Мельянцева В.А. Информационная революция, глобализация и парадоксы современного экономического роста в развитых и развивающихся странах. М., 2000
3. Мельянцева В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М., 1996
4. Портер М., Хиротака Т., Сакакибара М. Японская экономическая модель: может ли Япония конкурировать? М., 2005
5. Direction of Trade Statistics 2005. Wash., 2005
6. Kokumin seikatsu hakushyo 2005. Tokyo, 2005
7. World Development Indicators 2005. CD-ROM

Тяжёлые высокосернистые нефти Китая: необыкновенные перспективы развития добычи и переработки

Вильнер Роман Михайлович

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

1. Всеобщее мнение (по крайней мере среди неспециалистов) таково, что переработчики стараются пренебречь высокосернистыми неф-

тями в пользу малосернистых, – и пренебрегают, ежели такая возможность есть. Но дело в том, что в современном мире такой возможности... нет. Почему? (Ответы)

2. Добыча легких сортов нефти падает: с каждым годом она сокращается в Северном море и в Северной Америке. Добыча же российской нефти марки Siberian Light в Западной Сибири растет очень медленными темпами, а из-за того, что в нефтепроводах значительная ее часть смешивается с более тяжелой и сернистой нефтью марки Urals, на рынок попадает лишь та сибирская нефть, которую транспортируют железной дорогой. Таким образом, внимание производителей и переработчиков автоматически перемещается на тяжелые нефти. И тут в поле зрения появляется Китай с его каждый год растущим гомерическими темпами потреблением нефти.

3. Здесь-то, наверно, и станет ясно, почему Китай, используя различные препятствия (налоговые и т. д.), не подпускает иностранцев к материковым месторождениям.

4. Следуя логике, Китай внутри материка должен действовать по отношению к нефтяным компаниям совсем иначе, нежели так, как мы наблюдаем сейчас. По данным солидного аналитического агентства The Boston Consulting Group за сентябрь 2006 года, которое, в свою очередь, ссылается на Научно-исследовательский центр геологической службы Китая, подтвержденные и неподтвержденные запасы тяжелой нефти в песчаниках и известниках, а также в горючих сланцах уже в 2004 году доходили до 286,2 млрд. баррелей.

5. По сведениям сайта gasandoil.com за 7 июля 2006 года, чистый импорт Китая к 2010 году вероятно достигнет величины в 4,8 миллиона баррелей сырой нефти в день, где уже более половины будет приходиться на высокосернистую нефть. Следовательно, Китай должен воспользоваться (как и на шельфовых месторождениях) поддержкой ведущих нефтяных компаний и крупных международных энергетических предприятий, обладающих большими технологическими и инвестиционными возможностями, которые смогут оказать помощь в оптимизации разведки и добычи в Китае, глубокой разработке нетрадиционных ресурсов, таких как битуминозные сланцы и нефтеносные пески.

6. Для переработки битуминозных сланцев и нефтеносных песков в очищенные нефтепродукты требуются новые проекты по разведке и добыче, а также дополнительные перерабатывающие мощности. По подсчетам The Boston Consulting Group объем нетрадиционных запасов в 16 раз превышает объем традиционных, а к 2015 году разработка битуминозных сланцев и нефтеносных песков могла бы дать 1,8 миллионов баррелей сырой нефти в сутки.

7. Следуя прямым логическим выкладкам, Китай (теоретически, конечно) должен привлекать иностранных операторов... Но, как ясно видно на примере рекомендаций компаниям США (приведены в докладе), он этого не делает. Более того, чинит самые различные препятствия для иностранного проникновения внутрь материка. Возможные объяснения сложившейся ситуации: (приведены в докладе)

Литература

1. buyusa.gov US commercial service, Industry Overview 25.02.2006
2. crc.mofcom.gov.cn 15.11.2006
3. gasandoil.com China's energy demand offers good scope for Middle East investors 7.07.2006
4. uofaweb.ualberta.ca (University of Alberta) China eyes incentives for heavy oil exploration 12.11.2006
5. **Bloomberg News.** China plans \$3-billion refinery expansion to cut their import cost by 20% 20.04.2005
6. opec.ru 50 долларов навсегда 2006
7. **The Boston Consulting Group.** Раскрытие энергетического потенциала Китая сентябрь 2006

Образ Голанских Высот в общественно-политической мысли Израиля: аргументация за удержание

Георги Федор Вадимович

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Вот уже сорок лет Голанские Высоты – это предмет ожесточенных споров как во внешней политике государства Израиль, так и во внутренней. В первом случае речь идет, во-первых, о трудности ведения любых мирных переговоров с Сирией: Дамаск, начиная с мадридской мирной конференции 1991 года, последовательно придерживается позиции, при которой никаких договоров с Израилем и никаких договоров о Ливане заключено не будет, пока Израиль не покинет Голанские Высоты и не вернется к границам 1967 года. Однако выполнение этих требований привело бы к созданию в самом Израиле очень сложной внутривнутриполитической ситуации, при которой после любой территориальной уступки со стороны Израиля, заложниками своего положения оказываются не только еврейские поселенцы на этой территории, но и население Галилеи.

В предлагаемой работе проведено изучение образа Голанских Высот, как неотъемлемой части страны, в общественно-политической мысли Израиля, и анализ той аргументации за удержание Голанских

Высот, которая в разное время выдвигалась различными политическими движениями. Описана динамика изменений этой аргументации на протяжении последних сорока лет в зависимости от политической ситуации – от военной администрации и в последствии распространения на Голанские Высоты юрисдикции государства Израиль к спорам о возможности передачи этих территории Сирии в обмен на мир. Учитывая ту динамику в израильской политике, согласно которой существует реальная конкуренция за власть между левыми и правыми партиями от каденции к каденции, изучение образа Голанских Высот у сионистских партий правого толка позволяет не только изучить реальное положение вещей, но и прогнозировать будущее этих территорий в контексте израильско-сирийских мирных переговоров.

Сразу же после окончания Шестидневной Войны в израильском обществе начались споры по поводу будущего захваченных территорий, в частности, Голанских Высот. Аргументация в пользу удержания Голанских Высот Израилем строилась левыми и правыми по-разному. Левые видели в удержании Голанских Высот достаточно вынужденную, временную, меру, объясняемую, прежде всего проблемами безопасности. Важную роль здесь играет, во-первых, военное значение Голанских Высот – их контроль Израилем делает безопасной северную границу страны и делает невозможным обстрел Верхней и Нижней Галилеи. Во-вторых, израильский контроль над этой территорией во многом решает водную проблему – на Голанских Высотах находятся около трети возможных источников воды страны. Исходя из этих соображений правительство Маарах вплоть до 1977 года придерживалось политики удержания Голанских Высот, и создало там 25 поселений (для сравнения – на намного более обширной территории Западного Берега и Сектора Газа к 1977 году было создано, включая нелегальные, 39 поселений). В дальнейшем, после прихода в 1977 году к власти правого правительства Ликкуда, отношение левых в этом вопросе стало более однозначным – мир с Сирией в обмен на территорию Голанских Высот. Выразителем этой концепции стал, в частности, начиная с 1992 года, Ицхак Рабин. При этом речь идёт, как и в случае осуществления «плана размежевания» об эвакуации с Голанских Высот еврейских поселений. Исключение составляла лишь партия «Третий Путь», созданная деятелями Партии труда, покинувшие её в знак несогласия с декларированной правительствами Ицхака Рабина и Шимона Переса готовности к почти полному отступлению с Голанских Высот в обмен на мир с Сирией. Так или иначе, их аргументация так же была «традиционно левой» – Голанские Высоты крайне важны для обеспечения безопасности севера страны, и Голанские Высоты крайне важны для сохранения за Израилем источников потребляемой им воды.

Правые движения, как светские, так и религиозные, изначально выступали за сохранение территории Голанских Высот в составе Израиля. Их позицию можно охарактеризовать словами Эльякима Аэцини из статьи «Спускаемся с плато», опубликованной на сайте аналитической группы МАОФ, выражающий интересы правых сионистов: «Голаны – не объект для продажи и каких бы то ни было переговоров. Они наши – и нашими останутся!». Аргументируя свою позицию, они ставят акцент не столько на военную и стратегическую важность Голанских Высот, сколько на исторические факты, согласно которым Израиль имеет на Голанские Высоты большее право, чем Сирия или какое-либо иное государство. Изначально приводилось два довода, подробно рассмотренных во второй главе этой работы – во-первых, значение Голанских Высот для истории еврейского народа и, следовательно, обособленность их включения в понятие «еврейского национального очага», а так же более конкретное право обладания Голанскими Высотами еврейским народом вследствие приобретения ряда земельных участков, например бароном Ротшильдом, в конце XIX – начале XX веков; во-вторых, неправомерность передачи Англией подмандатной территории Голанских Высот Франции в 1923 году. Кроме того, приводился и тот факт, что Голанские Высоты были захвачены в 1967 году в ходе кровопролитных боёв, и следует уважать память павших израильских солдат и не возвращать эту территорию противнику; тем более что в 1973 году Голанские Высоты также были обильно политы еврейской кровью. Исходя из этих аргументов, Менахем Бегин принял в 1981 году решение об аннексии Голанских Высот и смог добиться в Кнессете одобрения «Закона о Голанах». В дальнейшем, когда в 1992 году, вокруг Голанских Высот вновь разгорелась дискуссия, аргументация правых в пользу удержания пополнилась – речь идёт, во-первых, о том, что правые стали говорить о полной *de facto* интеграции Голанских Высот. Они почти полностью заселены евреями, которые построили там развитую инфраструктуру, они находятся под израильским контролем дольше, чем под сирийским (40 и 21 соответственно), они представляют сегодня для Израиля и немаловажную экономическую ценность, и на них практически нет арабского населения, соответственно ни о какой возможности их передачи Сирии говорить нельзя. Во-вторых, упор делается и на то, что Голанские Высоты с 1981 года являются частью Израиля и *de jure*.

Литература

1. *Shlain A.* The iron wall. N.-Y., 2001.
2. *Yuchtman E., Peres Y., Peres Y.* Between consent and dissent; democracy and peace in the Israeli mind. N.-Y., 2000.

3. *Злуцки М.* Хашивуто шель аголан бемеред агадолъ негед аромаим. // Дафим леморей дерех. Мисрад атайярут, 1974 г. (на иврите)
4. *Илан Ц.* Аголан – шемот ветхумим. // Дафим леморей дерех. Мисрад атайярут, 1975 г. (на иврите)
5. *Илан Ц.* Сюр бедром аголан. // Дафим леморей дерех. Мисрад атайярут, 1976 г. (на иврите)
6. *Бийер А.* Ахитъяшвут берамат аголан. // Дафим леморей дерех. Мисрад атайярут, 1976 г. (на иврите)
7. *Аэци Э.* Спускаемся с плато. // <http://tjews.net/maof>, 06.09.2006

Образ Китая в контексте современных международных отношений

Горяина Юлия Павловна¹

Институт Дальнего Востока РАН (Москва)

Образ государства представляет собой сложное, многоплановое явление, требующее внимательного и комплексного исследования, включающего как анализ восприятия образа страны гражданами внутри государства, так и анализ восприятия государства извне. От международного образа государства зависит его место, вес и значимость в системе международных отношений, в глобальной модели мирового порядка. То, как воспринимается страна - является основой для формирования внешнеполитических и экономических отношений с мировым сообществом.

Образ Китая на современном этапе развития имеет ряд особенностей, связанных со стремительным развитием экономических и социально-политических процессов, с уникальностью взлета Китая в плане его международного влияния. Четкая международная стратегия, проводимая Пекином, перспективы продолжения экономического роста кардинально меняют геополитическое положение страны. Происходят существенные изменения относительно того, что представляет собой современный Китай, его внешнеполитические возможности и каковы должны быть принципы взаимоотношений с ним.

В настоящее время мировое сообщество принимает во внимание тот факт, что в последние три десятилетия несомненные достижения КНР по наращиванию своего потенциала выдвинули государство на новые позиции в мировой политике и экономике, что в свою очередь, обуславливает необходимость умелого выстраивания «китайской полити-

¹ Автор выражает признательность профессору, д.и.н. Лузянину С.Г. за помощь в подготовке тезисов.

ки». С одной стороны, понимая, что к середине XXI в. КНР станет ведущей мировой державой, большинство государств демонстрируют заинтересованность в расширении сотрудничества с ней, с другой стороны, изменение позиций Китая в мировой политике и экономике создает ряд проблем в его отношениях с другими странами. Так, в настоящее время на Западе и Востоке существует некая озабоченность относительно возможного доминирования Поднебесной в мировых делах в новом веке. Получил распространение тезис о «китайской угрозе», которую стали видеть в наращивании КНР своего военного потенциала, в сотрудничестве с «тоталитарными режимами», в «наступлении на демократические права и свободы», а также в усилении роли КНР в мировой экономике.

Представляется, что Китай хочет не только влиться в мировое сообщество, вписаться в глобальную систему международных отношений, быть не просто региональным лидером, но и участником глобальных процессов, участником переговоров между ведущими странами мира по формированию нового миропорядка, новой системы безопасности и сотрудничества. Можно сказать, что Китай уже начал выстраивать свой миропорядок, поскольку он уже позиционирует себя как мощная региональная держава со своей зоной ответственности, и что представляется более важным, что Китай планирует позиционировать себя как мировая держава, имеющая мировую ответственность, со своей концепцией и моделью мира.

Можно предположить, что китайское руководство отдает себе отчет в том, что быстрый рост китайской мощи не может не вызывать озабоченность в мире, что, в свою очередь, может привести к формированию региональных коалиций. В этих условиях наиболее рациональной политикой со стороны Пекина является убеждение мирового сообщества в том, что страна взяла курс на мирное разрешение споров, снятие напряженности в отношении с соседними государствами. В последнее время Пекин стремится убедить мировую общественность в том, что возвышение носит исключительно мирный характер, что рост китайской экономики не несет угрозы.

На наш взгляд, для КНР актуальны не столько претензии на «мировое господство», сколько признание со стороны мирового сообщества ее легитимности как одного из его полноправных членов. Следовательно, строить сегодняшние отношения с Китаем в русле борьбы с «китайской угрозой» было бы не конструктивным, не замечать тенденции превращения КНР во все более мощную державу также не оправданно. Нужно учитывать, что хотя Китай приблизился к позиции, с которой он может рассчитывать на гораздо более высокий международный статус, но сам он эти «претензии» еще не обозначил. Скван-

ные наличием колоссальных внутренних проблем, правящие круги КНР прежде всего должны решать их. Кроме того, следует отметить, если в начале нового века внешняя политика государства ориентировалась на создание благоприятных условий мирного возвышения, то в настоящее время появилась задача нейтрализации негативной реакции за рубежом на процесс стремительного становления Китая как будущей мощной державы посредством формирования позитивного международного образа страны.

Литература

1. *Воскресенский А.* Китай и мир глазами Китая // Свободная мысль, №10, 2004. с. 146-151.
2. *Е Цзычэн.* Большая стратегия Китая: главные проблемы на пути становления Китая как великой мировой державы и стратегический выбор. // Экспресс-информация №2 «Мирное возвышение Китая: проблемы и перспективы». М., 2006. с. 11-55.
3. *Лузянин С., Сафронова Е., Свешиников А.* Некоторые итоги внешнеполитической активности КНР в 2005 году // Проблемы Дальнего Востока, №3, 2006. с. 56-71.
4. *Рожков И.Я.* Реалии и имиджи современного Китая. М., 2006.
5. *Свешиников А.А.* Проблемы международной самоидентификации Китая. // Усиление Китая: внутренние и международные аспекты: Тезисы докладов XV международной научной конференции (Москва, 27-29 сентября 2005 г.). М., 2005. С. 143-148.
6. Чжунго гоцзи вентцзяньцзю, 2006, №3.

Салафизм (ваххабизм) в Западном Казахстане: вызов времени

Жакиева Баянгуль Куандыковна

Западно-Казахстанский государственный Университет
им. М. Утемисова

История возникновения и распространения ваххабизма, как одного из течений в исламе, имеет много противоречий. Это, прежде всего, связано с возрастающей ролью ислама в современном мире и количеством его последователей; разнообразием мнений в освещении различных аспектов ислама в теологической, научной литературе и средствах массовой информации. Ваххабизм ханбалитского толка суннизма не имеет традиций в истории казахстанских мусульман. Но влияние ваххабизма по мере углубления процесса национального самосознания народов может расти. Термина «ваххабизм» нет в исламе, но он связан с именем одного из основателей этого движения Мухаммада Ибн Абд

аль-Ваххаба. Современный толковый словарь арабского языка дает следующую трактовку: «Аль-ваххабийя» (ваххабизм)- это призыв к очищению религии от примесей и пороков, с которым выступил Мухаммад ибн Абдуль-Ваххаб в XVIII веке. Мухаммад ибн Сауд поддержал ибн Абдуль-Ваххаба на государственном уровне» [1, с. 57].

Как известно, в XVIII веке, когда капиталистические страны, особенно Англия, стремились к захвату колоний, первой пострадала Индия, потом атака была направлена на Османскую империю. Поэтому многие западные историки считают, что корни ваххабизма следует искать в Лондоне, то есть ваххабизм был порожден английской разведкой, конкретно, международным разведчиком Лоуренсом Аравийским. Перед англичанами тогда стояла задача разрушить (расколоть?) центр тяготения исламского мира. «И ваххабиты появились именно тогда, когда понадобились завоевателям» [2].

«Ваххабизм, распространяемый на территории Казахстана, имеет отличия от «арабского ваххабизма». «Если для Саудовской Аравии ваххабизм традиционен, то для нас это нетрадиционное течение со всеми вытекающими отсюда последствиями» [3, с. 64].

Критика салафитов направлена против традиционалистов, в ней отрицается культ святых и предков как посредников между верующим и Аллахом. Чрезмерное почитание и возвеличивание святых-шейхов (и даже самого пророка Мухаммада) салафиты считают отступлением от единобожия, которое не допускает поклонения никому. Они твердо придерживаются принципа единобожия (таухида): Аллах – единственный источник творения и только он достоин поклонения со стороны людей.

В последние десятилетия в связи с началом эксплуатации нефтяных запасов Каспийского бассейна в Казахстан приезжало на работу много арабов, палестинцев, иорданцев, сирийцев – в основном, выходцев из небогатых слоев общества, привносящих соответствующие настроения. Среди них встречались и миссионеры. Поэтому появление салафитов в среде казахской молодежи было отмечено раньше всего в центре разработки Карачаганакского газоконденсатного месторождения. В интервью газете «Казахстанская правда» председатель Комитета национальной безопасности РК Нартай Дутбаев, сообщил, что в 2004-ом году с Карачаганакского месторождения выдворены за пределы страны сразу 23 рабочих-иностранца, которые состояли в «Братьях-мусульманах» и «Асбат-аль-Ансаре». «С принятием закона о противодействии экстремизму поставлен заслон эмиссарам и членам радикальных группировок: теперь мы имеем право не впускать их на территорию государства и противодействовать распространению их идей среди казахстанцев» [4].

Однако распространение салафизма нельзя объяснить лишь внешними факторами. Он был востребован социально-политической реальностью кризисного, трансформационного периода общества. Когда возникло разочарование в коммунистической идеологии, ослабившей патриархально-этнические традиции и законы адата, вполне вероятно утверждение новых религиозно-идеологических ценностей. В ситуации духовного «вакуума» салафизм призывает мусульман вернуться к истокам и начать «чистый ислам». Он объявил джихад не только представителям иных религий, но и традиционному исламу.

Простота, логичность и стройность салафитской идеологии зачастую более привлекательна для молодежного европеизированного сознания, чем ханафитский культ со множеством ритуальных молитв, директивными обязанностями или суфизм с его рациональной мистикой. «Фундаментализм, – отмечает американский исламовед А. Дессуки, – это идеология... преимущественно образованных слоев населения, которые знают и гордятся своим исламским наследием. Это не народная религия неграмотных масс, хотя она и может служить эффективным средством их мобилизации». Знакомство с реалиями Западного Казахстана позволяет нам согласиться с этим утверждением [5].

Салафитская доктрина рациональна и доступна, обладает четкой, почти неопровержимой внутренней логикой, хотя многим мусульманским богословам и специалистам – исламоведам она не во всем представляется бесспорной. Декларируя строгое следование буквальным положениям Корана и Сунны, салафиты порой весьма умозрительно реконструируют, словно «заново изобретают» модель «чистого ислама» (особенно ее социально-политические аспекты) на базе избирательного подхода к священным текстам. Тем не менее, этот своеобразный рационализм салафитов позволяет как бы «модернизировать» ислам, очистив его от мистики, суеверий и патриархальных традиций, против которых восстает сознание современного человека.

Салафитское требование строгого поклонения одному лишь Аллаху как бы освобождает индивида от власти патриархальных родовых традиций, обеспечивая религиозную высшую санкцию, свойственного особенно молодежи стремлению к самостоятельности и самоопределению.

Салафитская идеология с ее акцентом на социально-политическую активность индивида служит эффективным средством мобилизации на борьбу против несправедливости и беззакония, творимые, как коррумпированными чиновниками, так и связанными с ними различного рода криминально-мафиозными группировками. На фоне достаточно тесных отношений между официальным духовенством и непопулярным, замешанным в коррупционных скандалах правящим режимом политиче-

ский нонконформизм выглядит особенно привлекательным для молодежи. Салафиты символизируют новый, «исламский порядок», тогда как ханафиты, несмотря на аналогичные призывы к введению шариата, воспринимаются как часть «старого порядка», старой системы.

Рассматривание и комплексное изучение всех проявлений религиозных движений со всеми внутренними противоречиями в самой религии повышает развитие эффективности борьбы с международным терроризмом.

Литература

1. *Аляутдинов Ш.* Разные мнения. Почему? М., 2003.
2. Республика Татарстан, № 103-104 (24400-24401), 24 мая 2001
3. *Абазов Р.Ф.* Исламское возрождение в центральноазиатских новых независимых государствах. // Полис. 1995. № 3. с.64
4. Интервью «Казахстанской правде» РК Нартая Дутбаева // Казахстанская правда, 02.04.2005.
5. *Бережной С.Е.* Исламский фундаментализм на юге России. // Приложение к «Южнороссийскому обозрению». 2003. № 3.

Роль государства в экономике Вьетнама: исторический обзор.

Зверева Алла Николаевна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Государство на протяжении всей истории своего существования наряду с задачами поддержания порядка, законности, организации национальной обороны, выполняло определенные функции в экономической сфере. Однако отношение к государственному регулированию экономики на разных этапах его становления было различным, да и методы государственного вмешательства варьировались в зависимости от страны и эпохи. В настоящий момент среди современных экономических учений преобладает убеждение о необходимости государственного вмешательства в действие рыночного механизма. Экономические школы расходятся только во мнении о методах и размерах такого вмешательства.

Генеральной целью государственного регулирования экономики является экономическая и социальная стабильность, укрепление существующего строя внутри страны и за рубежом, адаптация к его изменяющимся условиям.

Вьетнам – одна из немногих стран, народу которой пришлось в течение долгого времени отстаивать свою свободу и независимость. Многолетние войны, несомненно, оказали серьезное влияние на соци-

альную структуру и психологию вьетнамского общества, а также на формирование экономической политики государства.

Необходимость в достаточно прочной централизованной власти возникла во Вьетнаме очень рано. Можно сказать, что X – XI века были временем формирования централизованного государства, в частности формирования основ государственного управления страной и всеми сферами ее жизни. Разумеется, это не было государственным регулированием экономики в современном понимании, а большинство мероприятий, проводимых властями, были скорее данью времени и были направлены на решение насущных проблем, а не являлись частью планомерно осуществляемой государственной политики. Несмотря на достаточно большую роль государства в экономике Вьетнама, надо заметить, что оно выполняло мало функций. Главными заботами правительства Феодалного Вьетнама были пополнение бюджета через налогообложение и стабилизация положения в области сельского хозяйства (организация ирригационных систем, оформление отношений между крестьянами и крупными землевладельцами).

Середина XIX века явилась началом длительного периода колониальной зависимости Вьетнама. Можно сказать, что именно в этот период начинается формирование механизмов управления экономическими процессами в стране. Однако надо заметить, что эти механизмы были навязаны вьетнамскому государству извне, а не были получены в ходе самостоятельного развития страны. Политика властей была направлена не на экономическое развитие Вьетнама, а на усиление эксплуатации и превращение захваченной страны в аграрно-сырьевой придаток метрополии. Управление экономическими процессами во всех сферах было нацелено на получение огромных прибылей, а колониальный административный аппарат являлся инструментом, при помощи которого французский финансовый капитал приспособливал для своих нужд экономику Вьетнама.

Надо заметить, что с точки зрения содержания колонии французы проводили достаточно разумную политику. Конечно, не все было гладко, но в целом со своей задачей государство справлялось: Вьетнам был рентабельной колонией, французскому населению было выгодно вкладывать в него свои деньги. Государство выполняло достаточно много функций, так как только государственный контроль мог обеспечить управление всеми сферами жизни колонии и при этом не позволить развиваться непосредственно самой стране и национальному производству, невыгодному французам.

После освобождения страны перед вьетнамским правительством встало множество проблем. Для того чтобы построить подходящую систему управления экономикой во Вьетнаме, создать административ-

ный аппарат пришлось преодолеть немало сложностей, в частности в стране не было подготовлено необходимое количество управленцев и руководителей, которые бы обладали знаниями и практическими навыками в этой области. Ситуацию усложнял тот факт, что две части страны в течение длительного времени развивались в разных направлениях.

Правительство северного Вьетнама приступило к социалистическим преобразованиям экономики. Основой управленческой деятельности государства являлось планирование, в частности разработка долгосрочных и краткосрочных планов, направленных на повышение уровня жизни населения и расширение социалистического воспроизводства. Однако использование только административных рычагов управления, проведение политики без учета реальных условий породили такие экономические проблемы как бюджетный дефицит, нехватку продовольствия, низкий уровень сельскохозяйственного производства, инфляцию.

В Южном Вьетнаме шло развитие капиталистических отношений по пути западных стран. В сельском хозяйстве доминировали частные крестьянские хозяйства, а также более крупные плантационные. Основное место в структуре экономики занимала сфера услуг, которая составляла более половины ВВП, а большая часть расходов шла на содержание репрессивного аппарата и вооруженных сил.

Первое десятилетие после государственного воссоединения страны оказалось достаточно трудным. Перед государством стояла цель – социалистические преобразования в масштабах всей страны. Однако механизмы, которыми пользовалось правительство во время войны, не могли обеспечить восстановление народного хозяйства в мирное время, то есть государственный аппарат был не в состоянии решить задачу развития экономики, что заставило правительство начать поиски новых моделей управления. В результате в истории Вьетнама начался новый этап обновления и реформ во всех сферах экономической деятельности населения. Основным содержанием реформ было сочетание административных механизмов управления экономикой с рыночными, то есть переход к рыночной экономике при ведущей роли государства. Новая модель экономики начала достаточно успешно действовать, и сейчас страна имеет хорошие перспективы для дальнейшего развития.

Литература

1. *Деоник Д.В.* История Вьетнама. Часть 1. М., 1994.
2. *Мазырин В.М.* Социалистическая Республика Вьетнам в период рыночных реформ (1986-2003 гг.). // Реформы переходного периода. М., 2005.

3. Новая история Вьетнама. М., 1980.
4. 45 nam kinh te Viet Nam (1945-1990), Ha Noi, 1990.
5. Doan Trong Truyen. Mot so van de quan ly kinh te trong gia doan hien nay. Ha Noi, 1981.

Проблемы интеграции мусульман в западноевропейское общество на рубеже XX - XXI вв.

Карпов Григорий Алексеевич

Пермский государственный университет им. М. Горького

Ни для кого не секрет, что среди мировых религий наибольшую активность в последние 50 лет проявляет ислам. С середины XX в. ислам стал быстро осваивать европейские страны, традиционно считающиеся зоной распространения христианства. Появление значительного исламского населения в Западной Европе большинством исследователей вполне справедливо связывается с последствиями двух мировых войн (особенно, Второй мировой войны). Страны Западной Европы понесли серьезные людские потери, и для ускорения восстановления национального хозяйства демобилизуемым солдатам, набранным в колониях, было предложено поселиться в метрополии.

Первое поколение иммигрантов стремилось усвоить местные привычки и обычаи, специфика восточных «гостей» поначалу не привлекала внимания: как правило, они селились поближе друг к другу, тем самым, образуя своеобразное гетто, не была забыта традиция «восточного гостеприимства», а устроившиеся всячески помогали единоверцам (землякам, родственникам) в переезде, получении работы и гражданства; в семьях иностранных рабочих сохранялись обычный для традиционных обществ высокий уровень рождаемости, но без естественного регулирующего фактора, присутствующего в колониях – высокой смертности населения, обусловленной крайне низким уровнем жизни и неразвитостью медицины. Демографическая обстановка в странах Западной Европы стала стремительно меняться.

Когда численность пришлого населения достигает определенной критической отметки (не важно в рамках какой административно-территориальной единицы – квартал, район, город), происходит качественное изменение запросов приезжих, отныне иммигранты хотят сохранить идентичность, культуру, язык, религию, обычаи, традиции и т. д. И тогда барьеры между коренным и приезжим населением с каждым годом возрастают.

Во Франции численность иммигрантов (преимущественно мусульман) возросла с нескольких тысяч в 1945 г. до 5 млн. к концу XX в., в

1995 г. число мечетей достигло 3 тыс. В Англии компактными анклавами проживает свыше 4 млн. мусульман, вокруг мечетей (более 2 тыс.) созданы общины, которые играют все большую роль в общественно-политической жизни страны. В Германии проживает более 5 млн. приверженцев ислама, количество немецких неофитов превысило 100 тыс. Рабочие-мусульмане создали свои религиозные центры в Италии, Финляндии, Швеции, Норвегии, Швейцарии. Точное число мусульман проживающих в странах Западной Европы не известно из-за постоянного роста мусульманского населения и нескольких миллионов выходцев из исламских государств, проживающих нелегально. Количество иммигрантов, покинувших «лоно ислама», вполне компенсируется неофитами и вновь прибывшими мусульманами.

Цель данной работы – анализ степени изученности основных проблем, связанных с интеграцией мусульман в западноевропейское общество.

Задачи: изучение отечественной и зарубежной историографии конца XX – начала XXI вв., посвященной взаимодействию ислама с внешним миром, выявление общего и особенного в подходах разных исследователей, исследование мировоззренческих установок современных мусульман, влияющих на возникновение проблем интеграции.

Первая глава данной работы посвящена анализу советской историографии конца 80-начала 90-х гг. XX в. (Жданов Н.В., Игнатенко А.А., Ионов А.И., Кямилев С.Х., Вагабов М.В., Вагабов Н.М., Арипов М.К. и др.). Вторая глава включает изучение российской и зарубежной историографии начала XXI в. (Милославский Г.В., Модестов С.Л., А. Б. МакКлауд, М. А. Муктадар Хан, Р. Армур, Левин З.И.). В третьей главе исследуются труды мусульманских ученых рубежа XX-XXI вв. (А.А. Ан-Наим, Хатами Мохаммад, Р. Максуд, Хазрат Мирза Тахир Ахмад, Мохаммед Аркун).

К основным трудностям интеграции мусульман в западноевропейское общества рубежа XX-XXI вв. разные авторы относят – господство религии в мусульманском образовании и науке (унифицированная исламская модель образования); копирование маргинальных социальных структур, свойственных арабским странам, в Западной Европе; создание альтернативных европейским финансово-экономических систем; иная трактовка категории справедливости; рудименты прелогического сознания в мировоззрении современных мусульман; фактор распространения международного терроризма (особенно теракты в европейских странах); крайне не эффективная деятельность европейских силовых структур по устранению исламских экстремистских ячеек и организаций, обосновавшихся в Западной Европе; пренебрежительное предвзятое отношение основной массы мусульман и европейцев к

культуре и образу жизни другой стороны; противоречия между нормами шариата и современного гражданского правового общества.

Вышеизложенные проблемы вряд ли привели бы к серьезным последствиям, если бы в Западной Европе не существовал либеральный правовой режим, провозгласивший равенство всех культур и концепцию мультикультурализма. По мере выполнения западноевропейскими правительствами запросов мусульман (началось все с «невинных» просьб о строительстве исламских школ и мечетей), растет и уровень притязаний, и число проблем. Само понятие интеграции в европейское общество многими представителями ислама все чаще трактуется как ассимиляция и дискриминация.

При этом в западноевропейских общественных и научных кругах весьма распространена несколько односторонняя точка зрения, сводящая проблемы интеграции мусульман к безработице, нищете и ощущениям (!) недостаточного внимания со стороны государства к проблемам иммигрантов из мусульманских стран.

Перспективы интеграции постоянно увеличивающегося мусульманского населения Западной Европы остаются сомнительными и в связи с этим требуют дальнейшего изучения

Литература

1. *Абдулахи Ахмед Ан-Наим*. На пути к исламской реформации. М., 1999.
2. *Арипов М.К.* Социальный идеал ислама: мифы и реальность. М., 1988.
4. *Вагабов М.В., Вагабов Н.М.* Ислам и вопросы атеистического воспитания. М., 1988.
5. *Жданов Н.В.* Исламская концепция миропорядка. М., 2003.
6. *Жданов Н.В., Игнатенко А. А.* Ислам на пороге XXI века. М., 1987.
7. *Журавский А.В.* Христианство и ислам. Социокультурные проблемы диалога. М., 1990.
8. *Игнатенко А.А.* Зеркало ислама. М., 2004.
9. Ислам и политика (взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и в Центральной Азии) М., 2001.
10. *Кармен Бен Ладен*. В мрачном королевстве. Моя жизнь в Саудовской Аравии. М., 2005.
11. *Левин З.И.* Реформа в исламе. Быть или не быть?: опыт системного и социокультурного исследования. М., 2005.
12. *Максуд Р.* Ислам. М., 2003.
13. *Милославский Г.В.* Интеграционные процессы в мусульманском мире. М., 1991.

14. *Модестов С.Л.* Геополитика ислама. М., 2003.
15. Мусульмане в публичном пространстве Америки: надежды, опасения и устремления. М., 2005.
16. *Роллин Армур*. Христианство и ислам. Непростая история. М., 2004.
17. Социально-политические представления в исламе. История и современность. М., 1987.
18. *Хазрат Мирза Тахир Ахмад*. Ислам отвечает на вопросы современности. СПб., 2004.
19. *Хатами Мохаммад*. Ислам, диалог и гражданское общество. М., 2001.
20. Христианство, иудаизм и ислам: верность и открытость. М., 2004.
21. *Шайдаева Г.М.* Исламская мораль: иллюзия и реальность. Махачкала, 1990.
22. *Шарипова Р.М.* Концепции «национального просвещения» в мусульманских странах. Соотношение ислама и секуляризма. М., 1991.

Роль Южной Кореи в формировании зоны свободной торговли и единой валютной зоны в Северо-Восточной Азии

Карпов Евгений Александрович

Уральская Академия Труда и Социальных Отношений (Казахстан)

В последнее десятилетие XX в. в регионе СВА стала претворяться в жизнь идея о создании зоны свободной торговли. Такая необходимость возникла в виду возрастающей тенденции к глобализации МЭО и усиливающейся роли США и ЕС на международной арене. Возникла некоторая зависимость стран Востока от выбора пути развития в новых, качественных МО, а точнее представляется возможным два пути развития экономики восточноазиатских стран: либо страны Востока уйдут на периферию мировой экономической деятельности, либо станут интегрироваться и создадут определенный противовес западным странам. В начале XXI в. наиболее ярко выделился регион СВА, в котором, начиная с 1999 г. резко активизировался процесс создания зоны свободной торговли и единой валютной зоны. Цель данной работы состоит в том, чтобы проанализировать существующую ситуацию экономической интеграции в СВА, показать вклад Республики Корея (РК) в развитие интеграционных процессов, к которым в данное время прикован взгляд деловых кругов и мировой общественности.

В настоящее время наиболее удачно идет процесс поэтапного развития азиатского экономического сотрудничества в СВА. Отношения между Японией, Китаем и РК занимают во внешней политике данных стран особое место. Руководители трех стран заявили о «стремлении к

партнерству в духе дружбы и сотрудничества» [2], о «всеобъемлющем совместном экономическом сотрудничестве» (заявление Джу Жунцзы во время посещения Сеула в октябре 2000 г.). Страны постепенно сближаются друг с другом, развивая торговое, научно-техническое и инвестиционное сотрудничество.

Торговля – наиболее динамично развивающееся направление трехсторонних связей. В последнее время страны СВА являются ведущими торговыми партнерами друг друга. В 1998 г. финансовый кризис повлиял на объем торговли, и он составил всего 18,4 млрд. долл. Тем не менее, к 2005 г. он составил 43 млрд. долл., что составило 39,5 % прироста.

Вслед за укреплением торговых связей расширяется инвестиционное сотрудничество стран дальневосточного региона. Объектом инвестирования в основном выступает китайская сторона, что благоприятно отражается на его экономике. Республика Корея, является одним из основных инвесторов развивающегося Китая, однако, следует заметить, что, корейские компании начали инвестировать в Китай относительно поздно по сравнению с компаниями других стран, которые начали эту деятельность в 1980-х гг. Увеличение отраслевой взаимозависимости экономик региона способствует сближению в сфере научно-технического сотрудничества. Научно-техническое сотрудничество ведется по нескольким направлениям: совместное ведение научных исследований, стандартизация и систематизация высоких технологий: широкополосный Интернет, цифровое телевидение и т.д. [3]

Столь тесное и динамичное сближение торгово-экономических интересов не может не привести к мысли о дальнейших перспективах. Со стороны глав государств региона все чаще звучит идея возможного создания зоны свободной торговли. В 2002 г. трехсторонний саммит преобразуется в постоянно действующую политическую группировку «Восточно-азиатский форум». РК, Япония и Китай продолжают проводить исследования трехсторонней торговли и инвестиционные возможности, реформы информационных технологий, а также развития трехсторонних информационных и коммуникационных потоков. Таким образом, по мнению аналитиков, в СВА была положена мощная платформа к трехстороннему взаимодействию и созданию зоны свободной торговли.

Одним из важнейших факторов сближения стал процесс региональной валютно-финансовой интеграции. Оптимальная валютная зона определяется ведущими южнокорейскими экономистами как географическая зона, страны которой имеют определенные особенности экономического развития, позволяющие безболезненно для экономики отказаться от системы гибких валютных курсов и взаимно зафиксировать

валютные курсы или ввести единую валюту, что позволит получить определенные экономические преимущества. Важно отметить, что валютная интеграция является элементом экономической интеграции. Южнокорейские исследователи определяют следующие цели валютной интеграции:

1) обеспечение стабилизации в валютной сфере, которая будет способствовать развитию интеграционных процессов в различных сферах экономики стран, входящих в интеграционную группировку;

2) ограждение стран интеграционной группировки от негативных процессов в мировой экономике, путем устранения или частичного поглощения внешних воздействий. Они могут быть связаны с изменением уровня цен, объема денежного предложения, процентных ставок с экономическими показателями, характеризующими процессы в сфере производства и реализации продукции [4].

Специалисты в области интеграционного планирования РК выделяют следующие благоприятные факторы для создания региональной валютной системы:

а) высокий уровень производственных и торговых региональных связей;

б) уровень финансовых отношений внутри региона достаточно высокий. Япония занимает лидирующее место в региональном валютном обмене;

в) большая степень открытости экономики, высокая доля внешней торговли в ВВП.

Неблагоприятные факторы заключаются в:

1) отсутствию ярко выраженной лидирующей валюты, сильной позиции доллара, невысокой степени интернационализации иены (доля иены в международных расчетах и валютных запасах), препятствующей процессу замещения доллара иеной;

2) закрытости внутреннего рынка Японии, которая негативно сказывается на создании региональной валютной системы [3].

Экономическое и техническое взаимодействие позволило бы углубить взаимопонимание в политической сфере, что дало бы возможность для дальнейшего усиления экономического сотрудничества. Начало диалога и переговорного процесса о возможном формировании единой валютной корзины, а в последствии и единой североазиатской валюты говорит о понимании руководства стран СВА необходимости экономической интеграции как фактора, повышающего конкурентоспособность региона в целом, и его дальнейшего экономического выживания в глобализирующемся мире. Подписание соглашения о свободной торговле, а в дальнейшем и организация зоны свободной торговли и единой валюты могла бы стать новым рубежом, этапом, гово-

рящем о способности дальневосточных народов создать Восточноазиатское содружество по типу ЕС. Такой рывок в развитии региональной азиатской интеграции дал дополнительный толчок развитию всей мировой экономики, спадающей в рецессию, создало бы сильный политико-экономический полюс на геополитической карте мира.

Литература

1. Шифф М., Уинтерс А. Региональная интеграция и развитие. М., 2005.
2. Совместная декларация о сотрудничестве между Японией и Китаем (1998 г.)
3. Корея в поисках мира и процветания. М., 2004.
4. Корейский полуостров и вызовы XXI в. М., 2003.
5. Журнал «Азия и Африка», № 3, 7 - 2005, с. 48-51.

Права не мусульман в Саудовской Аравии и Ливане: сравнительный анализ

Компаниец Злата Александровна

Уральская академия труда и социальных отношений (Казахстан)

Введение

Говоря об арабском мире, многие не видят отличие ни в системе управления, ни в сознании граждан, но на самом деле разница все же есть. Арабский мир столь неоднозначен в своем подходе к одним и тем же вещам, поэтому попытка освящения положения представителей религиозных меньшинств на примере одной страны не дала бы полного представления о действительности. Поэтому, чтобы избежать этого, мы попытались показать это закрепление на примере стран, которые максимально отличаются друг от друга. Такими странам на наш взгляд являются Ливан и Саудовская Аравия. Конституционный статус личности в арабских странах, включает в себя принадлежность к гражданству данной страны, определенный объем прав и свобод, а также обязанности гражданина. Провозглашая ислам государственной религией, Саудовская Аравия объективно ограничивает правовой статус лиц, прямо не попадающих под действие религиозных норм. Если мы посмотрим на конституцию Ливана, то не увидим в силу ряда аспектов такого предписания, да и вообще предписания по поводу исповедания какой-либо религии. При сравнении конституционного закрепления прав не мусульман в странах следует отметить существенную разницу в том, что считается основным законом в стране. Конституцией Саудовской Аравии является ничто иное, как Священная Книга мусуль-

ман, что накладывает отпечаток на регламентирование прав и свобод не мусульман в Королевстве. При рассмотрении основного закона Ливана, сразу ощущается западное влияние, т.к. страна долгое время находилась под протекторатом немусульманской страны. Но мы не ставим перед собой задачи рассматривать разницу в строении конституции, задача заключается в том, чтобы, основываясь на конституции показать правовой статус не мусульман.

Методы

Основываясь на сравнении конституций двух государств с совершенно, на наш взгляд, противоположной системой регламентирования прав и свобод граждан, был проведен анализ положения не мусульман в рассматриваемых странах. Статистической базой исследования стали законодательные акты этих государств. Для выявления разницы и сходства в положении рассматриваемых слоев населения мы сравнивали законодательные акты между собой и прослеживали реальную обстановку по регламентированию прав не мусульман в стране. Выбор указанных мер представляется целесообразным для выявления конечных результатов исследования.

Результаты

При попытке показать правовой статус не мусульман в Саудовской Аравии и Ливане мы пришли к следующим выводам. Во-первых, правительство Саудовской Аравии не особо заботится о соблюдении прав и свобод не мусульман на территории своего государства. Правительство Ливана четко закрепляет тот факт, что немусульмане в своих правах и обязанностях равны с мусульманами. Во-вторых, нельзя отрицать, что нет в основном законе Саудовской Аравии конституционного регламентирования прав и свобод не мусульман, просто соблюдение не всегда осуществляется государством. В этом отношении ливанская и Саудовские конституции похожи, т.к. правительство Ливана не всегда четко регламентирует права и свободы своих граждан, иногда получается, что закон есть, но как им пользоваться не ясно, поскольку правительство говорит о предписаниях, которые никак не освящены в конституции.

В-третьих, вопрос о положении не мусульман в Саудовской Аравии не имеет столь большого значения. Да, немусульмане в Саудовской Аравии есть, но вот значение им отводится незначительное. В Ливане осуществление политики регламентирования прав и свобод не мусульман является частью государственной политики. В-четвертых, тот факт, что немусульмане, проживающие в Саудовской Аравии, в полной мере пользуются своими правами и свободами, в большей своей части является лишь мифом, которым Саудовские власти вуалируют реальность. В итоге, при рассмотрении положения не мусульман в рас-

смаатриваемых странах, мы пришли к выводам, что статус немусульман все-таки принижен, независимо от регламентирования и закрепления прав и свобод граждан.

Литература

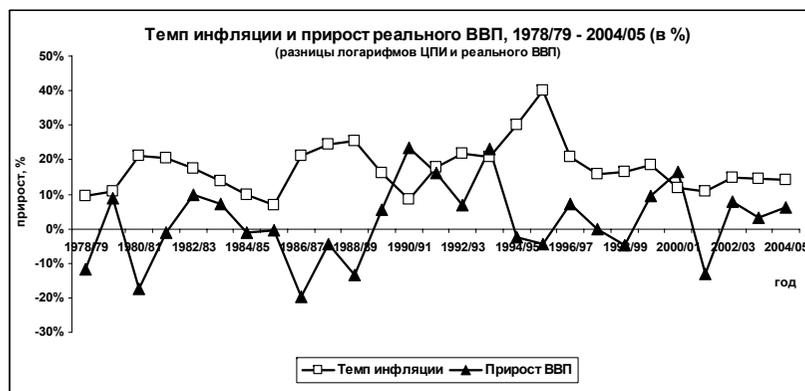
1. Сапронова М.А. Государственный строй и конституции арабских республик. М., 2003.
2. Сапроновой М.А. Арабский Восток: власть и конституции. М., 2001.
3. Александров И.А. Монархии Персидского Залива: этап модернизации. М., 2000.
4. Мадьбули Ас-Сагир. Совет Взаимопомощи Залива. 2003.
5. Крачковский И.Ю. Коран. Ростов-на-Дону, 2001.

Инфляция и экономический рост в долгосрочном периоде. Пример Исламской Республики Иран

Кофанов Дмитрий Александрович

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Предлагаемое исследование ставит целью установить какое-либо соотношение между темпами изменения цен и ростом валового продукта в Иране начиная с победы исламской революции 1978-79 гг. и вплоть до настоящего времени. Основные идеи относительно этой долгосрочной взаимосвязи и методы ее оценки были позаимствованы из статьи Output and Inflation in the Long Run (Neil R. Ericsson, John S. Irons, and Ralph W. Tsyon, 2000). На нижеследующей диаграмме представлены изучаемые в данной работе ряды показателей.

Во-первых, можно попытаться оценить модель векторной авторегрессии для прироста ВВП и темпов инфляции. Наличие причинности по Гренджеру будет означать, что хотя бы в одно из двух уравнений VAR в качестве объясняющей со значимым коэффициентом войдет вторая лагированная переменная. Для Ирана зависимость между переменными хотя бы в одном направлении не подтверждается.

Далее, перейдем к коинтеграции. Если переменные коинтегрированы, т.е. наличествуют вектора коэффициентов, определяющие долгосрочное их соотношение, значит, существует и причинность по Гренджеру. Но здесь необходимы интегрированные ряды I(1). Авторы статьи утверждают, что, как правило, значения инфляции есть интегрированный ряд порядка 1, прирост ВВП – стационарный ряд, и, соответственно, логарифм ВВП – ряд I(1), стационарный в разностях. Поэтому коинтеграцию следует оценивать именно для инфляции и самого продукта, а не его прироста. В случае Ирана можно достаточно уверенно сказать, что первая разность логарифмов ВВП стационарна, и даже, вероятно, соответствует процессу белого шума. Соответственно, изменение во времени логарифма ВВП должно описываться процессом случайного блуждания, что хорошо подтверждается коррелограммой. Впрочем, вероятно, что ряд логарифмов ВВП обладает не только стохастическим, но и линейным трендом (в указанной статье линейный тренд присутствовал в коинтеграционных уравнениях). Наибольшие трудности представляет спецификация ряда темпов инфляции: ADF-тест не отвергает гипотезу о единичном корне (как и для предшествующего ряда), но исходя из коррелограммы и оценивания различных моделей, можно говорить о процессах AR или MA, в последнем случае, возможно, необратимых и т.д. Но даже если мы предположим, что и инфляция является рядом I(1), то процедура Йохансена не приносит каких-либо положительных результатов, для всех вариантов показывая нулевой ранг вектора коинтеграции.

Отсюда можно заключить, что в рассматриваемый период 1) не прослеживается взаимного влияния инфляции и роста внутреннего продукта, и 2) отсутствует устойчивое соотношение между уровнем ВВП и инфляцией.

Чтобы пояснить результаты, следует заметить, что когда мы пользуемся годовыми данными, то даже если связь причинно-следственная связь между интересующими нас показателями существует, степень ее проявления может зависеть от величины лага денежно-кредитной политики. Конечно, нет нужды упоминать, что количество наблюдений невелико.

Тем не менее, можно установить некоторые закономерности. Из диаграммы видно, что имеет место чередование периодов однонаправ-

ленного и разнонаправленного движения темпов роста и инфляции. Последние связаны с экономическими трудностями после революции и во время войны с Ираком. В этом отношении весьма показателен период 1985/86 – 1988/89, когда на фоне обвала нефтяных цен в конце 1985 – начале 1986 и военных разрушений правительство активно занималось дефицитным финансированием бюджета. Стагфляция характерна и для 1994/95 и 1995/96 гг., – экономика, исчерпавшая потенциал послевоенного восстановления, все тяжелее переносила вялую нефтяную конъюнктуру. Высокая инфляция и низкий, во многих случаях отрицательный рост соседствуют достаточно часто (коэффициент корреляции отрицателен: - 0,244), но это еще не дает поводов говорить о значимом непосредственном влиянии их друг на друга, поскольку обе переменные постоянно подвергаются воздействию сильнейших внешних факторов.

Иранская ядерная программа и общественное мнение в ИРИ

Кузнецов Дмитрий Владиславович

Благовещенский государственный педагогический университет

В настоящее время, применительно к международным отношениям актуальность так называемой иранской проблемы носит исключительный характер. Она связана с попытками Исламской Республики Иран (ИРИ) разрабатывать собственную ядерную программу. По мнению некоторых представителей международного сообщества, это предоставит Ирану возможность создавать компоненты оружия массового уничтожения (ОМУ) и, в первую очередь, ядерного, в связи с чем, эта проблема, что вполне объяснимо, вызывает сильную озабоченность со стороны США, стран Западной Европы и стран, соседних с Ираном (например, Государства Израиль), а кроме того – постоянно находится в центре внимания мировой общественности. В связи с этим, важность приобретают результаты опросов общественного мнения, посвященных иранской проблеме и их анализ.

В центре нашего внимания – ситуация, которая к данному моменту сложилась в общественном мнении Ирана в отношении ядерной программы этой страны.

И здесь, конечно же, надо учитывать ту антиамериканскую пропаганду, которая вот уже несколько десятилетий господствует в СМИ Ирана, следствием чего является устойчивый критицизм в адрес США со стороны иранцев. Руководство Ирана в ответ на углубление кризиса в связи с иранской ядерной программой фактически развернуло внутри страны полномасштабную психологическую кампанию, готовящую

общество к вероятному силовому вмешательству извне. Комментарии в иранской периодической печати оказали серьезное влияние на общественное мнение в стране [1].

В настоящее время, большинство иранцев (при этом, по преимуществу – это молодежь, тогда как старшее поколение проявляет некоторую сдержанность) расценивают США не иначе как государство, от которого в настоящее время «исходит главное зло на Земле». Считая, что Иран должен играть на Ближнем и Среднем Востоке «доминирующую дипломатическую и военную роль» (на это указывает 56 % опрошенных в Иране лиц, против – 12 %) [2], иранцы, естественно, крайне враждебно относятся к тому, что в последние годы именно США активизировали свою деятельность в этом регионе земного шара [3].

Согласно опросу общественного мнения, проведенному в Иране 29-30 января 2006 г., большинство иранцев полагает, что страна должна продолжать разрабатывать собственную ядерную программу, расценивая последнюю в качестве «очень важной» для государства, поскольку это дает возможность получить альтернативные нефти источники энергии. Хотя, процент тех, кто оказывал этому поддержку (85 %), падает, если возникнут негативные последствия для Ирана: 1. В случае если вопрос будет направлен на обсуждение в Совет Безопасности ООН (до 74 %). 2. В случае если в отношении Ирана будут введены экономические санкции (до 64 %). 3. В случае если начнутся военные действия против Ирана (до 56 %) [4]. В свою очередь, то обстоятельство, что в перспективе Иран может получить ядерное оружие, вызывает серьезную озабоченность у относительного большинства опрошенных лиц (42 %), которые считают, что это усилит их беспокойство и дискомфорт (не согласилось с этой точкой зрения 37 %) [5].

В результате, в Иране общественное мнение, в сущности, расколото, когда речь идет о двух составляющих иранской ядерной программы и, в связи с этим, весьма примечательна статья Т. Парси, который в июле-августе 2004 г. находился в Иране, где провел собственное социологическое исследование. Общаясь в течение этого периода с жителями Тегерана, он выяснил, что иранцы действительно, с одной стороны, положительно относятся к тому, что ядерная программа – это шанс для Ирана получить доступ к мирным технологиям в области атома и, тем самым, восполнить все более и более растущие потребности бурно развивающейся страны в энергии, а с другой – одна из составляющих ядерной программы (разработка ядерного оружия) не находит у них поддержку, поскольку это не улучшит, а скорее ухудшит безопасность иранского государства [6; 7].

При этом, несмотря на постоянное давление, осуществляемое со стороны американцев, иранцы (65 %) вовсе не считают, что в обозри-

мом будущем возможен вооруженный конфликт между Ираном и США [8]. В частности, большинство иранцев пока еще уверено в том, что кризис будет разрешен мирным путем и с использованием только дипломатических средств. Что же касается характера возможных международных санкций, то в Иране преобладает мнение, что если санкции все же последуют, то они прежде всего будут включать дипломатические меры и, таким образом, затронут политическое руководство страны, представители которого будут ограничены в посещении зарубежных стран (72 %). Меньшее число опрошенных в Иране лиц (22 %) считает, что США решатся применить экономические рычаги давления, на которые Тегеран ответит асимметрично, задействовав нефтяной фактор. И только по мнению 7 % они будут носить военно-силовой характер. При этом иранцы в своем абсолютном большинстве (почти 80 %) убеждены в том, что руководство страны не намерено смягчать свою позицию и так же, как и ранее, будет продолжать курс на противостояние с США, а 13 % заявило о том, что Иран, по их мнению, в сложившихся условиях постарается выторговать для себя максимально возможные дивиденды. Лишь 3 % полагают, что Иран отступится от своей позиции и подчинится резолюциям Совета Безопасности ООН [9].

М. Эйбедин в своей статье «Иранское общественное мнение и ядерный тупик», опубликованной в журнале «Ближневосточный наблюдатель» считает, что сложившийся в настоящее время общенациональный консенсус вокруг ядерной программы сформировался на основе целого ряда факторов. Во-первых, это то воздействие, которое на массовое сознание иранцев оказала не совсем удачная для Ирана ирано-иракская война 1980-1988 гг.: агрессия со стороны Ирака выявила существенную слабость страны в военном отношении, которая ощущается практически до сих пор и вследствие этого, иранцы естественно всячески стремятся ликвидировать эту слабость, в том числе и путем получения собственного ядерного оружия. Тем более, что наличие в регионе целого ряда ядерных держав: Индии и Пакистана – на Востоке и (неофициально) Государства Израиль – на Западе, вынуждает Иран также идти по этому пути. Во-вторых, положительное восприятие в иранском обществе ядерной программы стало следствием восприятия иранцами идеи самостоятельности страны в области энергетики. И хотя Иран, как известно, имеет в наличии обширные запасы нефти, тем не менее, его руководство постоянно апеллирует к тому, что они вполне могут иссякнуть и, в этих условиях, освоение энергии атомного ядра остается, в сущности, не только единственным шансом выхода из этой ситуации, но и реальной возможностью вырваться вперед на пути прогресса. И, наконец, в-третьих, свою известную роль сыграло также

критическое отношение жителей Ирана к США, которые, как считают иранцы, используя в качестве предлога кризис, возникший вокруг иранской ядерной программы, стремятся расширить свое влияние в регионе. Соответственно и получение собственного ядерного оружия рассматривается иранцами как самое эффективное средство, способное остановить США и не допустить военно-силовой акции в отношении Ирана [10].

В настоящее время, учитывая то обстоятельство, что государства, втянутые в кризис вокруг иранской ядерной программы (США, страны Западной Европы, Государство Израиль и Иран), несмотря на многочисленные попытки, вот уже в течение нескольких лет не могут найти взаимоприемлемые точки соприкосновения, общественное мнение в этих государствах также демонстрирует в целом различное понимание ситуации [11]. И хотя сейчас разногласия вокруг иранской проблемы фактически определяют здесь общественный климат, их преодоление все-таки возможно, но только в том случае, если международное сообщество, а также стороны, вовлеченные в конфликт, отказавшись от конфронтации, пойдут на столь необходимый компромисс, тем более что и общественность в своем подавляющем большинстве постоянно указывает на него, как на единственный вариант выхода из сложившегося положения. Учет ли руководство США, стран Западной Европы, Государства Израиль и Ирана эту точку зрения, покажет будущее.

Литература

1. *Вартанян А.М.* Иранское общество накануне судьбоносных решений. // <http://www.iimes.ru>.
2. Inside Iran – Exclusive Reader’s Digest // Zogby International Poll of Iranians Reveals a Society in Flux. 7/13/2006. // <http://www.zogby.com>.
3. Survey shows anti-U.S. sentiments, national pride among Iranians. 7/15/2006. // <http://www.zogby.com>.
4. Ispa’s latest Poll about Iran’s Nuclear Programs. 06-2-6. // <http://www.ispa.ir/en>.
5. Iran Institute for Democracy – IRAN SURVEY. An Executive Summary. June 2005. // <http://www.IranInstituteforDemocracy.org>.
6. Parsi T. Tharwa Feature: Iranian Public Opinion and Tehran’s Nuclear Program // Tharwa Project. 4 April 2005. // <http://www.tharwaproject.com/>.
7. Herzog M. Iranian Public Opinion on the Nuclear Program: A Potential Asset for the International Community // The Washington Institute for Near East Policy. Policy Focus #56. June 2006.
8. Iranians see no war with US in next decade – poll. 7/12/2006. - <http://www.zogby.com>.

9. *Вартамян А.М.* Иранское общество накануне судьбоносных решений. // <http://www.iimes.ru>.
10. *Abedin M.* Iranian Public Opinion and the Nuclear Stand-Off // *Mideast Monitor*. Vol. 1. №2. April/May 2006. - <http://www.mideastmonitor.org>.
11. *Public Opinion in Iran and America on Key International Issues*. January 24, 2007. A WorldPublicOpinion.org Poll conducted in partnership with Search for Common Ground and Knowledge Networks.

Гендерная дискриминация на рынке труда КНР

Кузнецова Анастасия Константиновна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Со времени образования КНР официально в стране проводился курс на равноправие мужчин и женщин. Но на практике широко была распространена гендерная дискриминация, принимавшая самые разнообразные форм. В наибольшей степени это проявлялось в более низкой оплате труда женщин за равный с мужчинами труд, ограниченных возможностях женщин сделать карьеру, в меньшем доступе женщин к образованию. Проведение экономической реформы привело к важным изменениям в положении женщин на рынке труда КНР.

* * *

За годы экономической реформы положение женщин на рынке труда претерпело серьезные изменения. Можно выделить несколько важных тенденций.

Увеличение занятости женщин в общественном труде. Прежде всего, значительно увеличилось число работающих женщин. Если в 1986 г. женщины составляли 36,6% трудящихся, в 1996 г. – 39,6%, в 2000 г. – уже 40,2%. Это выше среднемирового показателя, составляющего 34,5% [1, с. 16], но несколько ниже среднего уровня по странам ЮВА (50%). Если в 1990 г. в стране работало 291 млн. женщин, то в 2003 г. – уже 337 млн.

Более того, в мае 2001 г. правительство КНР приняло долгосрочную «Программу развития, ориентированную на китайских женщин (2001-2010)». Цель программы – увеличить женскую занятость; стимулировать развитие тех отраслей, где преобладает женская занятость. Реализации программы позволяет предположить, что занятость среди женщин будет расти. Прежде всего, за счет вовлечение в городскую занятость женщин-мигрантов из сельской местности.

Оплата труда. За годы экономической реформы оплата труда женщин постепенно росла, хотя заработная плата женщин по-прежнему ниже, чем у мужчин. Уровень заработной платы женщин в настоящее

время составляет около 80% от уровня оплаты труда их коллег-мужчин [2]. Это несколько выше среднемирового показателя в 60%-70% и выше показателя в 75%, характерного для таких развитых стран, как США, Канада, европейские страны.

Разрыв в оплате труда увеличился для лиц со средним и неоконченным средним образованием, но сократился для лиц, окончивших техникумы и колледжи. Наиболее значительное сокращение гендерного разрыва в заработной плате произошло в группе работников, получивших высшее техническое образование. И наоборот, в городе оплата труда женщин, не имеющих никакой квалификации, снизилась по сравнению с доходами мужчин, выполняющих аналогичную работу [3, с. 9].

Уровень образования. В целом, у женщин в трудоспособном возрасте более низкий уровень образования, чем у мужчин. Так, в 1990 г. неграмотность среди женщин в возрасте от 16 до 64 лет составляла 30,1%, т.е. была примерно в 2 раза выше среднего показателя по стране. Хотя за последующие десять лет, т.е. к 2000 г., уровень неграмотности женщин удалось снизить до 16,1%, сохранился более чем двукратный разрыв в уровне неграмотных среди женщин и средним показателем по стране. В 2003 г. эти показатели составляли 15,85% и 6,72% соответственно [4, с. 109]. Особенно высок уровень неграмотности среди женщин в деревне, где родители экономят на образовании дочерей.

За годы экономической реформы разрыв в уровне образования мужчин и женщин сократился, но остается все еще заметным. Среди лиц с начальным образованием доля мужчин и женщин примерно одинаковая (49% и 50% соответственно). Но последующее образование получает все меньшее число женщин. В настоящее время среди лиц, получивших неполное среднее образование, женщины составляют 45%, законченное среднее – 43,5%, среди учащихся ВУЗов и профтехучилищ – 41% [5, с. 110]. В результате, женщины могут претендовать только на более низкие должности с меньшей оплатой труда.

Структура женской занятости. В первое десятилетие проведения экономических преобразований вне зависимости от отраслевой специализации предприятия женщины чаще работали на предприятиях коллективной, а не государственной собственности, а также на «предприятиях волостей и поселков» (ПВП), то есть на предприятиях, которые не предоставляли своим работникам никакой социальной защиты и не гарантировали соблюдение элементарных трудовых прав. Женский труд преобладал в таких отраслях, как швейная (70,9% занятых), бумажная (68,9%) и химическая промышленность (53,8%).

В течение второго десятилетия экономической реформы произошло некоторое перераспределение женского труда между отраслями. К 2000 г. удельный вес женщин среди работников превышал 40% в таких отраслях, как здравоохранение и социальное страхование (57%); просвещение, культура, средства массовой информации (44%); торговля и общественное питание (45,7%); коммунальные услуги (43,5%) [6, с. 156]. Но вне зависимости от сферы занятости доля женщин, занимающих руководящие должности, остается крайне незначительной.

Географическое распределение занятости женщин. В ходе экономических преобразований менялась география женской занятости. Степень вовлеченности женщин в общественный труд была выше среднего уровня в городах центрального подчинения – Пекине, Шанхае, Тяньцзине, где уже в начале 1980-х годов этот показатель превышал 40%. На втором месте – экономически развитые приморские провинции – Ляонин, Цзилинь, Цзянсу, Гуандун, в которых развитие экспортно-ориентированных производств увеличило спрос на работниц-женщин.

Аналогично, в 1990-е годы во внутренних провинциях КНР, особенно центральных, сохранилась тенденция более низкой занятости женщин. Более того, в ряде провинций, особенно в провинциях с относительно избыточным сельским населением и в провинциях – бывших центрах тяжелой промышленности, женская занятость сокращалась. Это было обусловлено реформированием и закрытием убыточных предприятий, на которых женщины попадали первыми под сокращение.

Нормативное регулирование положения женщин на рынке труда. «Правила защиты труда» (1988), «Трудовой кодекс» (1994) и закон «О защите прав и интересов женщин» провозглашают равные права мужчин и женщин на рабочем месте и призваны защищать законные права женщин, обеспечивать им равную оплату труда с мужчинами. В законодательных актах специально подчеркивается, что женщинам не может быть отказано в трудоустройстве по половой принадлежности. Однако в статье 5 «Трудового кодекса» указано, что в ряде отраслей возможны ограничения на наем женщин. К их числу отнесены отрасли, условия труда в которых признаны государством наносящими вред здоровью женщин. Закон не содержит закрытого перечня таких отраслей, в нем лишь определен общий подход. Это – работа под землей, работа на высоте, интенсивный физический труд при высоких или низких температурах (так называемые «работы четырех категорий»), тяжелый физический труд в период беременности, лактации или менструального цикла. Отсутствие в законодательстве закрытого перечня отраслей, в которых ограничена занятость женщин, на практике позво-

ляет руководителям предприятий произвольно решать вопрос о приеме женщин на работу [7].

Особое внимание в «Правилах защиты труда» уделяется защите здоровья работающих женщин и прав беременных женщин. Так, Правила предусматривают, что на время беременности и ухода за новорожденным женщинам должна сохраняться их базовая заработная плата, а трудовой контракт не может быть аннулирован. Работодатель обязан предоставить работнице декретный отпуск продолжительностью 90 дней, в том числе 15 дней – до родов, а после выхода женщины на работу предоставлять в течение рабочего дня два перерыва продолжительностью 30 минут для кормления ребенка.

Современные проявления гендерной дискриминации.

Всеитайская федерация женщин КНР выделила несколько проявлений гендерной дискриминации [8]: женщины первыми попадают под увольнение; на предприятиях вводятся ограничения на прием женщин на работу; во время декретного отпуска женщинам снижают тарифную ставку заработной платы; женщины, как правило, за ту же работу получают более низкую заработную плату, чем их коллеги мужчины; на отдельных предприятиях отделы кадров требуют от поступающих на работу женщин подписать обязательство в течение 3-5 лет не выходить замуж и не заводить детей.

Обследование Всеитайской федерации профсоюзов, проведенное в 2004-2005 гг., показало, что часто предприятия негосударственных форм собственности не заключают трудовые контракты с работницами. В случае же заключения трудового договора его условия не предусматривают защиту законных прав женщин. В качестве наиболее серьезных нарушений в отчете о результатах обследования отмечались следующие факты:

- запрет беременности;
- обязательность работы вплоть до выхода в декретный отпуск;
- отказ от оплаты отпуска по уходу за ребенком;
- возможность применения карательных мер за нарушение трудовой дисциплины, в том числе физических наказаний и штрафов;
- отказ от снижения физических нагрузок работающих женщин в случаях, предусмотренных действующим законодательством
- отказ от повышенной оплаты сверхурочной работы [9].

Более того, Всеитайская федерация профсоюзов привела данные о том, что работодатели заставляли женщин на 8-м месяце беременности работать в ночные смены.

В целом, у женщин, работающих на предприятиях негосударственной собственности, ненормированная рабочая неделя – до 76 рабочих часов в неделю, а в отдельных случаях даже до 90 часов.

По мнению как китайских, так и зарубежных специалистов, острота гендерной дискриминации китайских женщин со временем будет ослабевать. Благодаря, во-первых, старению населения. Продолжение политики ограничения рождаемости «одна семья – один ребенок» и сохранение коэффициента фертильности на нынешнем уровне в 1,3 приведет к тому, что к 2050 г. доля людей старше 65 лет в численности городского населения превысит 35%, а сельского – 20% [10, с. 17]. Во-вторых, традиционное предпочтение китайских семей иметь мальчика уже сейчас порождает серьезные диспропорции между полами. Если в 1982 г. на 100 новорожденных девочек приходилось 108,5 мальчиков, то в 2000 г. соотношение уже составляло 100 к 119,2. Это уже в ближайшие годы приведет к значительному дефициту женского населения. В-третьих, постепенный рост доходов населения увеличивает доступ женщин к образованию. Более высокий уровень образования и квалификации позволит женщинам претендовать на лучше оплачиваемые должности.

Литература

1. White Paper on Population in China // <http://english.peopledaily.com.cn>.
2. www.china.org.cn/07.03.2006.
3. *Инь Хэ*. Либерализация торговли и гендерное равенство // *Beyond transition*. – World Bank, 2009. – N 9.
4. Чжунго тунци няньцзянь. 2004 (Китайский статистический справочник. 2004) // Пекин, 2005.
5. Чжунго тунци няньцзянь. 2004 (Китайский статистический справочник. 2004) // Пекин: Чжунго тунци няньцзянь, 2005.
6. *Островский А.В.* Формирование рынка рабочей силы в КНР. – М: РАН. Институт Дальнего Востока, 2003.
7. *Christine M. Bulger*. Fighting Gender Discrimination in the Workplace // http://www.bc.edu/bc_org/avp/law/lwsch/journals/bctwj/20_2/03_FMS.htm
8. *Xu Ke*. Women in China // Bangkok Conference, Gender Discrimination in South Asia, 2000 // <http://onlinewomen.inpolitics.org>.
9. www.china.org.cn/07.03.2006.
10. *Wang Fei*. Can China afford to continue it's one-child police? // *Asia Pacific*, 2005. – N 77.

Характеристика современного экономического роста КНР

Лапердина Виктория Викторовна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Как только экономический рост в Китае начал набирать темпы, он стал объектом пристального внимания со стороны Запада, воспринимающего наращивание экономической мощи как накопление первоначального капитала для дальнейшего доминирования в мире. Рост, естественно, важен не только для положения в мире, но и для поддержания стабильности в стране. Несмотря на достаточно высокие темпы роста в 80-е годы, в 1989 г. произошли волнения, закончившиеся расстрелом демонстрантов на площади Тяньаньмынь. Каким же был экономический рост тогда, и какой он в настоящее время?

С 1978 по 2004 гг. среднегодовые темпы роста ВВП составили 9,6% в год, в постоянных ценах 1978 г. ВВП увеличился в 12 раз, в текущих ценах – с 362 млрд. юаней в 1978 г. до 15988 млрд. юаней в 2004 г. Уровень подушевого ВВП возрос в постоянных ценах в 8,8 раз. В конце 70-х годов Китай был на 10 месте по объему ВВП, на 175 по подушевому ВВП в ряду 188 стран. В 2004 г. поднялся до 6 места по объему ВВП, но остался по-прежнему вне первой сотни по подушевому ВВП (107 место).

Количественная сторона роста о многом говорит, как поднялся Китай в течение периода реформ, как много он теперь весит в мире. Однако показатели экономического роста мало говорят о том, как живет население, что ест, что читает, что его волнует, кроме того, неизвестно, насколько эти цифры достоверны и как получены, ценой чего.

Достоверность экономического роста некоторое время была одной из самых обсуждаемых тем, касающихся Китая. Китайская статистика неоднократно подвергалась критике. Согласно различным оценкам, темпы прироста ВВП, представленные статистическими органами, завышены на 1-7%, а объем занижен на 2-34%. Как бы ни рознились оценки темпов прироста, они не дают представления о социально-экономическом состоянии в стране, по которому можно оценить качество роста.

Рост может быть справедливым или несправедливым, сопровождаемым низкой инфляцией, высокой инфляцией или безинфляционным, с полной занятостью или с безработицей, устойчивым или неустойчивым, стабильным или нестабильным. Чтобы оценить качество роста, необходимо сопоставить экономический рост с показателями социального развития, состояния окружающей среды, ресурсозатратностью роста.

Представляется важным рассмотреть проблемы низкого уровня жизни населения; неравномерности развития районов; разрыва в развитии города и деревни; расслоения населения по доходам; высокой себестоимости роста.

По данным статистики, в 2004 г. официальный уровень безработицы колеблется вокруг 4% (эта цифра охватывает только зарегистрированных безработных в городе), но китайские экономисты говорят, что реальный уровень – 14% для города (в деревне выше). В 2003 г. коэффициент Джини был 0,46, что выше «опасного уровня» 0,4. По расчетам Академии общественных наук Китая, с учетом «неофициальных» доходов коэффициент Джини в 2000 г. достиг 0,5.

Для производства 1 долл. в Китае требуется больше энергии, чем в США в 4,4 раза, чем в Германии и Франции в 7,8 раз, чем в Японии в 11,6 раз. ВВП Китая в 2004 г. составил 4,4% от мирового ВВП, для его создания используется 7,4%, 31%, 30% и 27% нефти, угля, железной руды и стального проката. С 1949 г. по 1997 г. ВВП Китая вырос в десять раз, количество потребленных минеральных ресурсов увеличилось в 40 раз.

В 2004 г. ВВП страны составил 15987 млрд. юаней. Предполагаемые расходы на устранение загрязнения окружающей среды, в общей сложности составили 1,8% ВВП 2004 г. (287,5 млрд. юаней). Ущерб от загрязнения достиг 511,8 млрд. юаней, что соответствовало 3,05% ВВП 2004 г. Однако для того, чтобы произвести очистку от выбросов окружающей среды по состоянию в 2004 г., учитывая уровень существующей технической оснащенности, Китаю, как рассчитали специалисты, потребуются единовременные инвестиции в размере 1080 млрд. юаней, что равно 6,8% ВВП 2004 г. Китай является самой неблагополучной в экологическом плане страной в мире, и население серьезно страдает от деградации окружающей среды.

В Китае экономику страны сравнивают с огромной несмазанной машиной, а экономический рост со смазочным маслом. Китайские специалисты говорят, когда темпы роста замедляются, все проблемы выходят наружу. В действительности с ускорением роста проблем не становится меньше, напротив, некоторые становятся более очевидными (например, неравномерность развития). В начале периода реформ акцент делался на экономическом росте, измеряемом темпами прироста ВВП, руководство Китая не углублялось в проблемы стабильного устойчивого развития. После 2000 г. экономика вновь начала набирать темпы, проведена корректировка темпов роста и объема валового продукта в сторону повышения. Руководство переместило центр работы в экономическом строительстве на решение проблем качества роста, создание гармоничного общества, устойчивого мирного развития. Однако от высоких темпов роста в будущем (по крайней мере, до 2030 г.) в Китае не отказываются. Опыт Китая в случае успешного сочетания высоких темпов роста и повышения качества роста будет очень ценен.

Литература

1. Diyici quanguo jingji pucha zhuyao shuju gongbao [Сводки основных данных первой экономической переписи Китая (№№ 1,2,3)]. Пекин, 2006.
2. Hu Angang, Wang Yahua. Guoqing yu fazhan. Zhongguo wu daziben dongtai bianhua (1980-2003) yu changyuan fazhan zhanlve. [Общая ситуация и развитие Китая. Динамика изменений пяти видов основного капитала Китая за 1980-2003 гг. и стратегия долгосрочного развития]. Beijing, 2005.
3. Zhongguo jingji qianjing fenxi. – 2003 nian chunji baogao. [Анализ перспектив экономики Китая. – Весна 2003 г.]. Beijing, 2003.
4. Zhongguo lvse guomin jingji hesuan yanjiu baogao 2004. [Доклад о проведении национальных эколого-экономических расчетов в 2004 г.] Beijing, 2006.
5. Zhongguo jingji zengzhang baogao – Duiwai kaifangzhongde jingji zengzhang. [Доклад об экономическом росте Китая в 2006 г. – Экономический рост в условиях внешней открытости]. Beijing, 2006.

Палестина в условиях двоевластия: реалии и перспективы

*Нурмухаматов Гани Альбертович*²

Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина

После победы движения «Хамас» на прошедших 25 января 2006 г. парламентских выборах в Палестинской Национальной Администрации (ПНА) наступил период двоевластия: президентом ПНА является Махмуд Аббас, лидер «Фатх», предыдущей «партии власти»; в то же время было сформировано новое палестинское правительство, возглавил которое один из лидеров движения «Хамас» Исмаил Хания.

Новому правительству ПНА пришлось с первых дней своей деятельности столкнуться с рядом внешнеполитических трудностей. Израильское руководство заявило о своем категорическом отказе вести какие-либо переговоры с «террористической организацией, призывающей к уничтожению Государства Израиль». С этим определением, данным движению «Хамас» лидером левой партии «Авода» Амиром Перецом (вскоре занявшим пост министра обороны), были согласны подавляющее большинство политических деятелей Израиля и граждан этой страны. Израильское правительство было поддержано США и ЕС, объявившими мораторий на оказание финансовой помощи палестинцам.

² Автор выражает признательность своему научному руководителю проф. Гришину Я.Я. за помощь в подготовке тезисов.

В то же время принципиально иную позицию заняли представители стран арабо-мусульманского мира, призвавшие уважать демократический выбор палестинского народа. Аналогичную позицию заняла Россия, президент РФ В.В. Путин, выступая на пресс-конференции в Мадриде, заявил о готовности принять делегацию «Хамас» в Москве [1]. Решение о выделении палестинцам символической суммы 10 млн. долларов в качестве финансовой помощи показало стремление Москвы проводить отличную от американской политику в отношении нового палестинского правительства.

Первоначально большинство аналитиков склонялось к тому, что «Хамас» в силу обретения власти будет вынужден скорректировать свою агрессивную риторику в отношении Израиля. Например, отечественный исследователь Г.Г. Косач полагал, что «Хамас» пойдет по пути партии «Фатх», и как в начале 1990-х это сделал покойный Ясир Арафат, лидеры «Хамас» пройдут «свой путь Осло» [2]. Отметим, что данные надежды имели определенные предпосылки, так как даже глава политбюро «Хамас» Халед Машаль, занимавший всегда непримиримую позицию по вопросу признания Государства Израиль, допустил возможность заключения перемирия с Израилем сроком на 10 лет.

Однако события на Ближнем Востоке развивались по иному сценарию. Ключевую роль в очередном обострении арабо-израильских отношений сыграла летняя война в южном Ливане между Армией Обороны Израиля и формированиями шиитской партии «Хизбалла». Похищение близкими к «Хамасу» палестинскими военными группировками израильского капрала Гилада Шалита и последовавшие вслед за этим массовые аресты израильтянами функционеров «Хамас» перечеркнули слабые надежды на возможность относительно стабильного сосуществования между «Хамас» и Израилем. Обе стороны взяли курс на жесткую конфронтацию.

Ухудшающаяся ввиду экономического бойкота правительства и военных операций Израиля социально-экономическая ситуация на палестинских территориях привела к резкому росту внутривнутриполитической борьбы. Президент ПНА Махмуд Аббас и глава палестинского правительства Исмаил Ханийя издавали распоряжения, отменявшие одно другое. Политическая борьба двух партий переросла рамки парламентских дискуссий, когда за оружие взялись военизированные отряды – «Бригады мучеников Аль-Акса» («Фатх») и «Батальоны Изеддина Аль-Кассама» («Хамас»). Внутривнутрипалестинские столкновения на Западном Берегу и, особенно, в Секторе Газа стали привычным явлением к концу 2006 г. Лидеры обеих сторон упорно отказывались к компромиссу, при этом Аббас настаивал на проведении досрочных парламентских и президентских выборов, а лидеры «Хамас» предлагали создать правитель-

ство национального единства с участием представителей «Фатх», но под эгидой «Хамас».

Ситуация грозила перерасти в полномасштабную гражданскую войну. Палестинские партии пользовались поддержкой влиятельных региональных держав: Саудовская Аравия негласно содействовала партии «Фатх» и президенту Аббасу, в то время как на стороне «Хамас» находились Сирия и Иран. Обеспокоенные ростом влияния Ирана на внутривнутрипалестинские отношения, саудовские правители решили сыграть на опережение, выступив в качестве посредника на проходивших в Мекке переговорах между «Фатх» и «Хамас». В результате 8 февраля 2007 г. было достигнуто долгожданное соглашение о перемирии между палестинскими фракциями и о создании правительства национального единства, в котором будут представлены «Фатх», «Хамас» и независимые палестинские политики [3].

Однако до сих пор нерешенными остается много вопросов. Неясно, будет ли снят экономический бойкот ПНА, так как представители «Хамас» не заявили о своей готовности признать Государство Израиль. Неизвестно, какие решения будет принимать правительство по важнейшим внутри- и внешнеполитическим вопросам. Можно лишь констатировать тот факт, что у российской дипломатии есть реальная возможность активизировать свою деятельность как ко-спонсора процесса ближневосточного урегулирования. Свидетельством тому является очередная визит делегации «Хамас» во главе с Машалем в Москву, совершенный после заключения мекканского соглашения.

Литература

1. Пресс-конференция Президента России В.В.Путина с Председателем Правительства Испании Хосе Луисом Родригесом Сапатеро, Мадрид, 9 февр. 2006 г. / Министерство иностранных дел Российской Федерации. <http://www.mid.ru/bgrp_4.nsf/sps/5ED56107E9FD0B67C325711100333C15>.
2. Косач Г.Г. Победа Хамас: не стоит ли поговорить о реальности? // <http://www.iimes.ru/rus/stat/2006/02-02-06a.htm>
3. Косач, Г.Г. ФАТХ и ХАМАС: соглашение достигнуто? // <http://www.iimes.ru/rus/stat/2007/11-02-07a.htm>

Положения выходцев из стран Азии и Африки в Канаде

Радченко Ольга Васильевна

University of Guelph, Guelph, Ontario, Canada

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Цель предлагаемого исследования ретроспективный анализ миграционного движения из стран Азии и Африки в Канаду. Основываясь на богатом фактическом и статистическом материале, автор определяет основные детерминанты афро-азиатской миграции и делает прогноз развития этого процесса.

Цель предлагаемого исследования ретроспективный анализ миграционного движения из стран Азии и Африки в Канаду. Основываясь на богатом фактическом и статистическом материале, автор определяет основные детерминанты афро-азиатской миграции и делает прогноз развития этого процесса.

По причине относительной «молодости» обширные территории Канады заселялись преимущественно способом иммиграции. Все современные жители страны, кроме потомков коренного населения, имеют предков, которые пересекли океан и поселились здесь всего несколько поколений назад.

Выходцы из Азии и Африки появились в Канаде ещё до образования государства, иммигрировав из отдельных колониальных провинций. Так, в конце XVIII в. на западные берега Канады прибыли первые рабочие из Китая, чтобы трудиться на золотых рудниках и судостроительных верфях. Во второй половине XIX в. правительство новообразованной страны санкционировало создание дешевой и легко пополняемой трудовой силы, предназначенной для реализации проекта строительства железной дороги, через всю страну с запада до востока, за короткий срок и при минимальных затратах. В основном составе этой массы эксплуатируемых трудящихся были временные рабочие из Китая, многие из которых после завершения работ остались на постоянное жительство и образовали первые Китайские общины, таким образом, заложив базу для многочисленного Китайско-Канадского общества в современной Британской Колумбии. Первые выходцы из Африки, которые образовали поселения в Канаде, попали туда не прямым путем, а в качестве беженцев бегущих от рабства из Соединенных Штатов.

Не смотря на то, что Азиатские и Африканские диаспоры существовали давно и продолжали разрастаться и пополняться новыми пришельцами, до второй половины XX века главными источниками новопоселенцев в Канаде оставались Европейские страны. Эта тенденция

резко изменилась в после-военный период, когда начали очень ясно вырисовываться противоречия между мирными анти-фашистскими настроениями международного общества и иммиграционной системой Канады. Узаконенный расизм и открытая дискриминация не могли больше продолжаться в государственных масштабах. Следовательно, в иммиграционной политике были устранены ограничения на количество мигрантов прибывающих из стран Азии и Африки. В результате двери открылись на много шире для не-Европейских этнических групп, и страна начала преобразоваться быстрыми темпами, создавая основу для дальнейшего демографического, социального, экономического, политического, и культурного развития Канадского общества.

Самую неоспоримую роль история иммиграции сыграла в определении национальной идентичности и формированию национального самосознания в его нынешнем виде. Органическими (в результате продолжительного сожительства разных этносов, принуждающего к взаимопониманию и терпимости в межэтнических отношениях) и искусственными (в результате развития образа Канады как примерного космополитического общества целенаправленной правительственной политикой) путями появилась концепция мультикультурализма, быстро ставшая неотъемлемой частью Канадской идентичности. На вопрос о главных национальных аспектах, любой школьник вероятно назовет (помимо хоккея) такие понятия как плюрализм, равенство, демократия и мирное настроение. В общем стремлении сформулировать собственное национальное самосознание и отгородить его (насколько это возможно) от культурных и идейных влияний могучего южного соседа, многие Канадцы находят различия в идеологиях мультикультурализма и их жизненных воплощениях в США и Канаде. Подобные взгляды отражаются в популярной теоретической схеме которая называет два возможных типа обществ с большим количеством иммигрантов: общества предпочитающие ассимиляцию переселенцев из других народов и общества поощряющие культурную многогранность. Согласно этой теории, подход США к иммигрантам основан на системе устроенной в виде «плавильного котла». Структура Канадского общества, напротив, больше напоминает «салат оливье». Эти яркие аналогии подчеркивают различное восприятие роли и места культурных и лингвистических меньшинств – то, как именно новоприбывшие жители страны вписываются в ее общественный социально-культурный строй. Следуя этим кулинарным образам, в США идет слияние разных культур в одну единую – при этом естественно верх берут укорененные культурные традиции а малочисленные растворяются – а в Канаде отдельные культурные частички гармонично перемешиваются создавая целостность но при этом сохраняя свои особенности. В Канаде преобладает единство

непохожих, а новые граждане могут свободно сохранять свои традиции и сочетать их с общеканадскими, и совсем не обязаны выбирать одно из двух.

Во многих отношениях такой идеальный тип действительно соответствует реальности. В последнее время Канада принимает около 214 000 иммигрантов в год. Наибольшие количества прибывают из Китая, Индии и Пакистана, но представители Филиппин, Ирана, Нигерии, Ирака, Марокко, Египта, Сомали и других стран тоже многочисленны. Подавляющее большинство из них поселяются в многонаселенных пунктах, поэтому неудивительно, что 44% населения Торонто и примыкающих районов были рождены за пределами Канады, то есть являются иммигрантами. Если ещё учесть что во многих семьях хотя бы часть культурных традиций передаются новым поколениям, то можно осознать всю пёструю гамму человеческой разнообразности, которая делает Торонто настоящим микрокосмом планеты. Существует большое количество кварталов и даже целых массивных районов, где преобладают коммерческие структуры и жители той или иной общины. Члены национальных диаспор создают множество этнических организаций и ведут активную работу по самым разным направлениям. Ассоциации, фонды, культурные центры, комитеты, и прочие общественные группы созданы вокруг той или иной этничности, среди прочего: устраивают фестивали и культурные мероприятия, предоставляют помощь новым иммигрантам, заботятся об улучшении собственных общин, ведут образовательные программы против расистских настроений, а также сотрудничают в вопросах коммерции и торговли. Выходцы из стран с низкими уровнями жизни часто создают организации с целью направлять экономическую помощь и способствовать социальному и политическому развитию в родных странах. Этнические меньшинства часто проявляют активность на политической арене, но по статистике, их представителей все ещё очень мало на высших слоях политических структур.

По данным многочисленных опросов, Канадская публика относиться весьма положительно к мультикультурализму и практикует толерантность к представителям разных этносов и народностей проживающих в стране, но далеко не все воспринимают плюрализм так оптимистично. Случаи открытых категоричных высказываний против иммиграции из Азии и Африки высокопоставленными личностями довольно редки, но напряжение в межэтнических отношениях существует, и этот вопрос все чаще рассматривается в академических кругах и обсуждается в Канадских СМИ. Те, кто выдвигают позицию за сокращение количества иммигрантов, в дополнение к экономическим и социальным аргументам присоединяют и вопрос о возможности создания

цельного и крепкого полотна нации из множества отдельных лоскутков. Сторонники иммиграции, в ответных аргументах доказывают, что такое действительно возможно, ссылаясь на то, что современная Канада одна из самых благополучных, демократических и спокойных стран мира и поэтому является неоспоримым доказательством преимуществ многоэтнического общества. Вопросы на такие темы как иммиграционная политика, экстримизм и терроризм, отношения между сотрудниками милиции и этническими меньшинствами, и противоречия между религиозными традициями и законам являются наиболее актуальными для современных Азиатских и Африканских общин в Канаде. От того, как разрешаться дискуссии на подобные темы зависит не только участь носителей этих этничностей но и направление будущего развития всего Канадского общества.

Роль кастового фактора в политической жизни современной Индии

Родивилова Дарья Александровна

Липецкий государственный педагогический университет

Своеобразие индийской социальной структуры заключается в том, что каждый индус занимает положение в обществе в зависимости от принадлежности к той или иной касте. Несмотря на то, что в индийской Конституции подчеркивалось равенство всех граждан, каста не только не прекратила свое существование в XXI в., а, наоборот, заметно усилила свои позиции в экономической и политической жизни страны.

В результате многовекового существования кастовой иерархии возникло устойчивое социальное неравенство. Высшие касты оказались наиболее развитыми в политическом, экономическом и культурном плане в отличие от низших каст, которые существенно отстали, особенно в сфере образования и государственной службы, являвшимися традиционной привилегией высших каст. С целью преодоления отсталости низших каст была разработана система резервирования, или позитивной дискриминации, которая предполагает предоставление квот на государственных предприятиях и в высших учебных заведениях. Резервирование распространяется на зарегистрированные касты - бывшие «неприкасаемые», зарегистрированные племена и так называемые «прочие отсталые классы», занимающих в кастовой системе промежуточное положение между высшими кастами и зарегистрированными кастами. В населении страны их доля на 2004 г. составляет

43%. [3] Среди «прочих отсталых классов» преобладают крестьянские касты.

В 1992г. Верховный суд Индии ввел новое понятие – так называемый «слой сливок», к которому отнесли наиболее экономически благополучные касты среди отсталых, а также отдельных представителей этих каст [6, с. 13-14]. Им было отказано в квотах на государственных предприятиях. В данной работе мы рассмотрим политическую борьбу по вопросу распространения этой категории на зарегистрированные касты и племена.

19 октября 2006 г. Верховный суд Индии выделил «слой сливок» среди зарегистрированных каст и племен и постановил не предоставлять им квоты [4]. Это решение Верховного суда вызвало большой резонанс в индийском обществе. Безусловно, лидеры ведущих политических партий должны были обозначить свою позицию по данному вопросу.

Что касается Индийского национального конгресса, правящей партии, то его деятели были очень осторожны в своих высказываниях, справедливо полагая, что это еще не окончательное решение. А. Сингви, спикер партии, заявил: «Мы пока не можем твердо занять какую-либо позицию в вопросе выделения среди зарегистрированных каст и племен «слоя сливок», так как необходимо все тщательно обсудить. Но в любом случае все решения Верховного суда являются обязательными для исполнения» [4].

«Бхаратия джаната партии» (БДП), партия правоцентристского толка, старается не озвучивать свою позицию по этому вопросу, пока правительство не отреагирует на решение Верховного суда, опасаясь, что скоропалительное решение может оттолкнуть либо представителей «прочих отсталых классов» и зарегистрированных каст и племен, которых немало среди высшего руководства партии, либо высшие касты, интересы которых она традиционно представляет. Один из деятелей БДП, Рави Шанкар Прасад, заявил: «Мы должны тщательно изучить это постановление [Верховного суда]. БДП поддерживает политику резервирования, но квотами должны пользоваться лишь те, кто в этом действительно нуждается. Но прежде чем делать какое-либо заявление по этому вопросу, мы хотим узнать ответ правительства Верховному Суду» [4]. «The Times of India» пишет: «Если БДП, традиционно выражавшая интересы высших каст, поддержит решение Верховного суда о лишении квот «слоя сливок», то, безусловно, угодит своему «банку голосов» [5]. Но нельзя забывать, что в последние годы среди высшего эшелона партии появилось немало представителей «прочих отсталых классов», которые сильно влияют на ее политику». Таким образом, БДП старается найти «золотую середину» в этом вопросе, чтобы удов-

летворить ожидания своей традиционной кастовой базы и в то же время не потерять голоса «прочих отсталых классов» и зарегистрированных каст и племен, которые составляют большинство населения страны.

Несмотря на то, что Компартия Индии (КПИ) неоднократно требовала не распространять резервирование на «слой сливок» среди «прочих отсталых классов», она крайне отрицательно отнеслась к решению Верховного суда о распространении концепции «слоя сливок» на зарегистрированные касты и племена. Д. Райя, секретарь партии, назвал это постановление «реакционным», добавив, что оно «подготавливает почву для отказа от политики резервирования» [4]. Д. Райя также заметил, что существуют четкие критерии для определения представителей «слоя сливок», но ничего подобного в отношении зарегистрированных каст и племен нет. КПИ настаивает на том, чтобы все представители зарегистрированных каст и племен имели доступ к резервированию, независимо от их принадлежности к «слою сливок». Иначе, как сказал Д. Райя, «если они захотят избавиться от системы резервирования, им останется сделать всего один шаг» [4]. Компартия (марксистская) также высказалась против решения Верховного суда, но не так категорично, как КПИ. П. Карат, секретарь партии, заявил: «Слой сливок» должен выделяться только среди «прочих отсталых классов», но не как среди зарегистрированных каст и племен. Мы не согласны с этим постановлением» [4].

Против решения Верховного суда выступили не только общенациональные, но и региональные партии. Лидер партии «Дравида муннетра кажагам» (ДМК), которая является союзником ИНК по правящей коалиции на юге Индии, М. Карунанидхи заявил, что представители «слоя сливок», несмотря на свое материальное благополучие, по-прежнему являются отсталыми в культурном и социальном плане, а ведь именно это и должно помочь преодолеть резервирование, поэтому квоты для них должны сохраниться [2]. Рэм Вилас Пасван, президент «Лок джаншакти парти» и одновременно член Кабинета министров, сказал: «Слой сливок» не должен быть исключен из системы резервирования» [1].

Таким образом, в основном против решения Верховного суда о выделении среди зарегистрированных каст и племен «слоя сливок» и лишении их квот выступили партии левого крыла, а БДП и ИНК заняли выжидательную позицию. При этом и те, и другие старались сохранить свои «банки голосов». Основу кастовой базы партий левого толка составляют как раз низшие касты, поэтому они и высказались против постановления Верховного суда. Кастовая база БДП – это высшие касты, но партия заинтересована в расширении ее за счет «прочих отста-

лых классов» и зарегистрированных каст, поэтому, балансируя между теми и другими, она опасается делать поспешные выводы. ИНК как партия власти также не стала принимать скоропалительных решений. Мы можем отметить, что политические партии постоянно используют кастовый фактор, частным выражением которого является борьба по проблеме резервирования. Позиция партии по вопросу предоставления квот зависит от того, за счет какой общности она хочет расширить свою кастовую базу.

Литература

1. The Hindustan Times. 20.10. 2006.
2. The Hindustan Times. 27.10.2006.
3. The Sunday Express. 4.06.2006.
4. The Times of India. 20.10.2006.
5. The Times of India. 26.10.2006.
6. Venkatesan V. Political consensus. // Frontline, 5.05.2006.

Российско-китайские внешнеторговые связи

Родионов Андрей Андреевич

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Россия и Китай – два государства с огромным потенциалом, практически неограниченными ресурсами и развивающимися экономиками. Эти два государства находятся в стадии переходного периода, но избранные пути и стратегии развития кардинально отличаются. Тем не менее, разница в выбранных путях развития совершенно не мешает процветанию тесных двухсторонних межгосударственных политических отношений.

Значимость и важность Китая, как торгового партнера России, в первую очередь обусловлена географическим положением двух государств, сухопутная граница имеет протяженность в 3300 километров.

Так, в 2003 году в российском импорте Китай занимал второе место вслед за Германией, обогнав такие страны, как Италия, Нидерланды и США, и составив 7,5% от общего импорта Российской Федерации (44,2 млрд. долл.). В экспорте же Китай занимал 4-е место с долей 7,5% от общего экспорта Российской Федерации (113 млрд. долл.), следуя прямо за Германией, Нидерландами и Италией [1, с. 652-653].

Менее значимую позицию занимает Россия в китайской торговле. При этом доля России в китайском импорте значительно выше, чем ее доля в экспорте КНР. Так, в 2003 году доля России в китайском импорте достигла показателя 2,36%, а доля российского экспорта составила

еще меньше – 1,38%. В 2004 году, несмотря на то, что общий китайский импорт значительно вырос за год, долевой показатель России снизился и составил в указанном году 2,16%. Но экспорт Китая в РФ развивался быстрее, чем общий объем экспорта Китая, поэтому доля России повысилась и составила в 2004 году 1,53% [2].

Немаловажным является факт взаимодополняемости экономик двух государств. Китай, как «мастерская мира 21 века» заинтересован в диверсификации источников импорта сырья, а также нуждается в стабильном огромном по масштабам рынке сбыта достаточно дешевой продукции массового потребления. Для России же Китай является приоритетным зарубежным партнером для решения наиважнейшей стратегической задачи развития Сибири и Дальнего Востока, а также представляет неоспоримый интерес по причине того, что на фоне мировой глобализации Китай играет роль катализатора по ускорению и усилению региональной интеграции в Восточную Азию.

В последние годы стала особенно заметно проявляться тенденция быстрого увеличения доли материальных ресурсов в общем экспорте РФ в КНР. Так, если в 2003 году на долю минерального топлива и нефтяных продуктов приходилось всего 21,5% общего экспорта России в Китай (2,095 млрд. долл.), то в 2005 году этот показатель уже вырос до фантастических 44,8% (7131,5 млрд. долл.).

Китайский же импорт в Россию пока имеет ориентацию, направленную сугубо на товары массового потребления. Точнее говоря, товары повседневного потребления, начиная с самых простых зонтиков и шапок, заканчивая новейшими моделями бытовой техники. Немалую долю в китайском экспорте занимает текстиль и изделия из него. В последнее время в магазинах и на рынках стало особенно заметно обилие китайских товаров. Так, во многих местах торговли, магазин ли это, или рынок, везде можно встретить товар с заветной надписью «Made in China», даже в таких магазинах, как Nike, IKEA, «Эльдорадо» и других, немалая доля предлагаемых товаров произведена в Китае.

Рассматривая развитие российско-китайских торговых отношений в среднесрочной перспективе, можно прийти к следующим выводам: во-первых, российско-китайская торговля стала показывать стабильные и достаточно высокие темпы развития, начиная с 1999 года. Во-вторых, импорт Китая с 1999 по 2002 года значительно превышал экспорт, следовательно, торговое сальдо Российской Федерации носило устойчиво положительный характер. Однако в последнее время сложилась тенденция опережения темпами роста российского импорта из Китая темпов роста российского экспорта, тем самым объем положительного сальдо России неуклонно сокращается. Так если в 2001 году данный

показатель был равен 5,3 млрд. долл. США, то в 2004 году уже составлял всего 3 млрд. долл. США.

Ключевой проблемой в двухсторонних торговых связях является проблема нелегальных каналов торговли. Именно по данным китайского экспорта происходят самые большие расхождения в статистике обоих государств. На наш взгляд, это вполне объяснимо. Во-первых, китайская сторона часто прибегает к приемам ведения нелегальной торговли, часто называемой «народной торговлей», во-вторых, китайская сторона использует соседние России государства в виде транзитных зон, в-третьих, жители приграничных с Китаем зон также прибегают к ведению торговли через так называемую «серую растаможку». Так, существует две возможные оценки объема нелегальной торговли: 10 млрд. долл. и более скромная 3 – 5 млрд. долл. [3]. Если эти оценки совпадают с действительностью, то картина двухсторонней торговли кардинально меняется. Российский активный торговый баланс приближается к нулевой отметке, даже возможно, становится пассивным.

Пытаясь справиться с одним злом, Россия получила второе в придачу. Установление чрезвычайно высоких пошлин на ввоз китайской продукции дало толчок для развития коррупции. Челнокам легче, дешевле заплатить взятку пограничнику, чем заниматься официальным оформлением товара. Так, по подсчетам Тарасова А. в 2005 году общая сумма взяток только лишь на одном АПП Забайкальская составила около 0,5 млрд. рублей [4]. Получается, что Россия не только не защищает свой рынок от большого наплыва китайской продукции, но к тому же казна теряет большие средства от развитой системы «серой растаможки».

Самым важным в данной проблеме является отношение правительств обоих государств к данной проблеме. Гельбрас В.Г., считает, что для китайского правительства данная ситуация представляет определенную ценность [5]. Во-первых, «челночная» или «народная» торговля обеспечивает трудоустройство многих десятков миллионов жителей. Во-вторых, «челночная» или «народная торговля» в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке сформировала маятниковую миграцию, создавшую источники заработков для сотен тысяч китайцев и россиян.

Подводя итог, необходимо отметить, что политические связи значительно опережают по уровню экономические. Торговые отношения все время наталкиваются на препятствия, оставшиеся еще после распада СССР, непрерывно идет шлифовка инструментов регулирования двухсторонних отношений, однако же совершенно очевидно, что потенциал развития российско-китайских внешнеторговых связей велик. Так, по мнению многих специалистов, объем российско-китайской торговли в 2006 году превысит отметку в 30 млрд. долл., а возможно и

35 млрд. долл. [6]. Однако, объем товарооборота Китая с США, Японией или Европейскими странами несравнимо больше российского. Так, товарооборот Китая с Японией в 2004 году был равен 167,8 млрд. долл., с Германией 54,1 млрд. долл., с США 159,6 млрд. долл., а с Россией всего 21,2 млрд. долл. [7].

России и Китаю есть куда стремиться, перед двухсторонними торговыми связями открываются большие перспективы, однако приоритетными остаются вопросы решения насущных проблем в виде нелегальной торговли.

Литература

1. Российский статистический ежегодник 2004. Москва, 2004.
2. Таможенная статистика КНР (Haiguan tongji). Пекин. 2004; 2005. и расчеты по ним.
3. *Гельбрас В.Г.* Россия в условиях глобальной китайской миграции. М., 2004.
4. *Тарасов А.* Russian Camels. Эксперт Сибирь №47-48 (143) 18-24 декабря 2006 г.
5. http://asiatimes.narod.ru/story/002/china_russ_1.htm (официальный сайт газеты Asiatimes)
6. <http://www.gosclub.ru/news/news/136445493> (официальный сайт Государственного Клуба)
7. Таможенная статистика КНР (Haiguan tongji). Пекин, 2005.

К вопросу о современном состоянии банковской системы Саудовской Аравии

Рыбалкин Роман Сергеевич

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

На сегодняшний день банки являются старейшими и самыми крупными (с точки зрения активов) финансовыми посредниками. В Саудовской Аравии они играют особую роль, составляя, по сути, важнейшую и крупнейшую часть финансовой системы страны и являясь своеобразным «барометром» для национальной экономики. Отметим, что в отсутствие инвестиционных банков, все банки системы, являются, по сути, универсальными.

Банковская система Саудовской Аравии представляет собой сложившуюся и развитую структуру. Так, отношение совокупных банковских активов к ВВП страны (производственный метод) составляло в 2005 году 69,8%, в то время как для Северной Америки этот показатель составляет 71,8% [4, с. 171]. При этом система является весьма эффек-

тивной: доходность собственного капитала банков с 2000 по 2005 год возросла с 14,9 до 28,54 процентов [5]. Рентабельность же активов в 2005 году составила 3,69% [5].

В настоящий момент система представлена 11 банками, находящимися в национальном владении или в совместном владении граждан королевства и иностранных лиц. Помимо этого в стране действует пять иностранных коммерческих банков, и еще пять уже получили лицензии на деятельность внутри страны. Важно, что королевство перестало придерживаться традиционной закрытости банковской системы лишь в последние годы. Так, еще в 2000 году в стране действовал лишь один иностранный банк.

Существенно, что вследствие уникальной структуры банковских пассивов, на 44,8% состоящих из депозитов до востребования [2, стр. 64], система является чрезвычайно стабильной. При этом банковский сектор лишь незначительно подвержен влиянию фондового рынка; в основном это касается небольших банков. Лишь один из ключевых банков системы недостаточно стрессоустойчив и нуждается в особом внимании со стороны Финансового агентства Саудовской Аравии. [6, с. 16-18].

Важной отличительной чертой банковской системы Саудовской Аравии является наличие специальных исламских финансовых инструментов (в Коране запрещается взимание процентов правоверными мусульманами) [1, с. 38-39]. Вместе с тем, важно, что лишь два банка страны в принципе не используют традиционных финансовых инструментов. Остальные банки отделяют особые беспроцентные депозиты и инвестируют их в соответствии с рекомендациями специальных наблюдательных советов.

Вместе с тем, несмотря на существенное развитие банковского сектора страны в настоящее время ему предстоит решить ряд внутренних проблем.

К ним, прежде всего, относится отсутствие «длинных денег». Высокая доля вкладов до востребования, во многом обеспечивающая стабильность системы, привела к несовпадению сроков погашения по кредитам и вкладам. Несмотря на низкую инфляцию (в среднем менее 1% за рассматриваемый период) и стабильный курс национальной валюты, банки редко предоставляют средне- и долгосрочные кредиты в связи с риском неликвидности. Отсутствие вторичного рынка депозитарных сертификатов и сложности, связанные с исламскими ценностями и законодательством, с которыми сталкиваются банки при разработке новых инвестиционных инструментов, усугубляют проблему «длинных денег» в экономике.

Сильная зависимость национальной экономики от динамики цен на нефть не позволяет банкам эффективно диверсифицировать риски внутри страны, что вызвало необходимость высокой достаточности капитала (в среднем – 12,91%). Отметим также, что хотя результатом существования ограничений по кредитованию, ликвидности активов, кредитованию иностранных компаний и осторожности банков и явился высокий уровень стабильности системы, объемы финансового посредничества остались достаточно низкими. В 2004 году отношение обязательств частного сектора перед коммерческими банками к ВВП составило в Саудовской Аравии лишь 32,3% [2, с. 63].

Еще одной проблемой является несовершенство правовой системы. Так, в Саудовской Аравии до сих пор не существует юридических норм, касающихся залоговых, вследствие этого развитие жилищного строительства финансируется преимущественно за наличные деньги. Создание соответствующей нормам шариата системы залоговых в королевстве поможет высвободить капитал и направить его на финансирование развития других секторов экономики. Здесь может быть учтен опыт других стран по использованию таких видов исламских залоговых, как мурабаха и иджара.

Также к внутренним проблемам относится непонимание широкими слоями населения страны банковских услуг. Так, большая часть людей использует банковские карточки не для совершения платежей, а для получения наличных. Так, средняя сумма, снимаемая с карточки, в Саудовской Аравии составляет 166,5 долларов (в Великобритании – 84 доллара, а в США – 68 долларов). [3, с. 321].

Таким образом, можно утверждать, что с одной стороны банковская система Саудовской Аравии представляет собой развитую и устойчивую структуру. Вместе с тем, с другой стороны, видно, что изменения ментальности населения страны и правовых норм в финансовой сфере происходят крайне медленно, что наряду со спецификой национальной экономики препятствует дальнейшему развитию банковской системы.

Литература

1. Коран. Ростов-на-Дону, 2001.
2. 42-ой ежегодный отчет Финансового агентства Саудовской Аравии, 1427 (2006) год. (на арабском).
3. Eighth Development Plan, 2005-2009 (АН 1429/30 – 1435/36), Ministry of Economy and Planning, Kingdom of Saudi Arabia, 2003.
4. Global Financial Stability Report, IMF, 2005.
5. Publication of Economic Development, Fourth Quarter of 2005, Saudi Arabian Monetary Agency, Research and Statistics Department.
6. Saudi Arabia: Financial System Stability Assessment, IMF, 2006.

Инвестиции и сбережения в арабских странах (1980-2005 гг.)

Салийчук Алексей Васильевич

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Сбережения и накопление физического капитала – это два ключевых фактора экономического развития. Целью нашей работы было проследить динамику нормы сбережений и инвестиций в арабском мире, начиная с 1980 года, и по возможности обозначить ее связь с экономическим ростом. Для этого мы использовали средние невзвешенные пятилетние значения этих показателей в 5 арабских странах (АС) – экспортерах нефти (Алжир, Бахрейн, Кувейт, Оман, Саудовская Аравия) и 5 «нефтяных» странах (Египет, Иордания, Марокко, Сирия, Тунис). Ниже изложены основные полученные нами выводы.

До перелома нефтяной конъюнктуры в начале 1980-х годов норма инвестиций в АС наряду с НИС была одной из самых высоких в мире (равно как и темпы экономического роста). Но уже в 1985-89 гг. этот показатель буквально обвалился: на 7 процентных пунктов в нефтяных странах и на 6 – в нефтяных (см. таблицу 1). В дальнейшем норма валового накопления в обеих группах стран снижалась или стагнировала. Даже новый виток роста цен на нефть, который начался в 2002 году пока не привел к повышению доли инвестиций в ВВП.

Снижение нормы валового накопления в нефтяных АС полностью объяснялось сокращением государственных инвестиций при неизменном уровне частных инвестиций (к сожалению, у нас нет аналогичных данных по странам-нефтеэкспортерам, но предполагаем, что в них ситуация была аналогичной) [1]. В результате соотношение частного и государственного сектора в их валовом накоплении увеличилось с 2 к 3 в начале рассматриваемого периода до 3 к 2 – в конце. Это по-прежнему намного меньше, чем в развитых странах и НИС первой волны (в частности, Корея) – 5-6 к 1 и в Малайзии, Тайланде, Индонезии – в среднем 3 к 1.

В отличие от инвестиций, динамика внутренних сбережений в странах – экспортерах нефти, с одной стороны, и нефтяных – с другой, обнаруживает существенные различия. В Алжире и государствах Залива вслед за движением цен на нефть и изменением сальдо торгового баланса норма сбережений вплоть до последнего времени снижалась, чтобы буквально за несколько лет взлететь до уровня двадцатилетней давности.

Доля сбережений в ВВП нефтяных АС выросла с 10% до 15% ВВП, но это увеличение полностью объясняется улучшением ситуации

с государственными сбережениями (снижение бюджетного дефицита). Из всех регионов развивающегося мира только в Тропической Африке норма внутренних сбережений так же невелика, в Латинской Америке и Южной Азии она достигает 19-20% ВВП, а в Восточной Азии – 35-40% ВВП.

Поскольку в большинстве современных эмпирических исследований подчеркивается большое значение внутренних сбережений для экономического роста развивающихся стран в средне- и долгосрочном периоде, представляется важным вопрос: почему норма сбережений в АС намного ниже, чем в стремительно развивающейся Восточной Азии. Мы оценили уравнение регрессии с пятью переменными (выборка из 67 развивающихся стран, в том числе 10 рассматриваемых нами АС; среднее значение объясняющих переменных за 1980-2001 год рассчитано нами по World Development Indicators 2003; коэффициенты при всех переменных имеют ожидаемый знак и, за исключением внутреннего кредита, значимы при уровне значимости 1%, внутренний кредит не значим при уровне значимости 10%; скорректированный R-квадрат равен 0,79).

Переменная	Коэфф-т	ВА - АС	ВА - нефтеэкспортеры	ВА - нефтяные страны
Внешние сбережения, % ВВП	-1,0185	3,8	-2,6	10,1
Доля населения < 15 и > 65 лет	-0,6719	3,9	3,0	4,9
ВВП на душу, дол. 1995 года	0,0006	0,1	-1,6	1,8
Средний темп роста реального ВВП	1,6794	3,5	4,3	2,6
Внутренний кредит, % ВВП	0,0187	0,1	0,4	-0,1
Объясненная разница		11,4	3,4	19,3
Действительная разница		9,2	0,4	17,9
Необъясненная разница		-2,2	-3,0	-1,4

Оказалось, что более низкая норма внутренних сбережений в АС по сравнению со странами Восточной Азии объясняется высокими внешними сбережениями, которые вытесняют сбережения домохозяйств, низкой долей населения трудоспособного возраста и низкими темпами экономического роста (о влиянии экономического роста на сбережения в развивающихся странах см. [4]). Особенно ярко «выталкивающая» роль внешних сбережений проявляется в нефтяных странах региона.

	1980-84	1985-89	1990-94	1995-99	2000-05
<i>Страны-нефтеэкспортеры</i>	% ВВП				
Инвестиции	30,2	23,4	22,7	19,3	18,8
Национальные сбережения	41,5	24,3	21,0	20,8	32,7
Внутренние сбережения	42,9	28,9	27,7	26,9	38,4
Чистые текущие трансферты	-3,6	-5,7	-7,3	-6,5	-6,3
Чистые факторные доходы	2,2	1,0	0,6	0,5	0,6
Иностранные сбережения	-11,3	-0,9	1,7	-1,6	-13,9
<i>Ненефтяные страны</i>					
Инвестиции	29,8	23,9	25,7	23,2	22,0
Национальные сбережения	24,2	20,4	21,2	21,8	23,0
Внутренние сбережения	10,8	12,4	14,7	15,6	15,3
Чистые текущие трансферты	14,6	10,9	10,3	8,8	9,6
Чистые факторные доходы	-1,2	-2,9	-3,8	-2,6	-1,8
Иностранные сбережения	5,7	3,5	4,5	1,4	-1,0

Баланс сбережений и инвестиций показывает, что несмотря на отрицательную величину внешних сбережений (сумма чистых текущих трансфертов и чистых факторных доходов), странам-нефтеэкспортерам в целом удавалось поддерживать положительную разницу между национальными сбережениями и инвестициями. А в периоды благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры они превращались в крупнейших экспортеров сбережений и начинали массово скупать различные зарубежные активы, начиная от билетов казначейства Соединенных Штатов и заканчивая филиалами прославленных музеев и учебных заведений [3, с. 12].

Экономика ненефтяных АС в огромной степени зависит от внешних источников сбережений. Именно резкое снижение поступлений от работников, занятых в хозяйстве стран Персидского залива и стран ЕС, а также снижение объемов помощи от «братьев-арабов», которое имело место в 1980-х годах (в среднем на 5 % ВВП), стало одним из важных факторов слома их в целом достаточно успешной макроэкономической динамики. Вместе с тем, большая сбалансированность национальных сбережений и инвестиций, хотя она и была достигнута дорогой для экономического развития ценой, снизила зависимость ненефтяных арабских стран от притока иностранного капитала и позволила им избежать крупномасштабного долгового кризиса, который был бы неминуем, сохрани они гигантские темпы внешних заимствований 1974-1985 годов. В тот период их внешняя задолженность увеличивалась на 6,3% ВВП в год [4].

Быстрый экономический рост АС в 1960-70-х годах был во многом основан на нестабильных источниках: в странах-нефтеэкспортерах это были нефтяные доходы, в ненефтяных странах – трансферты из-за рубежа. Ведущая роль в инвестировании экономики принадлежала госу-

дарству, инициатива частного сектора была ограничена. С тех пор АС так и не сумели найти стабильные внутренние источники роста: уровень частных инвестиций и сбережений если и увеличился, то очень незначительно. Нефтеэкспортеры могут позволить себе и дальше играть роль рантье, но остальным странам региона не обойтись без повышения экономической активности частного сектора, если они хотят повторить восточноазиатское экономическое чудо. Другой вариант – надеяться на денежные переводы от соотечественников, которые пригодились за рубежом.

Литература

1. *Everhart S, Sumlinski M.* Trends in Private Investment in Developing Countries, Statistics for 1970–2000, and the Impact on Private Investment of Corruption and the Quality of Public Investment, IFC Discussion Paper 44, Washington, D.C., 2001
2. The Gulf States – Buying Up Art and Culture. // *The Economist*, Feb 8th, 2007.
3. *Bisat A., El-Erian M., Helbling T.* Growth, Investment and Saving in the Arab Economies, IMF Working Paper, 1997.
4. Raghuram Rajan Foreign Capital and Economic Growth, IMF, Presentation at a Conference Organized by the Federal Reserve Bank of Kansas City, Jackson Hole, Wyoming, 2006. // <http://www.imf.org/external/np/speeches/2006/082506.htm>

Турция на пути экономической интеграции в Европейский союз в период 1999-2005 гг.

*Спиридонова Татьяна Васильевна*³

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносов

Введение

В июне 1993 г. на заседании Европейского Совета в Копенгагене было признано право стран Центральной и Восточной Европы на вступление в ЕС в случае соответствия трем основным группам критериев, которые в последующем получили название Копенгагенских.

Такая постановка вопроса внесла большую определенность в перспективы вступления Турции в Евросоюз и позволила конкретизировать те экономические задачи, которые должны были быть решены для реализации этих перспектив. Хотя содержательная сторона Копенгагенских критериев представлена подробно в документах Евросоюза,

³ Автор выражает признательность к.б.н. Спиридонову В.А. и доценту, к.э.н. Ульянову Н.Ю. за помощь в подготовке тезисов

вопрос об их полной формализации никогда не ставился. Целесообразно потому попытаться дополнить оценку прогресса Турции на пути достижения экономических условий, необходимых для вступления в ЕС, по копенгагенским критериям оценкой с использованием более формализованных показателей. В данной работе эта задача решается на основе привлечения т. н. Маастрихтских критериев, разработанных для целей создания европейского Валютного союза.

Материал и методы

Проанализированы отдельные разделы документов, которые представляют собой ежегодные отчеты комиссии ЕС по Турции, названные «Прогресс на пути к членству» за 1999 и 2005 гг. В них освещаются, в частности, основные проблемы в вопросе о соответствии Турции экономической группе копенгагенских критериев. Кроме этого, проведено сопоставление динамики и современного состояния макроэкономических характеристик Турции с Маастрихтскими критериями. Эти критерии основаны на Маастрихтском соглашении от 7 февраля 1992 г. (вступило в силу 1 ноября 1993 г.), содержащем описание стадий экономической и кредитно-денежной политики, которые должна пройти страна для вступления в европейский Валютный союз.

Результаты

Отчет «Прогресс на пути к членству» за 1999 г. отражает состояние соответствия экономики Турции требованиям ЕС на момент получения официального статуса кандидата, а соответствующий отчет за 2005 г. – последний отчет ЕС, существующий на сегодняшний день. Их сопоставление наглядно отражает изменения, произошедшие в экономике Турции на пути выполнения страной требований Евросоюза за семилетний период.

Следует обратить внимание на то, что сам Евросоюз также находится в процессе развития, новой стадией которого стал переход к единой валюте. Данное обстоятельство одновременно ужесточает требования к экономическому состоянию стран-кандидатов. Дело в том, что государства, которые образуют Валютный союз, должны иметь очень близкие друг к другу макроэкономические показатели: величину бюджетного дефицита, уровень инфляции и процентных ставок, а также отношение государственного долга к ВВП.

Поэтому более точное представление о процессе и степени приближения макроэкономических характеристик Турции требованиям ЕС можно получить, проследив динамику и нынешние показатели по системе Маастрихтских критериев.

Вступление в ЕС не предполагает одновременного и немедленного участия в Валютном союзе стран-членов. Однако хотя бы относительное приближение к Маастрихтским критериям уже на стадии подго-

товки к вступлению имеет безусловное значение для принятия положительного решения относительно страны-кандидата. Основной целью разработки этих критериев стало устранение экономических различий между странами ЕС и будущими странами-членами и определение необходимой помощи последним на этапе их вступления в Валютный союз.

Вывод

Тем не менее, Турция, несмотря на значительный прогресс, все же не достигла определенных Маастрихтскими критериями показателей. Это несколько снижает значимость положительного отзыва относительно экономического развития Турции в «Прогрессе на пути к членству» за 2005 год. Однако подчеркнем еще раз, что и с точки зрения соответствия с Маастрихтскими критериями нельзя не отметить достижение страной существенных результатов к 2005 году по сравнению с предшествующими годами.

Литература

1. *Ульченко Н.Ю., Мамедова Н.М.* Особенности экономического развития современных мусульманских государств (на примере Турции и Ирана). М., 2006.
2. Regular Report from the Commission on Turkey's progress towards accession. (1999)
3. Regular Report from the Commission on Turkey's progress towards accession. (2005)
4. Togan S., Ersel H. Macroeconomic policies for EU accession. // Turkey economic reforms and accession to the European Union. (2005)
5. AB uyesi ulkelerde ve aday ulkelerde ekonomik gelismeler. Devlet Planlama Teskilati Mustesarligi. AB ile İlişkiler Genel Müdürlüğü (2007)

Образ России по материалам нигерийской прессы за последние три года

Степ Дарья Григорьевна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Цель работы – изучение образа России в общественном мнении Нигерии. Исследование построено на анализе наиболее популярных нигерийских газет: Amana, Daily Trust, Daily Sun, Newswatch, Nigerian Tribune, This Day, The Tide, The Times of Nigeria за период 2005, 2006 и первые месяцы 2007 годов. Актуальность темы вызвана наметившимся стремлением России развивать внешнеполитические отношения с африканскими государствами.

На сегодняшний день СМИ, в общем, и печатные издания, в частности, обладают существенным влиянием на формирование общественного мнения. СМИ формируют представление населения по основным политическим вопросам, в частности, они создают отношение к той или иной стране. С одной стороны газеты, особенно в Африке, пользуются меньшей популярностью, чем телевидение и радио, с другой стороны, они выражают официальное мнение властей и в несколько искаженном виде общественное мнение.

Нигерия представляет собой одну из немногих африканских стран, где власть напрямую не контролирует средства массовой информации, существует относительная свобода слова, а популярные печатные издания доступны через Интернет.

После распада СССР и формирования многополярного мира, влияние России в Африке ослабло. Одной из задач внешней политики России на сегодня является «возвращение» в Африку, развитие политических и экономических связей с африканскими странами. Именно поэтому освещение России в СМИ Нигерии является важным показателем успеха или неудач российской дипломатии.

Литература

1. The Nonsense Of Elections Monitors From America And Europe // Amana Online, 13.10.2005.
2. The Case Against the War // Amana Online, 13.11.2005.
3. Beslan, Islam and the Chechen Question // Amana Online, 12.10.2005.
4. Beslan: Grief for children in a bloody world // Amana Online, 30.12.2005.
5. Happy Birthday, America! // Amana Online, 04.07.2006.
6. Consequences of the War on Terror // Amana Online, 06.09.2006.
7. Get well soon commandante // Daily Trust, 01.09.2006.
8. "So poor they only eat beef" // Daily Trust 15.09.2006.
9. Politkovskaya's murder and Russia's diminishing media freedom // Daily Trust, 14.10.2006.
10. The nomad who runs Starcomms // Daily Sun, 03.01.2005.
11. Dangers in denominating Nigeria's foreign reserve in dollars // Daily Sun, 16.11.2006.
12. Nigeria, Russia inaugurate council to grow trade // Daily Sun, 15.01.2007.
13. Controversial Corpse // Newswatch, 11.12.2006.
14. Making Nigeria great // Nigerian Tribune, 13.09.2006.
15. Plight of Nigerian students in Russia // Nigerian Tribune, 15.12. 2006.
16. Merkel attacks Russian oil cuts // Nigerian Tribune, 11.01.2007.
17. Why are crude prices firming up again? // Nigerian Tribune, 12.02.2007.
18. Biological weaponry, living enemies next door // Nigerian Tribune 02.01.2007.
19. West Africa Energy to Acquire Russian Assets // This Day, 02.12.2007.
20. America without allies // The Tide, 18.04.2005.
21. Bush assures Israeli PM // The Tide, 25.06.2006 .
22. On human development // The Tide, 28.01.2007.
23. Mt "African Pride": Russia makes fresh case for citizens. // The Times of Nigeria, 01.04.2005.
24. Bakassi: Obasanjo's Biggest Blunder - By Phil Tam-Al Alalibo // The Times of Nigeria, 25.07.2006.

Демографические проблемы КНР в условиях создания благоприятных зарубежных экономических отношений.

Стровский Михаил Дмитриевич

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Китайская народная республика – самое густонаселенное государство в мире. Именно поэтому ряд острых проблем, с которыми пришлось столкнуться «Поднебесной» в области народонаселения, планирования семьи и старения нации, не только представляют актуальную область исследования, но и являются той сферой экономики страны, в которой и следует искать ответы на многие другие важные вопросы, вставшие перед Китаем сегодня. Это, прежде всего, проблема становления экономически зажиточного общества, государства широких возможностей для своих граждан. Чрезвычайно важным является вопрос избытка трудовых ресурсов и растущей безработицы, в частности, для соседей Китая, к которым в полной мере относится Россия. Острую важность представляет нелегальная миграция рабочей силы, незаконная трудовая деятельность граждан КНР. Вместе с тем интересными представляются методы по решению современных проблем народонаселения в Китае. Активное повышение уровня жизни, улучшение ее качества, быстрый рост доходов населения привели к совершенно иному подходу к охране человеческой жизни, здоровья, основных прав и свобод гражданина демократического общества. Объявленная в конце 70-х годов т. н. «политика открытых дверей» стала постепенно изменять традиционный взгляд китайцев на собственную семью. Вместе с тем диспропорции в развитии Востока и Запада, а также наличие огромного сельскохозяйственного сектора приводят на данном этапе к серьезным отрицательным тенденциям. Это и неучтенная рождаемость, подтасовка и умышленные неверные ответы на местах, открывающие широкие возможности для коррупции, появлению напряженности в

обществе, замедлению экономического роста страны. Не следует забывать и неминуемые угрозы, которые могут встать перед Китаем в ближайшем будущем: старение населения, рост безработицы, диспропорции в урбанизации и др.

Процесс развития взаимодействия банковской системы Китая с международным банковским сообществом

*Тверская Дарья Васильевна*⁴

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Выход иностранных финансовых институтов на китайский рынок начался еще в 1980-х годах, но их деятельность сдерживалась высокими входными барьерами, установленными законодательством КНР. После азиатского финансового кризиса (1997 г.) и начала реформы банковской системы Китая положение стало постепенно меняться. Тем не менее, к моменту вступления в ВТО (2001 г.) банковский сектор КНР оставался одной из наиболее закрытых для международной конкуренции областей. Такая политика была обусловлена необходимостью защиты национального банковского сектора, в основной своей части остававшегося неконкурентоспособным и экономически малоэффективным.

Обязательства, принятые Китаем при вступлении в ВТО, включали открытие банковского сектора для иностранного капитала к началу 2007 г. с переходным периодом, содержащим ряд постепенных и осторожных шагов.

Сначала иностранным банкам были разрешены сделки только в иностранной валюте. На втором этапе иностранные банки получили разрешение на предоставление услуг в юанях иностранным предприятиям и гражданам, хотя и с географическими ограничениями (начиная с самых богатых регионов – свободных экономических зон и крупных городов). К иностранным банкам предъявлялись более высокие требования к минимальному капиталу и финансовой предыстории по сравнению с международными стандартами.

В 2003 г. для иностранной конкуренции был открыт внутренний рынок услуг, оказываемых в местной валюте китайским предприятиям в относительно большом числе провинций. С начала 2007 г. иностранным банкам было позволено предлагать весь спектр банковских услуг в юанях во всех провинциях (в том числе и населению). Одновременно

⁴ Автор выражает признательность профессору, д.э.н. Гельбрасу В.Г. за помощь в подготовке тезисов

были приняты меры, облегчающие открытие филиалов иностранных банков. Кроме того, руководство КНР увеличило максимальную долю иностранного участия в капитале китайского банка с 15% до 20% общего капитала для одного инвестора и до 25% для суммарного иностранного участия.

Главной проблемой при открытии рынка банковских услуг для иностранного капитала является сохранение доминирующего положения китайской банковской системы. Для того чтобы китайские банки оказались конкурентоспособными по сравнению с иностранными, требуется достичь высокого качества активов и платежеспособности банков, а также внедрить современные методы управления и новые информационные технологии. Достижению этих целей посвящен новый этап реформирования банковской системы Китая, начавшийся в 1999 г. Главными направлениями реформ являлись: во-первых, реструктуризация банков; во-вторых, финансовая либерализация; в-третьих, улучшение регулирования и контроля.

Реструктуризация банков являлась важнейшим направлением банковской реформы, так как плохое качество активов банков наряду с низкой капитализацией представляли собой проблему, требующую неотложного решения. Реструктуризация концентрировалась главным образом на банках «большой четверки» и включала в себя значительные правительственные инъекции капитала с последующей передачей «плохих» долгов банков специально созданным Компаниям по управлению активами (КУА). В период с 1999 по 2006 гг. были проведены инъекции капитала, составляющие 20-24% ВВП.

Следующим этапом реструктуризации явилась организация продажи акций банков на Гонконгской бирже. Власти КНР проявили заинтересованность в привлечении иностранных стратегических инвесторов для приобретения доли в капитале китайских банков с целью диверсификации собственности и улучшения управления. К настоящему времени 14 иностранных инвесторов уже приобрели доли в капитале китайских банков, хотя их участие достаточно низкое (зафиксирован только один случай, когда доля составила больше 20% общего капитала банка).

Необходимым условием для привлечения добросовестных иностранных инвесторов в китайский банковский сектор является решение проблемы противодействия легализации незаконных доходов. Без выработки эффективного механизма борьбы с отмыванием денег нельзя ожидать притока крупного иностранного капитала в банковскую систему Китая. Важной частью мероприятий по адаптации банковской системы КНР к взаимодействию с международным банковским сообществом

ществом является разработка законодательной базы для усилий правительства по борьбе с отмыванием денег.

Способствовать решению этой проблемы призван первый Закон о борьбе с отмыванием денег КНР, вступивший в силу с 1 января 2007 г. Данный закон расширяет понятие отмывания денег, включив в сферу незаконных доходов, помимо полученных от наркобизнеса, терроризма, организованной преступности и контрабанды, также доходы от коррупции и финансового мошенничества. В соответствии с новым законом, административными органами, контролирующими все действия по борьбе с отмыванием денег, являются Народный Банк Китая (НБК) и Комиссия по банковскому регулированию и контролю (КБРК). Закон обязывает предпринимать меры по борьбе с легализацией незаконных доходов китайские и иностранные финансовые и нефинансовые организации. В законе также определены условия и сроки проведения расследования незаконных финансовых сделок и принципы сотрудничества между НБК и международными органами финансового контроля.

Совершенствование законодательной базы, безусловно, является очень важным направлением деятельности, как правительства КНР, так и НБК. Однако в Китае до сих пор существует практика, позволяющая достаточно свободно трактовать нормы действующего законодательства. Поэтому организация работы по противодействию отмыванию незаконно полученных доходов представляется длительным и сложным процессом.

Развитие взаимодействия банковской системы Китая с международным банковским сообществом способствует как постановке, так и решению задач по ее реформированию. Сохранение китайской банковской системы в новых конкурентных условиях будет зависеть от того, насколько китайские банки смогут адаптироваться к новым требованиям, смогут ли эффективно использовать новые информационные технологии, а также произойдет ли в банковской среде принципиальная смена идеологии и мышления.

Литература

1. PRC Anti-money Laundering Law 3600/06.10.31 (2006) // www.chinalawandpractice.com
2. Кузнецова В.В. Банковская система Китая. М., 2003.
3. China's Banking Sector: Ripe for the Next Stage? // Deutsche Bank Research (2006).
4. Lochel H., Zhao X. The Future of Banking in China (2006) // www.verlag.bankakademie.de/program/china.htm
5. http://news.xinhuanet.com/fortune/2006-08/25/content_5004000.htm

Образ Японца в современной массовой европейской культуре

Ткачук Оксана Николаевна

Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина

На протяжении нескольких десятилетий восточная культура интенсивно влияет на развитие и формирование культурных реалий европейской культуры. Особенно сильное влияние можно проследить со стороны китайской и японских культур. В современном мире, стало модным посещать занятия восточной медитации и медицины, приобретаться к чайной церемонии, приобретать предметы искусства с мотивами восточных культур и т.д. В начале XXI века возникает чувство, что мир, наша культура - изменились. Тем не менее, в этом мире продолжают существовать позиции, которые формируют представление о Другой культуре, исходя из прежде живущих в нашем сознании неких культурных комбинаций. Такие культурные комбинации формируются в сознании человека относительно определенной культуры на протяжении историко-культурного процесса, образуя некие архетипы культуры. Такие культурные архетипы, основывающиеся на достаточно ограниченном знании о культуре, формируют представление и отношение к Другой культуре.

Относительно японской культуры в европейской культуре существует ряд архетипов – символов, которые формируют в современной массовой культуре образ Японца. Доминирующими ассоциациями, возникающих при словах «культура Японии» для европейского человека, являются: самурай, камикадзе, якудза, гейша, икебана, бонсай, чайная церемония, оригами, кимоно, манга, суши, тамагочи, «Покемоны» и т.д.

Вышеуказанный перечень говорит о том, что современная японская культура пользуется широкой популярностью на всей территории западной культуры. Сегодня мы с удовольствием читаем Б. Акунина, В. Пелевина, Л.Д. Роулэнд, Ю. Мисиму, Х. Мураками, К.Абэ, Я. Каватабу и др., посещаем суши-бары, смотрим анимационные мультфильмы, кинофильмы А.Куросавы, Т.Китано, приобретаем предметы быта с японской каллиграфией, иероглификой и т.д.

Для определения образа Японца в современной европейской культуры, мы систематизировали основные символические ассоциации, где выделили следующие образы:

1. Японец – воин

Образ Японца как воина начал формироваться в глазах европейца со времен самурайства, затем воплотился в отношениях русско-

японской войны, сквозь события Перл-Харбора, Хирасимы и Нагасаки, продолжает свое существование до сих пор. Данный образ является собирательным, так как японец – воин это: самурай, враг, а так же профессиональный убийца – якудза.

2. Японец – партнер

В первую очередь, в связи с японцем как партнером, говорим как о деловом компаньоне, затем рассматриваем японца как друга, а так же как сексуального партнера.

Современное экономическое развитие Японии, чаще всего связывают с неутомимостью и большой трудоспособностью японского народа. Поэтому о так называемом «японском качестве» знают если не все то очень многие. «Made in Japan» говорит о высоком уровне качества продукции, в связи с этим повышается не только спрос на продукцию, но так же растет интерес к «культуре бизнеса» в Японии.

Японец в качестве друга предстает в сознании европейцев как человека обязательного, верного, готовым рисковать своей жизнью ради своих отношений с хозяином или другом. Формирование образа берет свое начало с различных фильмов и литературы о самурайском долге, чести, затем в более позднее время, отношения господина – слуги трансформировался в отношения мужской дружбы. Эклектичным соединением самурая и друга наиболее ярко представлено в творчестве Б.Акунина.

3. Мода на «Японию»

На протяжении длительного времени Япония воспринимается европейцами как экзотика, специфическая, высокая эстетика с пышными феерическими традициями. Так, к разряду экзотики причисляют: японскую кухню, икебану, оригами и т.д. Особенное место среди экзотики занимает японская письменность, которая привлекает европейский взор своей вычурностью и особой сложностью понимания.

Пиком эстетической красоты в ассоциативном ряде европейского человека выступает гейша. Гейша как некий идеал красоты, идеал наследования женщинами. Часто европейцы сравнивают гейш с куртизанками, проводя параллели между культурными традициями.

В последнее время часто можно встретить различные статьи в гляцевых журналах о японских праздниках. Среди женских журналов такие статьи пользуются широкой популярностью, т. к. стало модным ориентироваться на восточную красоту или скрупулезность продумывания планирования самого мероприятия. Фееричность восточных праздников привлекает европейцев в то время, когда западная культура теряет свою «сказочность» празднования религиозных праздников.

Резюмируя все выше сказанное, следует отметить, что культурные ассоциации, возникающие относительно японской культуры формиру-

ют представление о культуре в целом. Изучая данные образы, мы узнаем механизмы из образования и проецирования их на культуру. Такого рода знание отыгрывает важнейшую роль в формировании процессов коммуникации между восточной и западной культурами.

Литература

1. Акунин Б. Алмазная колесница: в 2 т. Т.1 Ловец стрекоз. М., 2005.
2. Акунин. Б. Алмазная колесница: в 2 т.Т.2. Между строк. М., 2005.
3. Бенедикт Р. Хризантема и меч: Модели японской культуры. М., 2004.
4. Гришелёва Л.Д., Чегодарь Н.И. Культура послевоенной Японии. М., 1981.
5. Лебедев В.А. Образ самурая в современной массовой западной культуре. // Вестник Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. Серия: теория культуры и философия науки. 2004. № 644. с. 86-92.
6. Маркарян С.Б., Молодякова Э.В. Праздники в Японии: обычаи, обряды, социальные функции. М., 1990.
7. Мецержков А.Н. Герои, творцы и хранители японской старины. М., 1988.
8. Накорчевский А.А. Синто. – 20е изд., испр. и доп. – СПб.: Азбука - классика, 2003. – 448 с.
9. Накорчевский А.А. Японский буддизм: история людей и идей (от древности к раннему средневековью: магия и эзотерика). – СПб.: Азбука - классика, 2000. – 384 с.
10. Сила – Новицкая Т.Г. Культ императора в Японии: мифы, история, доктрины, политика. – М.: Наука, 1990. – 206 с.
11. Человек и мир в японской культуре. - М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1985.- 280 с.
12. Япония. Как ее понимать. Очерки современной японской культуры / Пер. с англ. Ю.Е.Бугаева. под ред. Роджер Дж.Дэвис. – М.: АСТ: Астель, 2006. – 317, [3]с.

Образование, как императив конкурентоспособности арабских стран

Успенский Евгений Эдуардович

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Способность государства к развитию системы образования и совершенствованию рабочей силы в настоящее время стала неотъемле-

мой частью экономического развития в целом и конкурентоспособности в частности.

Наиболее острой проблемой арабского образования является спад его качества, который отрицательно сказывается на человеческом развитии. Данный спад связан в первую очередь с уменьшением финансирования. Однако есть и другие факторы, влияющие на качество образования. Например, политика государства в сфере образования, условия, в которых работают преподаватели, учебные планы и образовательные методики.

Состояние преподавания иностранных языков в арабских странах ярко иллюстрирует отсутствие четкой государственной политики в области образования. Лишь одна арабская страна (Ливан), начиная с момента получения независимости, поддерживала преподавание иностранного языка уже в первом классе школ. А в 1995 в Ливане было разрешено преподавать математику и естественные науки на иностранном языке. Несмотря на многочисленные попытки арабизации, в арабских странах Северной Африки иностранный язык (главным образом французский) сохраняет свои позиции. Так в Марокко и Тунисе преподавание французского начинается с третьего класса, а в Алжире с четвертого класса [3, с. 54].

Серьезной проблемой в сфере образования является низкая заработная плата. Во многих арабских странах учителя вынуждены работать на нескольких работах, что поглощает их силы и время, которые могли бы быть посвящены образовательному процессу. Кроме того, Арабский мир сталкивается с проблемой переполненности классов, что сокращает возможности и желание преподавателя творчески взаимодействовать со своими учащимися.

Несмотря на то, что институт высшего образования существует в Арабском мире уже более десяти веков, современные арабские университеты являются достаточно молодыми. Три четверти арабских университетов были основаны в последние 25 лет XX века. Этот факт является важным, так как для укрепления и развития роли высшего образования и знаниеёмкой экономики необходимо существенно больше времени.

Одним из основных качеств университетов в Арабском мире является отсутствие автономии. То есть они попадают под прямое управление правящего режима. Тем не менее, университеты часто становятся центрами политических и идеологических конфликтов, во-первых, из-за ограничений, налагаемых на участие университетов в политической деятельности и, во-вторых, из-за поощрения государством политических течений, верных существующему режиму. Нехватка автономии выражается в том, что университеты управляются в соответствии с

политическими запросами правящего режима, а не в соответствии с разумной политикой в сфере образования. Некоторые университеты, например, переполнены из-за неучтённого увеличения наборов. Это связано с тем, что подобный ход превратился в политический жест для успокоения общества. В свою очередь количественное увеличение в сфере высшего образования происходит за счёт снижения качества этого образования [4, с. 56].

Опыт последних десятилетий выявил новую проблему арабского образования: далеко не все студенты арабских стран, обучающиеся за границей, после окончания высших учебных заведений и аспирантуры возвращаются на родину. Невозвращение студентов на родину стало одной из составляющих «утечки умов» из арабских стран, которая в 60-70-е годы приобрела довольно значительные масштабы и серьёзно ограничивала рост национального научно-технического потенциала и расширение рядов национальной интеллигенции [2, с. 158].

Как и в 1960-1970-е гг., в арабской школе и в университетах преобладает гуманитарное образование. В 1995 году на естественнонаучных и медицинских факультетах университетов (и в соответствующих колледжах) училось в среднем менее одной трети всех студентов. При этом в азиатских НИС рассматриваемый показатель в среднем составлял 40-45%. Так как в учебном процессе основная ставка делается традиционно на запоминание, а не на развитие логического и критического мышления, то неудивительно, что на международных соревнованиях среди восьмиклассников, проводившихся в 1999 г. по естественным наукам и математике, в которых приняли участие представители Иордании, Туниса и Марокко, они заняли далеко не лучшие места [1, с. 36].

В арабских странах, как, впрочем, и в ряде других стран и регионов Востока сохраняются заметные гендерные различия в доступе к образованию. Среди части мусульманского сообщества бытует мнение, что образование женщин вредно или бесполезно (до последнего времени в арабо-мусульманских странах с замужеством у женщин резко сокращались возможности активной работы вне дома, а следовательно, их прямые и косвенные затраты на получение образования во многом оказывались напрасными) [1, с. 37].

Таким образом, можно утверждать, что образование в арабских странах переживает немалые трудности. Становится очевидной необходимость его скорейшего и эффективного реформирования. Оставляя свою систему образования без изменений, арабские страны рискуют потерять всякую возможность на выход из существующего кризиса. В сложившемся обществе, где превалирует знаниеёмкая экономика,

Арабский мир может превратиться в пассивного потребителя иностранных услуг и технологий.

Литература

1. Мельянцева В.А. Арабо-исламский мир в контексте глобальной экономики. М., 2003.
2. Стоклицкий С.Л., Фридман Л.А., Андрукович П.Ф. Экономические структуры арабских стран, М., 1985.
3. Arab Human Development Report 2003: Building a Knowledge Society, New-York, 2003.
4. Arab Human Development Report 2003: Building a Knowledge Society, N.-Y., 2003.

Влияние миграции населения на рынок труда КНР

Худяков Дмитрий Андреевич

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Серьезные структурные изменения экономики Китая привели к появлению крупнейшего за всю историю миграционного потока в мирное время. Численность мигрантов из сельской местности, ищущих работу в городских центрах страны, возросла с 2 миллионов человек в середине 1980-х гг. до 150 миллионов в наши дни. Такая масса мигрантов, без сомнения, оказывает значительное влияние не только на экономику и политику Китая, но и на соседние страны, что делает проблему трудовой миграции одной из ключевых и сложнейших проблем, с которыми сегодня сталкивается Китай.

Внутренняя трудовая миграция внесла значительный вклад в рост экономики Китая, обеспечив 16 % роста ВВП КНР за последние 20 лет. Рассмотрение вопросов, связанных с внутренней миграцией позволяет выявить отраслевые и географические диспропорции в экономическом развитии страны. Миграция является фактором, способствующим промышленному развитию Китая, решению проблем бедности и реализации стратегии развития сельских районов.

Как и в других странах, в которых дешевая рабочая сила является сравнительным конкурентным преимуществом, в Китае зачастую стирается граница между использованием рабочей силы и ее эксплуатацией. Десятки миллионов трудовых мигрантов из сельской местности стали инструментом для ускорения урбанизации и промышленного развития страны, оставаясь при этом второсортными гражданами, не имеющими прав, социальной защиты и доступа к системе социального обеспечения.

Хотя положение мигрантов в Китае много лет игнорировалось, сейчас улучшение условий их жизни и труда оказалось в центре внимания китайского руководства. Сталкиваясь со все большим количеством сложных социальных, экономических, экологических и иных проблем, правительство КНР отдало приоритет «сбалансированному» и «гармоничному» развитию китайского общества с особым акцентом на проблемы и потребности отдельного человека. Это означает, что в ближайшие годы одной из центральных проблем для правительства КНР будет проблема смягчения негативных социально-экономических последствий масштабной миграции населения.

- Согласно переписи 2000 года, содержащей наиболее полные данные о мигрантах, 131 миллион китайцев – 1/10 всего населения страны – проживали вне мест постоянной регистрации (прописки). Исследования Государственного статистического управления, Министерства сельского хозяйства и Министерства труда и общественной безопасности оценивают численность мигрантов из сельской местности в 120 миллионов человек, из которых ок. 100 миллионов мигрировали в города. Последний отчет, опубликованный китайской Академией общественных наук, дает оценку в 150 миллионов мигрантов.
- Основными причинами миграции из сельской местности в города являются безработица на селе и связанное с ней стремление сельских жителей найти работу в несельскохозяйственном секторе экономики, как и их желание вырваться из бедности.
- Трудовые мигранты в основном уезжают из слабо развитых западных и центральных провинций Китая (Сычуань, Аньхой, Хэнань, Ганьсу) и направляются в города юго-восточного побережья, в такие мегаполисы, как Пекин и Шанхай и окружающие их поселки и волости, в провинциальные и уездные центры.
- К 2020 году еще ок. 100 – 150 миллионов сельских жителей пополнят ряды трудовых мигрантов.
- Трудовая миграция из сельской местности в города обеспечила 16 % роста ВВП Китая за последние 20 лет.
- Со времени вступления Китая в ВТО масштаб внутренней миграции из сельской местности в города значительно увеличился. В 2001 г. 37 % населения Китая проживало в городах. Согласно прогнозам демографов, к 2030 г. в городах будет проживать 50 % населения страны, а к 2050 г. – уже 70 %.
- 70 % мигрантов – это люди в возрасте от 16 до 35 лет, большинство из них имеет начальное или неполное среднее образование (9 классов). Большая часть мигрантов зарабатывает в месяц от 300 до 600

юаней (от 36 до 72 долларов США). Около трети мигрантов составляют женщины.

- Большинство мигрантов нанимается на работу, которая обычно рассматривается как грязная, опасная или тяжелая и не является привлекательной для местных жителей. В настоящее время большинство мигрантов занято в строительстве, торговле, пищевой промышленности, предоставляет разного рода услуги. Тем самым мигранты играют ключевую роль в улучшении условий жизни городских жителей.

Литература:

1. *Tunon M.* Internal Labour Migration in China: Features and Responses, Beijing, 2006.
2. Report on Employment in China – Integration of Urban and Rural Employment (Blue Book on Employment), Institute for Labour Studies, Ministry of Labour and Social Security, 2005.
3. *Ping H., Shaohua Z.* Internal Migration in China: Linking it to Development, Conference on Migration and Development in Asia, Lanzhou, 2005.
4. Zhongguo tongji nianjian 2004 – 2006 [Китайский статистический ежегодник 2004 – 2006].
5. Bai Nansheng and Song Hongyuan, Huixiang haishi jincheng? Zhongguo nongcun waichu laodongli huiliu yanjiu [Вернуться в деревню или уехать в город? Исследование миграции из села в город и обратно в Китае]. Beijing, 2002.

Проект «Сахалин -2» в японо-российских отношениях

Шаповалова Елена Александровна

Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина

В японо-российских отношениях появился еще один камень преткновения – строительство крупнейшего в мире нефтегазового комплекса «Сахалин-2», стоимостью \$20 млрд (The Japan times weekly, 2006). Его основным оператором является международный консорциум Sakhalin Energy, который с 1994 г. осваивает местные месторождения РФ на основе соглашения о разделе продукции. Участниками консорциума являются англо-голландская Royal Dutch/Shell (55%), а также японские Mitsui (25%) и Mitsubishi (20%). Российских партнеров здесь нет. В рамках проекта предусматривается освоение Пилтун-Астохского и Лунского месторождений, запасы которых оцениваются в 150 млн т нефти и 500 млрд куб. м газа и строительство завода по сжижению природного газа мощностью 9,6 млн т в год [5]. Поставки сжиженного

газа с 2008 г. будут осуществляться в Японию, Корею и США. Общие поступления РФ от реализации проекта составят предположительно более \$50 млрд при прогнозируемой цене на нефть \$34 за баррель [2].

В настоящее время разгорелись, буквально, экономическая и информационная битвы за проект «Сахалин-2», реализация которого может быть приостановлена. Заголовки зарубежных газет гремят: «Японский премьер «будет с Россией жестоким», «Москва действует силой», «Нефтяной национализм России начинает вызывать тревогу» и другие. Причиной для столь громких заявлений послужило объявление Министерством природных ресурсов России в сентябре 2006 г. об отмене приказа от 2003 г. по поводу положительного заключения экологической экспертизы на комплексное освоение Пилтун-Астохского и Лунского месторождений.

Япония выразила неудовлетворение этим решением. Синдзо Абэ заявил, что этот шаг со стороны Москвы может повредить двусторонним связям с Россией. Ведь, по словам посла Японии Сайто Ясуо, Sakhalin Energy не выполнила лишь половину (то есть около 30) рекомендаций и этих нарушений для отмены экспертизы недостаточно. Он выразил надежду, что «Сахалин-2» продолжит свою работу после конструктивного диалога. По его мнению, беспрепятственное и полное выполнение шельфового нефтегазового проекта «Сахалин-2» является важным как для России, так и для Японии [3].

Взвешенную позицию занял японский министр экономики и промышленности Акира Амари, заявивший 26 сентября 2006 г., что первая реакция Токио на эту проблему была «чрезмерной». «Сначала надо тщательно изучить вопрос о том, как отнестись к разрушению окружающей среды, а уже потом вырабатывать свой ответный подход».

Мнения иностранных политиков поддерживают и жестко выражают СМИ. По мнению немецкой газеты «Handelsblatt» старые договоры Москва воспринимает как реликт периода национального унижения. Свою роль играют также интересы «Газпрома»: сахалинский газ пойдет в обход монополиста и консорциум, ядро которого составляет концерн Shell, может продавать его сам.

В свою очередь, источники в «Газпроме» сообщают, что проблема заключается в перерасходе средств с 10 млрд. долл до, якобы, 25 млрд. В результате правительство получит меньше денег и позже чем рассчитывало.

Всплеск негодования зарубежных СМИ выплился в основном в сторону российских властей и сочувствия Японии как стране, якобы, обижаемой Россией в вопросах спорных территорий, рыболовства и нефтедобычи.

Однако, на наш взгляд, рассмотренные события не приведут к резкому ухудшению японо-российских отношений. Скорее всего, они послужат сигналом к началу активных переговоров, в результате которых стороны смогут прийти к компромиссу. Вряд ли нужно ожидать, что лицензия у Sakhalin Energy в итоге будет отозвана. Такое решение проблемы не выгодно никому, потому что после такого скандала будет сложно найти нового инвестора для столь крупного проекта. Тем более, что причины рассматриваемого события значительно шире, чем просто экологическая безопасность региона, они уходят вглубь событий 90-х гг. 20ст. [1].

Японские политики, несмотря на первоначальные жесткие заявления в сторону РФ, заняли позицию, направленную на поиск компромисса и даже в некоторых аспектах с пониманием отнеслись к мнению экологов и Газпрома. Правительство Японии выражает стремление к наведению мостов с Россией, потому что заинтересовано в наращивании партнерства в топливноэнергетической сфере, а Россия в свою очередь – в совместном участии в инфраструктурных проектах, в совершенствовании транспортной сети, в активном включении её в международные маршруты. Синдзо Абэ может также рассматривать улучшение отношений с Россией как карту в сложной внешнеполитической игре в Восточной Азии.

Литература

1. Шаповалова Е.А. Влияние проблемы «Северных территорий» на экономические отношения России и Японии. // Вісник міжнародного слов'янського університету. Серія „Економіка”, Том 6, №1, 2003.
2. Brown D. Meanwhile Gas Flows, Drilling Continues Politics Pose Sakhalin Questions // <http://www.aapg.org/explorer/2006/10oct/sakhalin.cfm>.
3. Japan protests Russia's suspension of oil project // <http://www.asahi.com/english/Herald-asahi/TKY200609190474.html>.
4. The Japan Times Weekly (2006) Politics of an energy boost. // <http://www.japantimes.co.jp/weekly/ed/ed20061125a1.htm>.
5. 山口 一 (2004). 背景 海氷に働く力 風との関係が最も強い C 値の現状 // <http://www.fluidlab.naoe.t.u-tokyo.ac.jp/~yama/lectures/>
6. www.mofa.co.jp (Министерство иностранных дел Японии).

Материалы XIV Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2007».
Секция «Востоковедение, африканистика».

Научное издание

Издательская лицензия ИД №03821 от 25.01.2001

Издательство «Гуманитарий»

Академии гуманитарных исследований

Подписано в печать 30.04.07. Формат 60x90¹/₁₆.

Гарнитура Times. Печать РИЗО. Усл. п. л. 5.85. Уч.-изд. л. 6.

Тираж 200 экз. Заказ № 0.

Отпечатано в Издательском центре ИСАА при МГУ,

ул. Моховая, 11